

ISSN 2782-6511

ИСТОРИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (ТОМ 1)
2022

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ УРАЛА»

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION
RESEARCH CENTER
«YOUNG HISTORIANS OF THE URALS»

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL

2022 Том 1. № 2
2022 Volume 1. Number 2

Екатеринбург 2022 Ekaterinburg

HISTORICAL GEOGRAPHY JOURNAL 2022 VOLUME 1 NUMBER 2

Ekaterinburg

12+

Published since 2022

ISSN 2782-6511

Academic publication of the results of fundamental and applied research devoted to studying various spatial and temporal aspects of natural, socio-economic and political processes in order to search for patterns of their development in Russia and worldwide.

FOUNDER

Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

**Published with the support of the Fund-Operator of Presidential Grants
for the Development of Civil Society Project № 21-2-002276**

EDITOR

Mikhail M. Mikheev

EDITORIAL BOARD

Elena V. Borodina, Eugenij S. Grishin, Andrew V. Deduk, Andrey A. Zaitsev, Konstantin I. Zubkov, Nadezhda M. Ignatova, Alexey O. Kaisin, Andrej A. Metelskii, Nikolay A. Mikhalev, Andrea Nanetti, Valeriy A. Sangharov, Dmitriy N. Slashev, Stepan N. Temushev

PUBLISHER AND EDITORIAL OFFICE ADDRESS

620144, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta str., 190–414
hist-geo@list.ru

© Autonomous non-profit organization "Research center
"Young historians of the Urals"

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2022 Том 1 № 2

Екатеринбург

12+

Выходит с 2022 г.

ISSN 2782-6511

Научное издание результатов фундаментальных и прикладных исследований, посвященных изучению различных пространственно-временных аспектов природных, социально-экономических и политических процессов для поиска закономерностей их развития в России и мире.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр «Молодые историки Урала»

Издается при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества (Проект № 21-2-002276)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

к.и.н. М. В. Михеев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

к.и.н. Е. В. Бородина, Е. С. Гришин, к.и.н. А. В. Дедук, к.г.н. А. А. Зайцев, к.и.н. К. И. Зубков, к.и.н. Н. М. Игнатова, А. О. Кайсин, д.и.н. А. А. Метельский, к.и.н. Н. А. Михалёв, PhD А. Нанетти, к.и.н. В. А. Санжаров, Д. Н. Слащёв, к.и.н. С. Н. Темушев

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ

620144, Екатеринбург, 8 Марта, 190–414

hist-geo@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

450-ЛЕТИЕ МОЛОДИНСКОЙ БИТВЫ

<i>Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В.</i> Погост «у Воскресения у Молодех»	6
<i>Брусенцов О. А.</i> Локализация Молодинской битвы 1572 г.: археологический аспект (по результатам работ 2009, 2014, 2017–2018 гг.)	18

РЕГИОНАЛИСТИКА

<i>Гришин Е. С.</i> Водные ресурсы Крыма в составе Таврической губернии и их использование: опыт характеристики	28
<i>Крутов Д. А.</i> Оценка прироста географической изученности Крымского полуострова в конце XVIII в.	44

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

<i>Шумкин Г. Н.</i> География горнозаводской промышленности в законодательстве России XIX в.	56
<i>Круглов В. Н.</i> Экономическое районирование как фактор административно-территориального деления России в XX–XXI вв.	78

ИСТОЧНИКИ

<i>Яшков И. А., Сурков Д. А.</i> Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в зеркале исторической географии: обзор тематических карт первой половины XX в. из коллекции Музея геологии, нефти и газа	110
<i>Михеев М. В., Баев О. В.</i> К истории Урало-Кузбасса: записка Кузнецкого каменноугольного и металлургического акционерного общества Высшему совету народного хозяйства РСФСР от 18 мая 1918 г.	122

СООБЩЕНИЯ

Вторая научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге	138
Первая открытая ГИС база по археологическим работам на территории российского города	141

CONTENTS

450TH ANNIVERSARY OF THE BATTLE OF MOLODI

<i>Deduk A. V., Shebanin G. A., Shekov A. V.</i> The Churchyard "At the Resurrection by Molodi"	6
<i>Brusentsov O. A.</i> Localization of the 1572 Battle of Molodi: An Archaeological Aspect (Based on the Results of Works in 2009, 2014, 2017–2018)	18

REGIONAL STUDIES

<i>Grishin E. S.</i> Water Resources of the Crimea as Part of the Taurida Province and Their Use: An Attempt of Characterization	28
<i>Krutov D. A.</i> Assessment of the Increase in the Geographical Knowledge of the Crimean Peninsula at the End of the 18th Century	44

ECONOMIC ZONING

<i>Shumkin G. N.</i> Geography of the Mining Industry in Russia's Legislation of the 19th Century	56
<i>Kruglov V. N.</i> Economic Zoning as a Factor of Russia's Administrative-Territorial Division in the 20th–21st Centuries	78

SOURCES

<i>Yashkov I. A., Surkov D. A.</i> Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra in the Mirror of Historical Geography: A Survey of the Thematic Maps of the First Half of the 20th Century from the Collection of the Museum of Geology, Oil and Gas	140
<i>Mikheev M. V., Baev O. V.</i> On the History of the Ural-Kuzbass: A Report from the Kuznetsk Coal and Metallurgical Joint-Stock Company to the Supreme Council of the National Economy of the RSFSR ...	122

INFORMATION

The Second Scientific Workshop on Historical Geography in Ekaterinburg	138
The First Open GIS Base for Archaeological Works on the Territory of a Russian City	141

450-ЛЕТИЕ МОЛОДИНСКОЙ БИТВЫ

УДК 94(470.312):904(470.312)

Дедук Андрей Владимирович

к.и.н., научный сотрудник отдела археологических исследований государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле» (Россия, Тула)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

Шебанин Геннадий Алексеевич

директор ООО «ЦАИ "Куликово поле"» (Россия, Подольск)

ORCID: 0000-0002-4353-3195

E-mail: genshebanin@yandex.ru

Шеков Александр Владимирович

к.и.н., доцент, независимый исследователь (Россия, Тула)

ORCID: 0000-0002-7010-9672

E-mail: shekovav@mail.ru

Погост «у Воскресения у Молодех»

АННОТАЦИЯ. При описании Молодинской битвы основным указанием на место, где она проходила, является упоминание храма или погоста «у Воскресения у Молодех». Традиционно в историографии и краеведческой литературе место битвы определяли по с. Молоди на правом берегу р. Рожайки, которое в XVII–XVIII вв. входило в состав Замыцкой волости Московского уезда. Но этот населенный пункт начинает фигурировать в источниках как с. Молоди только в 1646 г., а в более ранних описаниях именуется д. Головиной. Сам же погост Воскресения Христова «на Молодях» фигурирует в писцовой книге 1627/28–1628/29 гг. Благодаря чертежу 1688 г. и военно-топографической съемке середины XIX в. удастся локализовать погост на левом берегу р. Рожайки. Церковь же была перенесена на правый берег р. Рожайки в начале XVIII в. Археологические исследования местности на левом берегу р. Рожайки показали наличие грунтового могильника, который по индивидуальным находкам можно датировать XVII–XIX вв., а по массовому материалу XV–XIX вв. Таким образом, в статье на основе комплексных исследований приводятся доказательства локализации «погоста у Молодех», у которого на речке Рожайке в 1572 г. проходило сражение между русской армией под предводительством князя Михаила Ивановича Воротынского и войском крымского хана Девлет-Гирея I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Молоди, Молодинская битва, погост, грунтовой могильник, локализация, комплексные исследования.

450TH ANNIVERSARY OF THE BATTLE OF MOLODI

UDC 94(470.312):904(470.312)

Andrew V. Deduk

candidate of historical sciences, researcher, State Museum-reserve "Kulikovo field" (Russia, Tula)

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: deduk@list.ru

Gennady A. Shebanin

director of CAR "Kulikovo Pole" Ltd (Russia, Podolsk)

ORCID: 0000-0002-4353-3195

E-mail: genshebanin@yandex.ru

Alexander V. Shekov

candidate of Historical Sciences, free researcher (Russia, Tula)

ORCID: 0000-0002-7010-9672

E-mail: shekovav@mail.ru

The churchyard "at the resurrection by molodi"

ABSTRACT. When describing the Molodi battle, the main reference to where it took place is the mention of the church or the burial ground "of Resurrection by Molodi". Traditionally, in historiography and literature on local history the place of the fight has been identified by the location of the village of Molodi situated on the right bank of the Rojarka river as a part of Zamitskaya volost of the Moscow uyezd in XVII–XVIII centuries. Although this populated center has been marked as Molodi village in the sources only starting 1646, in the earlier descriptions it is called Golovina hamlet. And the churchyard of the Resurrection "by Molodi" is mentioned in the cadastre of 1627/28–1628/29. Through the chart of 1688 and the military topographical survey from the mid-XIX century, it is possible to find the location of the churchyard on the left bank of the Rojarka river. The church itself was relocated to the right bank of the same river in the early XVIIIth century. The archaeological research of the area on the left bank of the Rojarka river showed the presence of a subsoil burial ground, with the individual finds pointing to the XVIIth–XIXth centuries and the mass material pointing to the XVth–XIXth centuries. Therefore, using the results of the complex research, the article provides the evidence of localization of the "Molodi churchyard", near where at the Rojarka river the battle between a Russian army led by knyazh Michael Ivanovitch Vorotinsky and the forces of Crimean khan Devlet I Giray took place in 1572.

KEYWORDS: Molodi, Molodi fight, churchyard, subsoil burial ground, localization, complex research.

Молодинское сражение между русской армией под предводительством князя М. И. Воротынского с войском крымского хана Девлет-Гирея I происходило с 28 июля по 3 августа 1572 г. Основные события этого сражения, согласно историческим источникам, происходили «у Воскресения у Молодех»¹.

Локализация места проведения Молодинской битвы неоднократно привлекала исследователей.

История с. Молоди впервые была рассмотрена в многотомном труде Василия Ивановича и Гаврилы Ивановича Холмогоровых². В дальнейшем сведения из их работы были использованы в ряде изданий краеведческого характера³. Так, краевед А. А. Дудин, составивший схему Молодинского сражения, предполагал, что крымские войска стояли на левом берегу р. Рожайки, где он и располагал Молодинский погост, а русские — на правом⁴.

Военный историк Г. Д. Бурдей связывал Молодинскую битву с одноименным селом⁵. В. В. Пенской предполагал, что основные события сражения происходили на левом берегу р. Рожайки, погост Воскресения Христова находился на месте современной церкви, на правом берегу реки⁶.

Таким образом, анализ истории изучения Молодинской битвы показывает, что одним из принципиальных вопросов местонахождения Молодинской битвы является проблема локализации погоста «у Воскресения у Молодех», который все исследователи связывают с погостом Воскресения Христова в современном с. Молоди.

Поэтому, когда в 2018 г. группа исследователей под руководством М. И. Гоняного проводила работы по подготовке документации для постановки на государственную охрану территории Молодинского сражения 1572 г.⁷, одним из направлений работ была локализация упоминаемого в источниках периода сражения места «у Воскресения у Молодех».

Известно, что надежность исторической локализации обеспечивается применением комплексной методики, объединяющей несколько путей: 1) исторический; 2) топонимический; 3) археологический⁸.

В связи с этим перед началом полевых работ были проведены архивные исторические и картографические исследования по территории, связываемой с местом Молодинской битвы.

Самое раннее указание на административную принадлежность местности Молодинской битвы содержится в сообщении об этом сражении в Новгородской второй (Архивской) летописи второй половины XVI в.: «...на Рожайи на рѣчкы под Воскресеньем в Молодех на Лопасте в Хотинском (*sic!* — *Прим. авт.*) уѣздѣ»⁹. В этом источнике отсылку «в Молодех» можно интерпретировать как населенный пункт, как гидроним, как церковное место и как географический регион, на территории которого происходила битва.

¹ Документы о сражении при Молодях в 1572 г. / Подгот. к публ., коммент. В. И. Буганов // Исторический архив. 1959. № 4. С. 180; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571–1577 гг. М., 2016. С. 137; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1977. С. 312 и др.

² Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о храмах и селах XVI–XVIII вв. М., 1881. Вып. 7. С. 6–8.

³ См., например: Храм Воскресения Христова, Молоди (Московской обл.) // Православные храмы: Путешествие по святым местам. 2017. № 232. С. 4–11.

⁴ Дудин А. А. Молодинская битва. М., 2016. С. 60.

⁵ Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 года // Ученые записки Института славяноведения. М., 1963. Т. 26. Из истории межславянских культурных связей. С. 68–71.

⁶ Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей: Из истории русско-крымского противостояния в XVI в. (1552–1567 гг.). Белгород, 2012. С. 201.

⁷ Работы по подготовке документов, обосновывающих историко-культурную ценность объекта — территории Молодинского сражения, 1572 г., установлению его границ и подготовке Заявления о включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации проводились ООО «ЦАИ «Куликово поле» (директором которого до своей смерти в 2020 г. был М. И. Гоняный) на основании Государственного контракта № 0148200008718000027 от 26 сентября 2018 г., заключенного с Главным управлением культурного наследия Московской области. В работах принимали участие исследователи: О. А. Брусенцов, М. И. Гоняный, А. В. Дедук, А. В. Малов, Д. Б. Соловьев, Г. А. Шибанин, А. В. Шеков и др. Предварительные итоги работ опубликованы: Брусенцов О. А., Двуреченский О. В., Соловьев Д. Б., Шевяков Е. С. Ратные поля как особый вид памятника археологии // Военная археология: Сб. материалов научного семинара. М., 2020. Вып. 6. С. 19–25.

⁸ Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: Избранные труды. 2-е изд. М., 2016. С. 207.

⁹ ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 193.

Единственным административным центром, к которому на тот момент относилось место Молодинской битвы, оказывается город Хотунь, известный с XV в.¹⁰ Это летописное сообщение является не единственным упоминанием Хотунского уезда¹¹. Центр уезда, согласно устоявшейся в историографии версии, располагался на городище у с. Хотунь, на левом берегу р. Лопастня¹². В XVII в. Хотунский уезд уже не существовал, вместо него известна Хотунская волость¹³.

На «чертеже украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма» (прим. 1670-е гг.), обнаруженным Л. Багровым в Шведском государственном архиве, отмечен левый приток р. Оки, обозначенный как р. Молоди, на самом деле никогда не существовавшая¹⁴. Возможно, так на карте была обозначена р. Нара или же урочище «Молоди», надписанное над рекой.

В кадастровых источниках по Московскому уезду с. Молоди на р. Рожая впервые фигурирует в переписной книге 1677 г., более чем через 100 лет после Молодинской битвы: «За окольничим за Федором Прокофьевичем Соковниным половина села Молодей на речке на Рожая. А по скаске человека иво приказного Федки Жукова да старосты Сергушки Корнильива, а в том селе двор вотчинников, в нем живут конюхи... семь дворов крестьянских... шесть дворов бобыльских...», «За стольником за Алексеем Прокофьевичем сыном Соковниным половина села Молодей на речке на Рожая. А по скаске старосты Ивашка Якимова, в том селе двор вотчинников, а в ней живут деловые люди... да задворных людей три двора... шесть дворов крестьянских... пять дворов бобыльских...» и «Да за ним же, за окольничим за Федором Прокофьевичем сыном Соковниным да за братом иво, за стольником за Алексеем Прокофьевичем сыном Соковниным к селу Молоди приписаны: деревня Головина, а Минино тож, на речке на Рожая, да деревня Обанина (*sic!* Вероятно, правильно: Банино. — авт.), верх речки Рожая... а крестьян в тех деревнях нет...»¹⁵. Анализ более поздних источников показывает, что с. Молоди переписной книги 1677 г. идентично современному одноименному населенному пункту¹⁶.

Интересно, что отказная книга 1646 г., зафиксировавшая переход соседнего с современным с. Молоди землевладения в Замыцкой волости к Борису Андреевичу Змееву, была скреплена следующими скрепами: «К сим отказным книгам вотчины думного // дворянина Федора Прокофьевича Соковнина // села Молодей прикащик Федька Жуков // в место крестьян своих и старосты таго ж села // которые на мене со мною были по их веленью // руку приложил» и «К сем мерным книгам вотчины стольника // Алексея Прокофьевича Соковнина // села Молодей прикащик Сенка Грязнов вместо старосты и крестьян того ж // которые на мере со мною были // по их веленью руку приложил»¹⁷. Отметим, что отказные книги XVII столетия определялись С. И. Катковым как «памятники живой локальной речи» («Отказные книги писались на местах, при этом обыкновенно такими писцами, которых с уверенностью можно считать носителями локальной речевой культуры»), в которых довольно часто фиксировались «народные» версии топонимов¹⁸. Характерно, что в переписной книге этого же года (в которой отсутствует с. Молоди) в Замыцком

¹⁰ ДДГ. № 17. С. 46; № 27. С. 70; № 45. С. 129, 132, 135, 138. № 56. С. 169, 173. № 58. С. 180, 183.

¹¹ АРГ. № 169. С. 163–164; № 175. С. 170–171; № 182. С. 179–180; Кистерев С. Н. Акты московского Чудова монастыря // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. № 25. С. 94; № 38. С. 113; № 93. С. 213–215.

¹² АКР: Московская обл. Ч. 4. № 2472. С. 187; Раппопорт П. А. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.; Л., 1956. Вып. 62. С. 122–123.

¹³ См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9807, 9808.

¹⁴ Багров Л. С. Чертеж Украинским и Черкасским городам // Тр. русских ученых за границей. Берлин, 1923. Т. II. С. 30–43. Перечень историографии по чертежу см.: Хазов Н. К. «Чертеж городам украинским и черкасским от Москвы до Крыма» как исторический источник: к историографии вопроса // Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2019. Вып. 4. С. 152–155.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9811. Л. 604–608.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9816. Л. 326–330; Оп. 2. Москва. Кн. 9851. Л. 428 – 438 об.; ДСЛ по Москве. Кн. 9903. Л. 183 об. – 194; ДМЛ по Москве. Кн. 10015. Л. 48 – 48 об.; Ф. 1354. Оп. 258. Ч. 1. Ед. хр. М – 20 гр.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Москва. Кн. 9839. Л. 674–679.

¹⁸ Котков С. И. Отказные книги // Вопросы языкознания. 1969. № 1. С. 131; Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 3–4.

стану: «За Прокофьем Федоровым сыном Соковниным, что он купил у князя у Льва Шлякова-Чешского, да что было за новокрещеном за Петром за Девлет Козиним сыном Резановым (дрв) Головина, а Минино тож, на речке на Рожает, что на Молодах»¹⁹. Других кандидатов на роль населенного пункта, который мог называться с. Молоди, в источнике не указано. Таким образом, д. Головина, Минино тож, к середине XVII в. начинает именоваться с. Молоди. Вероятно, д. Головина, запустевшая к 1677 г., находилась в непосредственной близости от с. Молоди конца XVII–XXI столетий, чем и объясняется переход названия населенного пункта. Исторический центр же современного с. Молоди находится на правом берегу р. Рожайки²⁰.

Кроме этого, в переписной книге 1646 г. фигурирует «За новокрещеном за Федотом за Имкендеевым сыном Резановым третей жеребей в полдеревни Головины, а Минино тож, на речке на Рожает, на Молодах»²¹.

По писцовой книге 1627/28–1628/29 гг., д. Головина, Минино тож, «на речке на Рожает» была поделена на четыре жеребья: между новокрещеном Михаилом Егильдеевым сыном Резановым, новокрещеном Федором, «что ему татарское имя было Баикрымь», Девлекозиным (Девлетовым) сыном Резанова, новокрещеном Петром Девлеткодиновым сыном Резановым, «что было ему татарское имя Ураз», и за «Посольского приказу станичново головы за Девликеевою дочерью Резанова за новокрещенною девкою за Соломонидкою»²².

Таким образом, современное село Молоди, исторический центр которого расположен на правом берегу р. Рожайки, не может являться надежным маркером для локализации сражения 1572 г., так как является более поздним населенным пунктом, который начал именоваться с. Молоди только к середине XVII в. Однако, как мы видим, таким местом локализации битвы может быть упоминаемое в документах второй половины XVI в. место «Воскресение на Молодах» «на Рожает».

Близкий по созвучию топоним упомянут в этом регионе в писцовой книге 1627/28–1628/29 гг. — погост Воскресения Христова «на Молодах» Замыцкой волости Московского уезда. По всей видимости, он и является местом «на Рожаети на рѣчкы под Воскресеньем в Молодах» в XVII–XVIII вв. Замыцкая волость является, судя по всему, более поздней административной единицей, сформированной в последние десятилетия XVI столетия. Самое раннее ретроспективное упоминание волости относится к 1585/86 г., когда была составлена «книга Московского уезда писма, и меры, и отделу князя Ивана Козловского да подьячево Сувора Черницына»²³. По другим свидетельствам, «при царе Федоре Ивановиче роздавали дворцовую Замыцкую волость князь Иван Козловской да подьячий Сувор Черницын дворовым людям...»²⁴. Таким образом, к 1585/86 г. Замыцкая волость уже существовала и находилась в составе Московского уезда, а не Хотунского. Вероятно, Хотунь сильно пострадала во время набегов 1571 г. или 1572 г., и после этого Хотунский уезд был ликвидирован, а его земли были включены в состав Московского уезда, став Хотунской и Замыцкой волостями.

В писцовой книге 1627/28–1628/29 гг. в составе церковных земель Замыцкой волости Московского уезда находим описание искомого объекта: «Погост приходной, что на Молодах, на реке на Рожает. А на погосте церковь Воскресения Христова, древяна клетчки. А в церкви образы, и свечи, и книги, и на колокольницы колокола, и всякое церковное строенья приходных людей... Да к той же церкви к Воскресенью Христову (пус) Офонасово, а Бородатая тож»²⁵. В 1680 г. церковь была «древянна, ветха» и находилась на том же месте, что и во время описания 20-х гг. XVII в.²⁶

Наиболее информативным по району с. Молоди является спорное дело 1680-х гг. между Борисом Андреевым сыном Змеевым и владельцем с. Молоди, Алексеем Прокофьевичем Соковниным,

¹⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9809. Л. 648 – 648 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 258. Ч. 1. Ед. хр. М – 20 кр.

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9809. Л. 633.

²² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9808. Л. 415 об. – 418, 454–457.

²³ АСЗ. М., 1998. Т. 2. № 208. С. 192–193.

²⁴ АСЗ. 2008. Т. 4. № 535. С. 449.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9808. Л. 460 об.–461. Также см.: Там же. Ф. 235. Оп. 3. Кн. 110. Л. 91 об.–92.

²⁶ РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Кн. 109. Л. 6–6 об.; Кн. 110. Л. 92–93.

вызванное разделом пустошей в верховьях р. Рожайки²⁷. Из этого дела происходит чертеж, отображающий местность около современного с. Молоди (см. цв. вклейку, рис. 1)²⁸. Первоначально чертеж хранился в столбцовой документации Поместного приказа. На чертеже показаны землевладения представителей высших слоев Русского государства конца XVII в.: боярыни М. И. Хитрово (вдова боярина Б. М. Хитрова), стольника Б. А. Змеева, окольничего А. П. Соковнина, кн. Ф. И. Шаховского. Именно благодаря этому чертежу удастся установить первоначальное расположение храма Воскресения Христова.

На чертеже 1688 г. церковь показана на левом берегу р. Рожайки. Справа от церкви показаны дворы с. Молоди и Серпуховская дорога, слева — «пустошь Афонасова, церковная земля села Молодей». Речка Молодка на чертеже не показана²⁹ (см. цв. вклейку, рис. 1).

В 1702–1703 гг. в с. Молоди были сооружены несколько каменных построек. В некоторых случаях упоминается «церковное строение»³⁰.

В переписной книге Московского уезда 1704 г. при описании с. Молоди указано следующее: «...церковь Воскресения Христова, у церкви священник Архип Трофимов, у него сын Василей полугоду, дьячок Гаврила Якимов... пономарь Степан Пантелеев»³¹. То, что священнослужители и церковь описаны в составе населения с. Молоди, а не отдельно (как, например, близлежащий погост в с. Любучанах³²), говорит о том, что рассматриваемые объекты располагались на помещичьей земле.

В 1706 г. «мая в 14 день выдан антиминос по благословенной грамоте в Московской уезд в вотчину боярина Федора Алексеевича Головина в село Молодыево (*sic!* — Прим. авт.) в новопостроенную церковь во имя Воскресения Христова»³³. По отказной книге 1721 г., в с. Молоди была каменная церковь и колокольня³⁴.

В 1720-х гг. была составлена ландкарта Московского уезда. На ней церковь показана на левом берегу р. Рожайки (см. цв. вклейку, рис. 2)³⁵. Вероятно, петровские геодезисты еще застали развалины старой церкви на левом берегу р. Рожайки.

При проведении генерального межевания в 1768 г. был снят план «Московского уезду Замыцкого стану церкви Воскресения Христова, что в селе Молодях, писцовой церковной земли, владения вышеописанной церкви священно- и церковнослужителей»³⁶. Пустошь находится на левом берегу р. Рожайки, примерно в том месте, в котором сейчас последнюю пересекают железные дороги. Каких-либо построек на плане дачи не показано.

План дачи с. Молоди 1768 г. и уездный план являются для определения места церкви малоинформативными, так как церковь на правом берегу на них не отмечена (см. цв. вклейки, рис. 3, 4)³⁷. Кроме этого, в 1768 г. был снят отдельный план «церковной земли храма Воскресения Христова с. Молодей», которая располагалась на левом берегу р. Рожайки и соотносится с местом церкви XVII в.³⁸ (см. цв. вклейку, рис. 5).

На военно-топографической карте 1840-х гг. показана часовня на левом берегу р. Рожайки, северо-восточнее устья р. Молодки, и церковь на правом берегу р. Рожайки³⁹.

Таким образом, церковь Воскресения Христова, согласно архивным историческим и картографическим источникам, находилась до начала XVIII в. на левом берегу р. Рожайки в границах

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Стб. по Москве. Ед. хр. 301/32759; 302/32759.

²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Москва. Ед. хр. 32759. Л. 115.

²⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Москва. Ед. хр. 32759. Л. 115.

³⁰ Частное строительство в Москве и Подмоскowie: Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / Сост. М. В. Николаева. М., 2008. Т. I. № 114. С. 167; № 116. С. 168–169; № 202. С. 216; № 205. С. 218; № 208. С. 220; Т. II. С. 237.

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9816. Л. 326.

³² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9816. Л. 358 об.–359.

³³ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 158. Л. 282 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 1209. ДСЛ по Москве. Кн. 9903. Л. 183 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Московской губ. Ед. хр. 2. Ч. 1, 2.

³⁶ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 258. Ч. 1. Ед. хр. 3–4 син.

³⁷ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 258. Ч. 1. Ед. хр. М–20 кр.

³⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 258. Ч. 1. Ед. хр. 3–4 син.

³⁹ РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3641. Ч. 3. Л. 20.

писцовой церковной земли, обмежеванной в 1768 г. На этом месте на военно-топографической карте 1840-х гг. отмечена часовня (см. цв. вклейку, рис. 6).

Археологические исследования, связанные с поиском грунтового могильника, который можно было бы сопоставить с «погостом Воскресения Христова на Молодях», были проведены в 2018 г.⁴⁰ Район проведения этих работ — историческое ядро с. Молоди на левом берегу р. Рожайки — был обоснован результатами вышеизложенных историко-архивных исследований (рис. 1, см. цв. вклейку, рис. 7). Перед началом работ был проведен опрос местных жителей, которые показали, что при земляных работах, связанных с расширением Старой Симферопольской дороги, проходящей через с. Молоди, в конце 40-х — 50-х гг. XX в. на левом берегу р. Рожайки было найдено множество фрагментов человеческих костей (рис. 2, 4, 5).

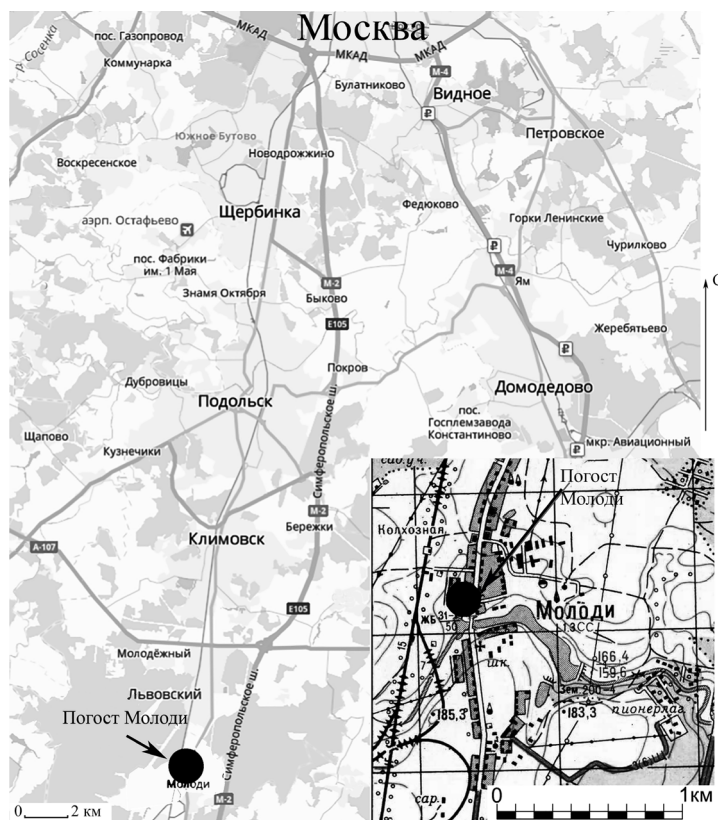

Рис. 1. Карта-схема расположения грунтового могильника XVI–XIX вв. в с. Молоди, г. о. Чехов Московской области

Осмотр современного состояния этого участка показал, что на этом месте располагается участок автомобильной дороги, к которой с восточной стороны от дороги практически вплотную прилегают дворовые усадьбы с. Молоди. К западу от полотна дороги, сильно прорезавшей коренной берег р. Рожайки, усадьбы расположены на некотором удалении от откоса дороги. Здесь же расположен мемориал, посвященный погибшим в годы Великой Отечественной войны жителям села (рис. 1, см. цв. вклейку рис. 8). При осмотре этого места была обнаружена траншея — котлован для подводки газопровода, протянувшаяся по линии север — юг вдоль заборов усадеб (рис. 2). При осмотре отвалов траншеи и зачистке участка одной из его стенок были обнаружены разрозненные фрагменты человеческих костей. В подъемном материале из отвала коммуникационной траншеи были найдены фрагмент красноглиняной румпы изразца XVIII–XIX вв. и 22 фрагмента круговой керамической посуды XV–XIX вв. (см. ч/б вклейку, рис. 3: 1-3, 5, 6).

⁴⁰ Архив ИА РАН. 2018. Р-1. Б/н. Брусенцов О. А. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района, городских округов Чехов, Домодедово, Подольск, Серпухов Московской области, Новомосковского, Троицкого административных округов г. Москвы в 2018 г.

Рис. 2. Траншея для укладки газопровода на площадке грунтового могильника XVI–XIX вв. в с. Молоди, г. о. Чехов Московской области

Среди фрагментов посуды было 12 фрагментов белоглиняной посуды с песком в формовочных массах (9 неорнаментированных фр. стенок, 2 фр. стенок с линейным орнаментом, в том числе на одном — по шейке, что характерно для горшков XVII в.), 1 фр. венчика типа 13/1, по В. Ю. Ковалю, диаметром около 17 см, возможно, от сосуда XV–XVI вв.⁴¹; 5 неорнаментированных фрагментов стенок от красноглиняных сосудов с песком в формовочных массах; 3 фрагмента серо-черного цвета с песком в формовочных массах (1 фрагмент стенки с линейным орнаментом и песком размером до 2 мм, 1 фрагмент венчика типа 3/4 Г, диаметром около 11 см, датируемый в пределах XVI–XVIII вв., 1 фрагмент венчика типа 3/4 Ж, диаметром около 13 см, датируемый XVIII в.); фрагмент стенки чернолощеного сосуда XVIII–XIX вв. (лощение в виде «сетки»); 1 фрагмент стенки от поливного сосуда (полива салатowo-желтого цвета)⁴².

Кроме того, в отвалах траншеи газопровода были обнаружены 5 индивидуальных находок: кованый гвоздь, фрагмент креста, характерный для XIX в., фрагмент креста, характерный для XVI–XVII вв., медная монета-«чешуйка» середины XVII в. и фрагмент полукруглого в сечении браслета с надписью «Бог — моя защита», характерного для XIX в. (см. ч/б вклейку, рис. 1: 1, 3-5).

С целью определения мощности и состояния культурного слоя грунтового могильника Молоди к северу от основания памятника жителям села, погибшим во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., был заложен стратиграфический шурф размером 4 кв. м (2×2 м). Шурф был ориентирован по сторонам света. Его поверхность была задернована и имела понижение к востоку до 0,17 м, а выборка производилась по пластам мощностью 0,2 м. Пласты шурфа под дерном были сложены слоем темно-серой гумусированной супеси, мощностью до 0,17 м, под которым находился слой переотложенного ярко-бурого суглинка, мощностью до 0,27 м. Ниже располагался слой темно-серого гумусированного суглинка мощностью до 0,26 м, с редкими включениями фрагментов древесного угля. Еще ниже располагался слой светло-серого подзолистого суглинка, ниже которого выборка шурфа не производилась в связи с тем, что в его заполнении были выявлены 2 фрагмента человеческих черепов (рис. 3). Кроме того, при зачистке уровня этого слоя были выявлены пятна с формой и характерным для могильных ям заполнением⁴³.

⁴¹ Коваль В. Ю. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. 2001. № 1. С. 108; Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // Археология Подмоскoвья: Материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 8. С. 374, рис. 6:11.

⁴² Археология Романова двoра: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках // Материалы охранных археологических исследований / авт.-сост. Н. А. Кренке. М., 2009. Т. 12. С. 138–139.

⁴³ Дементьева Т. Н., Чувиляева Ю. Н., Сыроватко А. С. Некрополь Новейшего времени у Старо-Голутвина монастыря // Археология Подмоскoвья: Материалы научного семинара. М., 2011. Вып. 7. С. 441.

Так как в границах шурфа была расчищена только западная часть могильной ямы, вероятно, нарушенной с юга еще одной могильной ямой с аналогичным заполнением, а полное исследование погребения или погребений не предполагалось, то выборка шурфа ниже описанной зачистки не производилась.

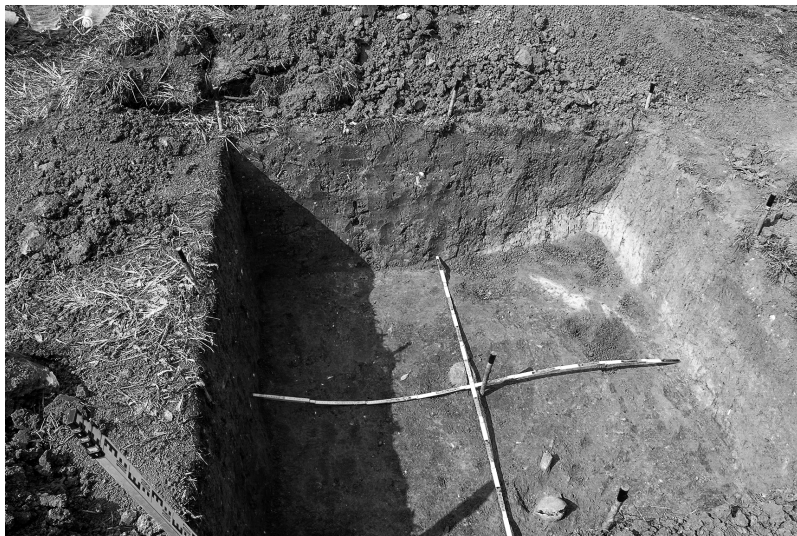

Рис. 3. Шурф 1 на площадке грунтового могильника XVI–XIX вв. в с. Молоди, г. о. Чехов Московской области. Зачистка пласта 4 по уровню обнажения погребений. Вид с востока

В пласте 1 шурфа были найдены: фрагмент железного кованого гвоздя, а также 18 фрагментов круговой керамической посуды второй половины XV — начала XIX в. (см. ч/б вклейку, рис. 2). Среди керамики: 1 фрагмент венчика (диаметр около 14 см) типа 3/4 Г, по В. Ю. Ковалю, от красноглиняного «гладкого» горшка второй половины XV–XVI в. с мелким песком в формовочной массе (см. ч/б вклейку, рис. 2: 1)⁴⁴; 1 неорнаментированный фрагмент стенки белоглиняного «гладкого» сосуда середины XVI — начала XVIII в. без визуально заметных примесей в формовочной массе⁴⁵; 9 белоглиняных фрагментов с песком в формовочных массах (5 неорнаментированных фрагментов стенок, 2 фрагмента крышек (диаметр одного — около 25 см), 2 фрагмента венчиков (диаметры около 18, 21 см), близких типу 1/2 В, от горшков конца XVIII — начала XIX в.⁴⁶; 3 фрагмента серо-черного цвета с песком в формовочных массах (1 неорнаментированный фрагмент стенки, 2 фрагмента венчиков типа 3/4 Г (диаметр одного — около 15 см) от горшков XVIII в.⁴⁷; 2 фрагмента стенок с линейным орнаментом от чернолощенных сосудов XVII–XVIII вв.; 1 фрагмент донца мореного сосуда, выполненного на подсыпке песка, 1 фрагмент венчика (диаметр около 15 см) от мореного сосуда XVIII–XIX вв.⁴⁸

В пласте 2 в центре шурфа был расчищен плитообразный фрагмент колотого белого камня толщиной 0,12–0,15 м. Фрагмент имел форму, близкую к трапеции (около 0,8×0,9 м). Юго-восточный край фрагмента опирался на два округлых камня размерами 0,30×0,40 м и 0,11×0,19 м. Весьма вероятно, что описанный плитообразный фрагмент камня являлся намогильной плитой⁴⁹. Использование подобных колотых фрагментов белого камня в качестве намогильных плит одновременно с намогильными крестами и надгробиями зафиксировано в Тульской области России еще в конце XX в.⁵⁰

⁴⁴ Бойцов И. А. Московская красноглиняная керамика XIV — начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: новые данные по хронологии: Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1991. Т. 5. С. 38, рис. 1 Г.

⁴⁵ Коваль В. Ю. Указ. соч. С. 103–107.

⁴⁶ Археология Романова двора... С. 139, рис. 247.

⁴⁷ Там же. С. 139, рис. 242:1.

⁴⁸ Там же. С. 136–138.

⁴⁹ Панова Т. Д. Царство смерти: Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М., 2004. С. 113.

⁵⁰ Володин Е. О., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Результаты археологических исследований на городище

Рис. 4. Московская область, г. о. Чехов, с. Молоди. Грунтовый могильник Молоди.
Траншея для укладки газопровода от д. 106 к д. 108 по ул. Магистральной.
Фрагменты человеческих костей (бедренные, берцовые, локтевые, плечевые) из отвалов траншеи

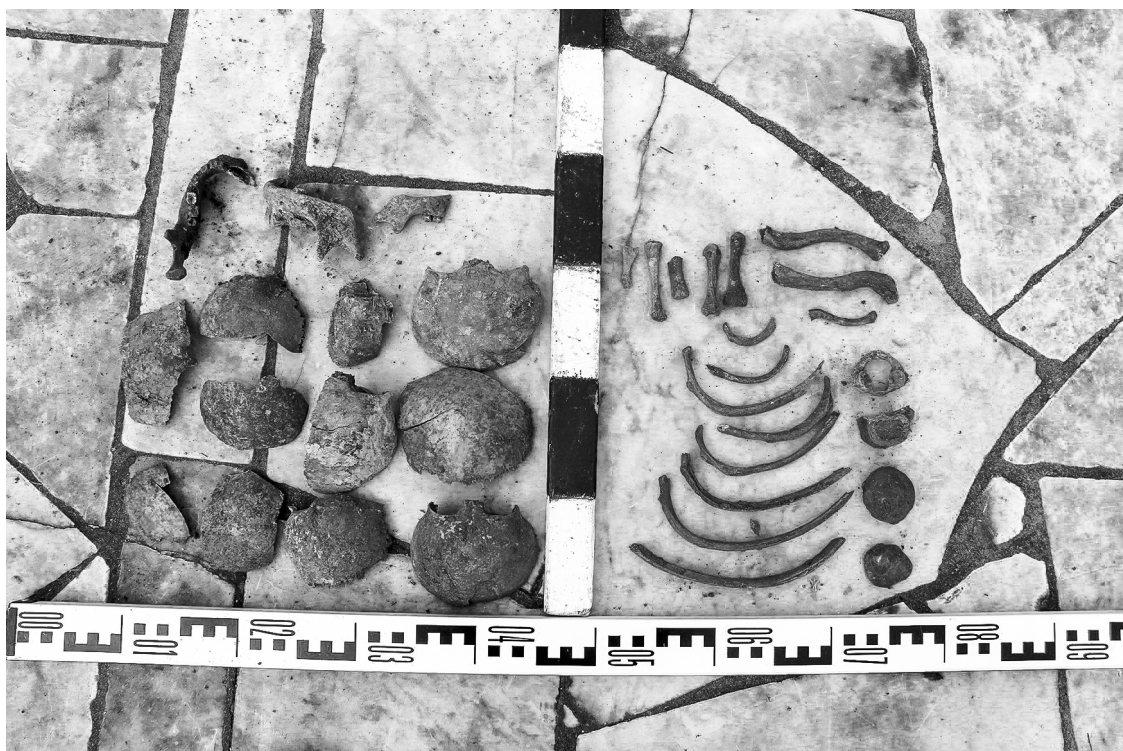

Рис. 5. Московская область, г. о. Чехов, с. Молоди. Грунтовый могильник Молоди.
Траншея для укладки газопровода от д. 106 к д. 108 по ул. Магистральной.
Фрагменты человеческих костей (черепов, челюстей, ребер, фаланг пальцев, ключиц,
позвонков, коленных чашечек) из отвалов траншеи

Кроме того, в пласте 2 были найдены: фрагмент бронзового нательного креста, характерного для XVII в.; медная монета «полушка» 1735 г.; фрагмент стеклянного сосуда и фрагмент кованого железного гвоздя.

Также в пласте были найдены 8 фрагментов круговой керамической посуды XVII–XVIII вв. и 12 фрагментов человеческих костей. Все фрагменты керамики принадлежали белоглиняным сосудам с песком в формовочных массах; 4 неорнаментированных фрагмента стенок, фрагмент стенки с линейным орнаментом по основанию шейки, характерный для горшков XVI–XVII вв.⁵¹, 2 фрагмента донцев, выполненных на подсыпках песка, 1 фрагмент неорнаментированного венчика (диаметр около 21 см) типа 3/4 Ж от горшка XVIII в.⁵²

В пласте 3 были найдены фрагмент железного изделия и 33 фрагмента круговой керамической посуды второй половины XV–XVIII в. (см. ч/б вклейку, рис. 3: 9–16) и 23 фрагмента человеческих костей. Среди фрагментов керамики: фрагмент венчика (диаметр около 18 см) типа 3/4 Г от красноглиняного «гладкого» горшка второй половины XV–XVI в. с мелким песком в формовочной массе (см. ч/б вклейку, рис. 3: 11)⁵³; 19 фрагментов белоглиняных сосудов с песком в формовочных массах (11 неорнаментированных фрагментов стенок, 5(3) фрагментов стенок с линейным орнаментом, 1 фрагмент донца, выполненного на подсыпке песка, 2 (1) фрагмента венчика (диаметр около 21 см) с линейным орнаментом по шейке от горшка второй половины XVII в. (см. ч/б вклейку, рис. 3: 9, 10)⁵⁴; 1 фрагмент простого округлого венчика (диаметр около 11 см) из слабожелезненной глины с песком в формовочной массе (см. ч/б вклейку, рис. 3: 12); 7 фрагментов серо-черного цвета с песком в формовочных массах (6 неорнаментированных фрагментов стенок, 1 фрагмент неорнаментированного венчика (диаметр около 24 см), близкого типу 3/4 Ж, от горшка XVIII в.⁵⁵ 5 (4) фрагментов стенок от чернолощенных сосудов (3 фрагмента со сплошным лощением, характерным для XVI–XVII вв., 2 (1) фрагмента с небрежным лощением, характерным для XVIII в. и более позднего времени (см. ч/б вклейку, рис. 3: 5, 7, 8)⁵⁶.

В пласте 4, кроме вышеуказанных фрагментов человеческих черепов в юго-восточном углу шурфа, был найден медный нательный крест, характерный для XVII в. (см. ч/б вклейку, рис. 1: 2). Также в пласте 4 были найдены 8 фрагментов стенок круговой керамической посуды с песком в формовочных массах, датируемой, скорее всего, в пределах XVII–XVIII вв. Среди этой керамики было 3 неорнаментированных белоглиняных фрагмента; 3 фрагмента из слабожелезненной глины (2 – без орнамента, 1 – с линейным орнаментом); 1 неорнаментированный фрагмент серо-черного цвета; 1 мореный фрагмент с линейным орнаментом.

Таким образом, в результате комплексных исследований был выявлен грунтовый могильник, который, судя по индивидуальным находкам, можно датировать XVII–XIX вв., а по массовому материалу — концом XV–XIX в. Такая датировка выявленного в с. Молоди грунтового могильника с учетом письменных и картографических источников позволяет локализовать «погост приходной, что на Молодах». Исходя из локализации погоста на левом берегу р. Рожайки, можно очертить регион поиска Молодинского сражения, проходившего «у Воскресения у Молодах» в радиусе 3–6 км от выявленной географической точки⁵⁷.

у с. Берёзово в 2012 г. // Город средневековья и раннего нового времени. Тула, 2016. Вып. II (V). С. 223–237.

⁵¹ Коваль В. Ю. Указ. соч. С. 106, 108.

⁵² Археология Романова двора... С. 139, рис. 242:1.

⁵³ Бойцов И. А. Указ. соч. С. 38, рис. 1 Г.

⁵⁴ Коваль В. Ю. Указ. соч. С. 106–107, 108.

⁵⁵ Археология Романова двора... С. 139.

⁵⁶ Там же. С. 136, 138.

⁵⁷ Зоны поиска определены исходя из 0,1 дневного перехода пешего человека или конного всадника. См.: Зайцев А. К. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и донское побоище 1380 г.: Тр. ГИМ. М., 2005. Вып. 150. С. 188.

REFERENCES

[Archaeology of the Romanov Dvor: prehistory and history of the center of Moscow in the 12th–19th centuries]. *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Materials of conservation archaeological research]. Moscow: IA RAN Publ., 2009, vol. 12. (In Russian).

Bagrov L. S. [Plan for Ukrainian and Cherkasy cities]. *Trudy russkikh uchenykh za granitse* [Proceedings of Russian scientists abroad]. Berlin: Slovo Publ., 1923, vol. 2, pp. 30–43. (In Russian).

Bogomolov V. V., Gonyany M. I., Zaidov O. N., Shebanin G. A., Shekov A. V. [Archaeological complexes in the early stage of settlement near Churchyard of Rozhdestvenno village]. *Archeologiya Podmoskov'ya: Materialy nauch. seminar* [Archaeology of the Moscow region: Materials of a sci. seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2012, iss. 8, pp. 366–388. (In Russian).

Boytsov I. A. [Moscow red-clay ceramics of the 14th — early 15th century and the emergence of Goncharnaya Sloboda in Moscow]. *Moskovskaya keramika: novyye dannyye po khronologii: Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy* [Moscow ceramics: new data on chronology: Materials and research on the archaeology of Moscow]. Moscow: IA AN SSSR Publ., 1991, vol. 5, pp. 33–40. (In Russian).

Brusentsov O. A., Dvurechenskiy O. V., Solov'yev D. B., Shevyakov Ye. S. [Battlefields as a special type of archaeological sites]. *Voyennaya arkheologiya: Sb. materialov nauchnogo seminar* [Military archaeology: Collection of materials of the scientific seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2020, iss. 6, pp. 6–103. (In Russian).

Burdey G. D. [Battle of Molodi of 1572]. *Uchenyye zapiski Instituta slavyanovedeniya* [Proceedings of the Institute of Slavic Studies]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963, vol. 26, pp. 48–79. (In Russian).

Dementieva T. N., Chuvilyaeva Yu. N., Syrovatko A. S. [Necropolis of the Newest Time at the Starogolutvin Monastery]. *Archeologiya Podmoskov'ya: Materialy nauch. seminar* [Archaeology of the Moscow region: Materials of a sci. seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2011, iss. 7, pp. 441–443. (In Russian).

Dudin A. A. *Molodinskaya bitva* [Battle of Molodi]. Moscow: Nauchnaya b-ka Publ., 2016. (In Russian).

Khazov N. K. ["Plan of the Ukrainian and Cherkasy cities from Moscow to the Crimea" as a historical source: to the historiography of the issue]. *Belgorodskaya cherta: Sb. statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty* [Belgorod line: Collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line]. Belgorod: Konstanta Publ., 2019, iss. 4, pp. 152–155. (In Russian).

Katkov S. I. ["Otkaznye" books]. *Voprosy Jazykoznanija* [Voprosy Jazykoznanija], 1969, no. 1, pp. 130–135. (In Russian).

Koval V. Yu. [White-clay Pottery in Medieval Moscow]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2001, no. 1, pp. 98–109. (In Russian).

Panova T. D. *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov* [Kingdom of death. The funeral rite of medieval Russia of the 11th–16th centuries]. Moscow: Radunitsa Publ., 2004. (In Russian).

Penskoy V. V. *Ivan Groznyy i Devlet-Girey: Iz istorii rusko-krymskogo protivostoyaniya v XVI v. (1552–1567 gg.)* [Ivan the Terrible and Devlet-Giray: From the history of the Russian-Crimean confrontation in the 16th century. (1552–1567)]. Belgorod: ID "Belgorod" Publ., 2012. (In Russian).

Rappoport P. A. [Survey of early Moscow settlements in 1954]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1956, iss. 62, pp. 113–128. (In Russian).

Volodin E. O., Zaidov O. N., Shebanin G. A., Shekov A. V. [The results of archaeological research on the settlement near the village of Beryozovo in 2012]. *Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni: Arkheologiya. Istoriya* [City of the Middle Ages and Early Modern Times: Archaeology. History]. Tula: FGBUK Gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy i prirodnyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole" Publ., 2016, iss. II (V), pp. 223–237. (In Russian).

Zaitsev A. K. [Historical and geographical study of the Kulikovo field area]. *Kulikovo pole i donskoye poboishche 1380 g.: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Kulikovo field and the Don battle of 1380: Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow: Gos. istoricheskiy muzey Publ., 2005, iss. 150, pp. 181–208. (In Russian).

Zaitsev A. K. *Chernigovskoe kniazhestvo X–XIII vv.: Izbrannyye trudy. 2-e izd.* [The principality of Chernigov of the 10th–13th centuries: Selected works. 2nd ed.]. Moscow: Kvadriga Publ., 2016. (In Russian).

УДК 94(47)"1572"

Брусенцов Олег Александрович

научный сотрудник Серпуховского историко-художественного музея (Россия, Серпухов)

ORCID: 0000-0002-1624-1939

E-mail: brusentsoff.oleg@yandex.ru

**Локализация Молодинской битвы 1572 г.: археологический аспект
(по результатам работ 2009, 2014, 2017–2018 гг.)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются общие итоги археологических работ на территории села Молоди и его окрестностей, которые проводились в разные годы на протяжении пяти полевых сезонов и были посвящены поиску мест сражений, ставших ключевым этапом второго московского похода Девлет-Гирея I 1572 г. В 2009 г. М. И. Гоняным было начато исследование поля битвы. Позднее исследования были продолжены в 2014, 2017 и 2018 гг. На основе проведенных исследований автором были предприняты первые попытки интерпретации боевых действий, произошедших 28 июля — 3 августа 1572 г. Исследования велись по методике сплошного обследования всей поверхности намеченного участка с помощью детекторов металла с последующей точной инструментальной фиксацией всех находок, границ поискового участка, их привязки к местности и топографической карте. В ходе работ удалось определить не только место сражения, но и выявить несколько средневековых поселений. Итогами работ является гипотетическая локализация расположения гуляй-города. Восстановление всех этапов битвы с их привязкой на местности возможно только после проведения дополнительных комплексных научных исследований, которые должны включать в себя кроме историко-археологических — палеогеографические, почвоведческие, ландшафтные и иные виды исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Молоди, Молодинская битва, археология, локализация, комплексные исследования.

UDC 94(47)"1572"

Oleg A. Brusentsov

researcher, Serpukhov History and Art Museum (Russia, Serpukhov)

ORCID: 0000-0002-1624-1939

E-mail: brusentsoff.oleg@yandex.ru

Localization of the 1572 battle of molodi:

An archaeological aspect (based on the results of works in 2009, 2014, 2017–2018)

ABSTRACT. The article discusses the general results of archaeological work on the territory of the village of Molodi and its environs, which was carried out in different years during five field seasons and was devoted to the search for the battle sites that became the key stage of the second Moscow campaign of Devlet I Giray I in 1572. In 2009 M. I. Gonyany began the study of the battlefield. Later, the excavations were continued in 2014, 2017 and in 2018. Based on the research conducted, the author made the first attempts to interpret the fighting that took place on July 28 — August 3, 1572. The research was carried out according to the method of contiguous examination of the targeted area's entire surface with the use of metal detectors, followed by a precise instrumental defining of all the finds, the borders of the search area, their correlation to the terrain and to the topographic map. In the course of the work, it proved possible not only to determine the place of the battle, but also to identify several medieval settlements. The result of the work is a hypothetical localization of the location of Gulyay-gorod. The reconstruction of all stages of the battle with their geo-referencing can be possible only after additional comprehensive scientific research is made, which should include, in addition to historical and archaeological one, a paleogeographic, a pedological, a landscape research, and some other types of it.

KEYWORDS: Molodi, Battle of Molodi, archaeology, localization, complex research.

Одним из важнейших сражений русско-крымского противостояния XVI века стала Молодинская битва, проходившая с 28 июля по 3 августа 1572 г. Притом что ход событий второго московского похода Девлет-Гирея I 1572 г., включая Молодинскую битву, в целом достаточно полно отражен в отечественной историографии, до сих пор вокруг Молодинской битвы не утихают споры¹. Не затрагивая ряда дискуссионных вопросов, сосредоточимся на проблеме локализации Молодинской битвы.

Письменные источники довольно четко позволяют определить район поиска места битвы — на север от р. Оки и Серпухова по дороге в Москву². Битва же произошла «у Воскресенья у Молодех»³. Как показали исследования, в источниках под этой географической отсылкой понимается не современное с. Молоди, а погост Воскресения Христова «на Молодях», который располагался на левом берегу р. Рожайки⁴.

Археологическое изучение безлесных участков вблизи с. Молоди, на которых могли происходить события лета 1572 г., было начато в 2009 г. Верхне-Донской археологической экспедицией ГИМ под руководством археолога М. И. Гоняного⁵.

Началу этих работ поспособствовали сообщения краеведов о встречаемости находок, в основной массе свинцовых пуль, на площади распаханного поля к западу от села и Курской железной дороги.

Археологические поисковые работы проводились по методике, хорошо зарекомендовавшей себя при сборах — как на полях сражений, так и на археологических памятниках, не имеющих визуально фиксируемых признаков и подвергавшихся ранее многолетней распашке. Выполнялось сплошное обследование всей поверхности намеченного участка с помощью детекторов металла с последующей точной инструментальной фиксацией всех находок, границ поискового участка, их привязки к местности и топографической карте.

В 2009 г. был заложен поисковый планшет площадью 2,31 га, расположенный в 0,65 км к северо-западу от церкви с. Молоди (см. цв. вклейку, рис. 12).

На его площади было обнаружено 39 металлических предметов, 25 из которых можно соотносить со сражением 1572 г. Наиболее интересными были свинцовые пули (16 экз.), две бронзовые пряжки, боковая ветвь бронзового наперсного креста, фрагмент железного чеснока, фрагменты железной конской подковы с шипом пирамидальной формы.

Это были первые находки XVI в., обнаруженные археологами в процессе планомерных поисковых исследований на месте известного сражения.

В сезоне 2014 г. работы были продолжены на участках вышеупомянутого поля. В этом году экспедицией было заложено два планшета общей площадью 3,6 га (№ 2 и 3) к западу и к югу от планшета № 1 (см. цв. вклейку, рис. 12). Результатом этих работ стали находки всего лишь одной свинцовой пули и трех монет времени правления Ивана IV⁶.

¹ См. напр.: Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 года // Ученые записки Института славяноведения. М., 1963. Т. 26. Из истории межславянских культурных связей. С. 48–79; Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Володихин Д. М. Иван Шуйский. М., 2012. С. 143–148; Он же. Воеводы Ивана Грозного. М., 2014. С. 23–27; Гайворонский О. Повелители двух материков. Киев; Бахчисарай, 2007. Т. I: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды; Виноградов А. В., Малов А. В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех»: Материалы о походе Девлет-Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 202–253; Малов А. В. Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульмано-христианской контактной зоне // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Казань, 2010. Вып. II. С. 186–207; Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. М., 2012. С. 191–261; Шейхумеров А. А. Мифологии и реалии битвы под Молодями // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 133–154; и др.

² Документы о сражении при Молодях в 1572 г. / Подгот. к публ., коммент. В. И. Буганов // Исторический архив. 1959. № 4. С. 180; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 193; М., 1978. Т. 34. С. 224; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571–1577 гг. М., 2016. С. 137; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 312.

³ Документы о сражении при Молодях в 1572 г. С. 180; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом: 1571–1577 гг. С. 137; Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 312 и др.

⁴ Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Погост «у Воскресенья у Молодех» // Историко-географический журнал. 2022. № 2 (см. статью в текущем номере журнала).

⁵ Архив ИА РАН. Р-1. Гоняный М. И. Отчет о результатах охранных разведочных археологических исследований в Серпуховском, Чеховском, Подольском районах Московской области в 2009 г.

⁶ Архив ИА РАН. Р-1. Гоняный М. И. Отчет о результатах разведочных археологических работ на месте Молодинского сражения 1572 г. и на курганном могильнике Прохорова 1 в Чеховском районе Московской области в 2014 г.

После трехлетнего перерыва работы на участках предполагаемого сражения были продолжены в 2017 и 2018 гг. образованной уже к этому моменту Молодинской археологической экспедицией.

С этого периода поисковые работы на полях вблизи с. Молоди идут параллельно с исследованиями, затрагивающими исторический и военно-археологический контекст событий 1572 г.

Необходимо отметить, что результаты археологических исследований с использованием детекторов металла носят предварительный характер, чему причиной несколько факторов:

- локальные сезонные работы на столь обширной территории;
- тотальное разграбление места битвы «черными» копателями;
- низкая информативность письменных источников XVI–XVII вв.

В полевых сезонах 2017 и 2018 гг. удалось обследовать обширную территорию к востоку и западу от с. Молоди, а также и территорию самого села.

За эти два сезона с применением методик планшетного сбора подъемного материала с использованием детекторов металла, линейно-группового и свободного поиска удалось изучить свыше 104 га. Также опираясь на полученный архивный материал, с применением методики сплошной археологической площадной разведки пешим маршрутом были выявлены шесть памятников археологии, которые по сопутствующему материалу являются «свидетелями» событий 1572 г., это — селища Молоди 1–5 и грунтовый могильник Молоди (см. цв. вклейку, рис. 8).

ОБСЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ С. МОЛОДИ

В результате детальной археологической разведки на территории современного села был выявлен грунтовый могильник Молоди и установлены границы селища Молоди 5 (см. цв. вклейку, рис. 12), которые на данном этапе можно соотносить с селом Молоди, существовавшим в конце XVII–XVIII вв.⁷

При определении границ селища Молоди 5 применялся сбор подъемного материала и закладка стратиграфических шурфов для определения наличия мощности культурного слоя. При этих работах было собрано более 260 находок из глины, цветного и черного металлов XVI–XIX вв., в том числе две свинцовых пули от ручного огнестрельного оружия.

Для выявления и обследования грунтового могильника, который территориально располагается в границах селища Молоди 5, послужили сообщения местных жителей об обнаружении человеческих костей при расширении автодороги в районе мемориала Великой Отечественной войны в с. Молоди, на левом берегу р. Рожайки.

При обследовании этого участка зачищались обнажения грунта и был заложен один стратиграфический шурф. Результатом работ стало обнаружение разрозненных человеческих костей и последующее их определение, а также был собран значительный вещевой материал из глины, цветного и черного металлов, датирующийся XVI–XIX вв.

Авторы работ связывают грунтовый могильник с погостом с. Молоди, территорию которого могли использовать как сельское кладбище уже после переноса храма на противоположную сторону серпуховской дороги⁸.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ К ВОСТОКУ ОТ С. МОЛОДИ

К востоку от с. Молоди, на левом берегу р. Рожайки, были выявлены и обследованы селища Молоди 2 и Молоди 4⁹ (см. цв. вклейку, рис. 8).

В верховьях оврага, входящего слева в долину р. Рожайки, было выявлено и обследовано селище Молоди 3¹⁰ (см. цв. вклейку, рис. 8).

⁷ Архив ИА РАН. Р-1. Брусенцов О. А. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района, городских округов Чехов, Домодедово, Подольск, Серпухов Московской области, Новомосковского, Троицкого административных округов г. Москвы в 2018 г.

⁸ Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Указ. соч. (см. статью в текущем номере журнала).

⁹ Архив ИА РАН. Р-1. Брусенцов О. А. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района, городских округов Чехов, Домодедово, Подольск, Серпухов Московской области, Новомосковского, Троицкого административных округов г. Москвы в 2018 г.

¹⁰ Архив ИА РАН. Р-1. Гоняный М. И. Отчет о проведении охранных разведочных археологических работ на земельном участке с кадастровым номером 50:31:0030112:254, площадью 548 546 кв. м, расположенном вблизи с. Молоди Чеховского района Московской области в 2017 г.

Судя по керамическому материалу, селища Молоди 2 и Молоди 3 являются остатками деревень XIV–XVII вв.

Селище Молоди 4, обнаруженное и обследованное в 2018 г., датируется XV–XVII вв. На его площадке с использованием детекторов металла удалось собрать 78 предметов из цветного и черного металлов, 11 из которых можно связывать с молодинским сражением, – это 2 универсальных наконечника стрел, 8 свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия (здесь и далее по: *Двуреченский*)¹¹ и 1 железный снаряд, который по своим характеристикам может относиться к снарядам для затинных пищалей¹² (см. ч/б. вклейку, рис. 4).

К северу от селища располагался планшет № 36 площадью 3 га, который был ориентирован с юго-запада на северо-восток. При его обследовании удалось собрать 43 предмета из цветного и черного металлов, половину из которых правомерно соотносить с боевыми действиями, – это 1 железный снаряд, 1 универсальный наконечник стрелы и 10 свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия. Все найденные предметы равномерно распространялись на площади планшета. Помимо снарядов от огнестрельного оружия и ручного метательного оружия, на площади планшета встречены фрагменты снаряжения коня, ювелирные украшения, элементы одежды (см. ч/б. вклейку, рис. 4). Такое скопление предметов и их вытянутое распространение на планшете хорошо маркируют створы дорог, которые вели из с. Молоди в сторону упомянутой выше деревни и с. Любучаны (см. цв. вклейку, рис. 12). Судя по обнаруженным артефактам, дороги существовали с периода средневековья вплоть до середины XX в. Последнее утверждение хорошо подтверждается картографическим материалом эпохи СССР.

Необходимо отметить, что вокруг участков упомянутых выше планшетов с обильной концентрацией материалов XVI столетия была обследована значительная территория по обе стороны оврага, входящего с севера в долину р. Рожайки (см. цв. вклейку, рис. 12). Здесь было заложено 17 планшетов, а также изучен обширный участок территории на северо-восточной оконечности села методами свободного поиска и линейно-группового поиска.

Материал с площади планшетов представлен единичными находками снарядов для огнестрельного боя, что указывает на локальную вовлеченность этих территорий в ход боевых действий. Исключением может служить лишь планшет № 35 площадью 2 га, на территории которого, среди обилия черного металла XIX–XX вв., было собрано 4 свинцовых пули, 1 железный кованый снаряд и предположительно железное ядро от полевого артиллерийского орудия диаметром 30 мм (см. ч/б. вклейку, рис. 4). К югу и северу от планшета № 35 на значительной по площади территории было найдено 7 свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия разного калибра (см. цв. вклейку, рис. 12). Такое незначительное количество находок XVI в. свидетельствует о нахождении этого участка за створом упомянутой выше дороги, которая, по всей видимости, подвергалась обстрелам с юго-западной или северо-восточной стороны.

К северо-западу от верховья оврага (см. выше) был обследован участок площадью 26,4 га, примыкающий к северо-восточной оконечности села, по методике линейно-группового поиска (см. цв. вклейку, рис. 12), а также участок безлесной территории вдоль старого Симферопольского шоссе, где были заложены два поисковых планшета (см. цв. вклейку, рис. 12).

Участок площадью 26,4 га был обследован исключительно на предмет поиска свинцовых снарядов. В результате этих работ было собрано 33 свинцовых пули, из которых большая часть – это снаряды для ручного огнестрельного оружия XVI – нач. XVII в. разного калибра, при этом их распространение на участке тяготело к створу древней дороги и восточной окраине современного села (см. цв. вклейку, рис. 12, см. ч/б. вклейку, рис. 5). Несколько единиц снарядов можно отнести к пулям для пехотных ружей XIX в., что может быть связано с военными маневрами русских

¹¹ Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2006. Вып. 3. С. 277–331; Он же. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2005. Вып. 2. С. 264–295; Он же. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М., 2018.

¹² Тарасевич Ю. Г. Номенклатура среднего и малого калибра в Московской Руси XVI–XVII веков // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2017. Ч. 4. С. 263.

армий XVIII–XIX вв. и событиями 1812 г. (тех же выводов автор придерживается относительно всей обследованной территории).

К северу от описанного участка по обе стороны запаханного оврага, входящего слева в долину левого притока р. Рожайки, были заложены планшеты № 7 и № 29. Здесь была собрана обширная коллекция находок, которые маркируют створ древней дороги, пролежавшей вдоль Серпуховского тракта или являвшейся его частью в средневековье.

Практически половина всех собранных артефактов на этих участках могут относиться к событиям битвы — это 24 свинцовые пули, 2 универсальных наконечника стрел, фрагменты конских подков и гвоздей, бытовавших в Московской Руси в XV–XVII вв. (здесь и далее по: *Двуреченский*)¹³, предметы упряжи; также элементы одежды и обуви (см. цв. вклейку, рис. 12, см. ч/б вклейку, рис. 5).

Соотнося информацию доступных письменных источников и результаты полевых археологических исследований относительно территории, располагающейся к востоку от с. Молоди, которые, в свою очередь, носят предварительный характер, нужно отметить, что на участке протяженностью более двух км вдоль восточной границы села и старого Симферопольского шоссе собрано довольно большое количество артефактов, связанных с битвой.

Их концентрация в южной и северной зонах участка указывает на довольно серьезные боевые столкновения, которые, вероятней всего, происходили 28 июля 1572 г., когда передовой полк под командованием князя Хворостинина разбил растянувшийся арьергард войск Девлет-Гирея, а затем, применив кавалерийский маневр, заманил татарскую конницу под артиллерийский огонь гуляй-города. Оценивая распространение находок в северо-восточной оконечности села, можно предположить, что с большой долей вероятности на данном участке могла располагаться часть «огненной пехоты», для того чтобы «поддержати на пищалех» конницу князя¹⁴.

Разрозненные находки свинцовых пуль на площади между северным и южным скоплениями (см. цв. вклейку, рис. 12) могут указывать как на потерю снарядов во время боя, так и на разлет отстрелянных снарядов при разъезде всадников, вооруженных огнестрельным оружием.

Не исключено, что зона, примыкающая вплотную к реке с находящимися здесь строениями (см. селище Молоди 4), могла использоваться определенным количеством «пехоты» в качестве укрепления в последующие дни битвы, которая мешала войску неприятеля форсировать р. Рожайку.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ К ЗАПАДУ ОТ С. МОЛОДИ

Изучение территории, где, по сообщениям краеведов, массово встречался материал, соотносимый с битвой, было начато еще в 2009 г. (см. выше), а работы 2017 и 2018 гг. к западу от села позволили не только собрать обширную коллекцию артефактов, но и на предварительном этапе локализовать основной участок сражения первых дней августа 1572 г.

В результате археологических работ на данной территории на левом берегу р. Рожайки в сезоне 2018 г. было выявлено и обследовано селище Молоди 1, которое расположено при впадении ручья в р. Рожайку. При установлении границ селища собирался подъемный керамический материал, а для определения наличия и мощности культурного слоя были заложены два стратиграфических шурфа. Находки керамического материала позволили датировать селище XII — началом XVIII в.¹⁵ (см. цв. вклейку, рис. 8).

Судя по расположению и датировке селища Молоди 1, оно существовало в период Молодинской битвы и являлось его «свидетелем». Во второй половине XVII в. это поселение принадлежало известному роду Змеевых¹⁶.

Помимо сплошной археологической разведки, нацеленной на выявление остатков поселений и могильников, к западу-северо-западу от села было заложено 13 поисковых планшетов,

¹³ Двуреченский О. В. Средства и приемы ковки лошадей в Москве и Московской земле (в XIII–XIX веках) // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М., 2004. Вып. 1. С. 238–244.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 225.

¹⁵ Архив ИА РАН. Р-1. Брусенцов О. А. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района, городских округов Чехов, Домодедово, Подольск, Серпухов Московской области, Новомосковского, Троицкого административных округов г. Москвы в 2018 г.

¹⁶ Там же. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Москва. Ед. хр. 32759. Л. 115.

обследованных с применением детекторов металла общей площадью 30 га. Так же, с использованием детекторов металла, осуществлялся свободный поиск артефактов с их точной привязкой к местности на довольно обширной территории и обследование двух участков методом линейно-группового поиска для выявления залегания исключительно свинцовых снарядов общей площадью 19 га¹⁷ (см. цв. вклейку, рис. 12, см. ч/б вклейку, рис. 6).

В первую очередь в сезонах 2017 и 2018 гг. поисковые работы по методике планшетного сбора материала были направлены на изучение участков поля, где, по многочисленным данным, встречалось больше всего материала, предположительно относящегося к битве. Причем эти данные подтверждались работами 2009 г.

Этот безлесный участок территории, где к данному моменту было заложено 6 поисковых планшетов общей площадью 20 га, располагается к западу от железной дороги; с севера он ограничен проточным оврагом, примыкающим справа к безымянному ручью (левый приток р. Рожайки), с запада-юго-запада левым берегом р. Рожайки и суходольным оврагом, входящим слева в ее долину. Необходимо также отметить, что вся восточная часть этого уникального участка, ограниченного правым берегом безымянного ручья (левого притока р. Рожайки), была почти полностью уничтожена строительством Курской железной дороги и современной застройкой села¹⁸ (см. цв. вклейку, рис. 12).

Таким образом, за время работ на этом поле планшетными коридорами удалось покрыть практически половину площади, доступной для исследования, на которой удалось собрать обширную и, на наш взгляд, самую информативную коллекцию предметов, относящихся ко времени битвы. Но важно учесть, что в последние годы распахка поля не проводилась, и это, естественно, затрудняло сбор подъемного материала, наличие которого в перспективе даст более полную картину происходивших здесь событий.

Обследуемое поле имеет размеры около 780 м в длину по направлению север-юг и около 550 м в ширину с востока на запад, с его естественным возвышением в центральной части площадью около 9 га. Нужно отметить, что это одна из самых высоких точек относительно уровня моря на территории, прилегающей к с. Молоди. С южной и юго-восточной стороны площадка поля имеет естественный уклон в сторону р. Рожайки, а с северной и северо-восточной в сторону безымянного ручья и примыкающего к нему проточного оврага.

Зона возвышения площадки поля в разные годы была частично обследована с южной и восточной стороны. Основная же площадь изученной планшетами территории располагается к востоку и югу от центра, являя собой как раз участки естественного понижения.

В результате этих работ была собрана интереснейшая коллекция предметов позднего средневековья и Нового времени в более чем 1000 единиц, около 400 из которых правомерно относить к событиям Молодинской битвы. Рассмотрим подробно категории этих вещей. Самой массовой категорией находок являются конские подковные гвозди и фрагменты подков XV–XVII вв., а также детали упряжи в виде подпружных пряжек и фрагментов удил (см. ч/б вклейку, рис. 7).

Неоспоримо, что к самой информативной группе находок следует отнести снаряды от огнестрельного оружия и ручного метательного оружия.

Из них к снарядам от ручного огнестрельного оружия относятся 44 свинцовые пули различного калибра, к снарядам для ручного метательного оружия относятся 15 универсальных наколочников стрел. Также с площади планшета № 28 было собрано 5 железных снарядов, которые по своим весо-размерным характеристикам можно отнести к боеприпасу для затинных пищалей¹⁹ (см. ч/б вклейку, рис. 8).

В отдельную группу следует выделить предметы личного благочестия, такие как нательные кресты и их фрагменты, а также элементы одежды и обуви, представленные пуговицами, деталями поясного набора и обувными подковами (см. ч/б вклейку, рис. 9).

¹⁷ Архив ИА РАН. Р-1. Брусенцов О. А. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района, городских округов Чехов, Домодедово, Подольск, Серпухов Московской области, Новомосковского, Троицкого административных округов г. Москвы в 2018 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Тарасевич Ю. Г. Указ. соч. С. 263.

Также с площади планшетов, обследованных на данном участке, было собрано 10 монет, относящихся ко времени правления Ивана IV (см. ч/б вклейку, рис. 9).

Все категории находок равномерно располагаются на площади планшетов, как бы опоясывая участок возвышенности данного поля.

Оценивая планиграфию находок и их количество (даже с учетом многолетней выборки «черными копателями») на площади обследования, мы приходим к выводу, что именно данный участок был выбран русской армией для развертывания полевого укрепления — гуляй-города, с юга прикрытого водами р. Рожайки и, скорее всего, полком правой руки.

Учитывая характер залегания и категории находок, можно предположить, что их «выпадение» в грунт произошло именно в тех зонах, где велись плотный огненный и лучный бои и происходили ожесточенные схватки воюющих армий. Иными словами, вдоль всей восточной части поля, частично уничтоженной железной дорогой, мог проходить фронт боевых действий первых дней августа. В пользу этого довода также свидетельствует найденный на сегодняшний день в единственном экземпляре фрагмент «чеснока» в виде трехгранного шипа, который использовали против вражеской кавалерии. Эта находка зафиксирована на планшете № 1, который практически вплотную примыкал к оврагу в северо-восточной части поля. Такие шипы русская армия могла разбрасывать как раз в местах преодоления естественных преград татарской конницей, а именно овражно-балочной системы долины р. Рожайки. Вполне возможно, что исследователи не находят таких шипов в массовом количестве, так как эти зоны были уничтожены полотном железной дороги.

Теперь хотелось бы перейти к описанию обследованных участков, окружающих предполагаемое место нахождения гуляй-города.

К северу от планшета № 28, на участке, примыкающем к правому борту оврага, входящего слева в долину р. Молодки (левый приток р. Рожайки), были заложены 3 поисковых планшета под № 8, 26, 30; в 250 м к юго-западу еще 2 планшета общей площадью 2 га (см. цв. вклейку, рис. 12).

Помимо этого, территория, не попавшая в границы планшетов, обследовалась по методике свободного поиска с использованием детекторов металла, в том числе удалось изучить участки, попавшие в зону современной застройки СНТ, которая с юга ограничена обводненным оврагом (см. цв. вклейку, рис. 12).

Собранный материал с площади планшетов и прилегающей территории позволил промаркировать участок древнего створа дороги, которая, скорее всего, вела от Серпуховского тракта в сторону выявленного селища Молоди 1, существовавшего в период битвенных событий.

Подъемный материал представлен обильным количеством конских подков и гвоздей XV–XVII вв., а также деталями упряжи.

Значительный процент составляют предметы, относящиеся к элементам одежды и обуви (см. ч/б вклейку, рис. 10).

К артефактам, являющимся деталями вооружения противоборствующих армий, можно отнести 23 свинцовых пули от ручного огнестрельного оружия и 2 универсальных наконечника стрел (см. ч/б вклейку, рис. 11).

Данные находки позволили сделать вывод, что упомянутый безлесный участок территории, по которому проходила древняя дорога, был использован передовым полком князя Хворостинина для заманивания противника под огонь гуляй-города в первый день битвы, уходя от него «поправее»: «А князь Дмитрий по договору приказал всем людям: будет помычка будет, и бежать подле гуляй, а в город ни одному не ехоть»²⁰.

В последующие дни битвы данное пространство, вероятно, прикрывал полк левой руки, не давая окружить гуляй-город с северо-западной стороны.

На участке, примыкающем вплотную к безымянному ручью и, к сожалению исследователей, уничтоженному строительством полотна курской железной дороги, могли происходить так называемые «травля» и «подъезды» между русской и татарской конницей, пока основные силы армий переводили дух после «съемного боя».

²⁰ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Вып. 1. С. 199.

Еще юго-западнее описанной выше территории был заложен и обследован планшет № 31, располагавшийся в верховьях правого борта суходольного оврага, входящего слева в долину р. Рожайки. Материал, собранный на площади планшета, представлен обилием предметов конского снаряжения, фрагментами украшений и элементов одежды и обуви.

К деталям вооружения следует отнести 12 свинцовых пуль для ручного огнестрельного оружия (см. ч/б вклейку, рис. 6).

Обилие находок на площади планшета, как и в описанном выше случае, маркирует еще один участок древней дороги, шедшей с севера в сторону р. Рожайки. Вполне вероятно, что именно здесь часть войска, «догонявшая» передовой полк, попала под прицельный огонь гуляй-города (см. выше).

К западу от планшета по методике свободного поиска собрано 7 свинцовых снарядов – это 5 пуль различного калибра для ручного огнестрельного оружия и 2 свинцовых ядра от полевой артиллерии (см. ч/б вклейку, рис. 6).

Южнее было обследовано два участка на предмет поиска свинцовых снарядов. Здесь найдено в общей сложности 15 свинцовых пуль от ручного огнестрельного оружия, 5 из которых можно отнести к снарядам для пехотных ружей XIX в. (см. ч/б вклейку, рис. 6).

Такой разброс свинцовых снарядов на значительной по площади территории может свидетельствовать либо о локальных боестолкновениях при все тех же «подъездах», либо об их утере при расположении части русских войск.

Таким образом, на протяжении двух полевых сезонов, 2009 и 2014 гг., проводились локальные военно-археологические исследования на участках, где, по сообщениям краеведов, массово встречались предметы, связанные со сражением. Это были первые находки, подвергшиеся научной обработке и поступившие в государственный музейный фонд.

Работы 2017 и 2018 гг. носили уже характер комплексных историко-археологических исследований, в результате которых удалось с высокой точностью локализовать место расположения погоста и церкви в с. Молоди, являвшемся основным ориентиром сражений, произошедших в период с 28 июля по 3 августа 1572 г., а также определить основные зоны боевых действий на территории около 500 га. В частности, с большой долей вероятности можно говорить о локализации места расположения полевого оборонительного укрепления московского войска.

Говоря о результатах археологических работ нескольких лет, необходимо отметить, что это только первые шаги, позволяющие сделать лишь предварительные выводы. Восстановление всех этапов битвы с их привязкой на местности и создание на этой основе карты-схемы боевых действий Молодинского сражения будет возможно только после проведения дополнительных комплексных научных исследований, которые должны включать в себя, кроме историко-археологических, палеогеографические, почвоведческие, ландшафтные и иные виды исследований.

В отечественной науке это не первый опыт столь масштабных работ на полях сражений²¹.

В перспективе дальнейшие полевые исследования с применением различных научных методик, а также целостное изучение полученных коллекций предметов материальной культуры, их статистический анализ, изучение данных серий в контексте имеющейся у нас историографии, посвященной ходу самого сражения, даст не только новый источник, но и новое объективное видение событий летних месяцев 1572 г.

REFERENCES

Brusentsov O. A., Dvurechenskiy O. V., Solov'yev D. B., Shevyakov Ye. S. [Battlefields as a special type of archaeological sites]. *Voyennaya arkheologiya: Sb. materialov nauchnogo seminara* [Military archaeology: Collection of materials of the scientific seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2020, iss. 6, pp. 6–103. (In Russian).

²¹ Гоняный М. И., Двуреченский О. В. История и некоторые методические подходы археологического изучения Бородинского сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. Можайск, 2013. С. 331; Двуреченский О. В. Археологические исследования на месте Донского сражения // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб; М.; Новосибирск, 2011. Т. II. С. 137–138; Брусенцов О. А., Двуреченский О. В., Соловьев Д. Б., Шевяков Е. С. Ратные поля как особый вид памятника археологии // Военная археология: Сб. материалов научного семинара. М., 2020. Вып. 6. С. 6–103.

Burdey G. D. [Battle of Molodi of 1572]. *Uchenyye zapiski Instituta slavyanovedeniya* [Proceedings of the Institute of Slavic Studies]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963, vol. 26, pp. 48–79. (In Russian).

Dvurechensky O. V. [Ammunition for hand firearms of Moscow Russia of the late 15th — early 18th century]. *Archeologiya Podmoskov'ya: Materialy nauch. seminara* [Archaeology of the Moscow region: Materials of a sci. seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2005, iss. 2, pp. 264–295. (In Russian).

Dvurechensky O. V. [Archaeological research at the site of the Don Battle]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s'yezda* [Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Congress]. Saint Petersburg; Moscow; Novosibirsk: IIMK RAN Publ., 2011, vol. 2, pp. 137–138. (In Russian).

Dvurechensky O. V. [Arrowheads of Moscow Rus' and the Russian state of the 15th–17th centuries]. *Archeologiya Podmoskov'ya: Materialy nauch. seminara* [Archaeology of the Moscow region: Materials of a sci. seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2006, iss. 3, pp. 277–331. (In Russian).

Dvurechensky O. V. [Means and techniques of forging horses in Moscow and the Moscow land (in the 13th–19th centuries)]. *Archeologiya Podmoskov'ya: Materialy nauch. seminara* [Archaeology of the Moscow region: Materials of a sci. seminar]. Moscow: IA RAN Publ., 2004, iss. 1, pp. 238–244. (In Russian).

Dvurechensky O. V. *Tushinskiy lager' (Publikatsiya kolleksii V. A. Poltkovskogo iz sobraniya GIM)* [Tushino camp (Publication of the collection of V. A. Poltkovsky from the collection of the State Historical Museum)]. Moscow: IA RAN Publ., 2018. (In Russian).

Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov* [The Lords of two continents]. Kiev; Bakhchisaray: Oranta, Maysternya knigi Publ., 2007, vol. 1. (In Russian).

Gonyany M. I., Dvurechensky O. V. [History and some methodological approaches of the archaeological study of the Battle of Borodino]. *"Sey den' prebudet vechnym pamyatnikom..." Borodino 1812–2012. Materialy Mezhdunar. nauch. konf., 3–7 sentyabrya 2012 g.* ["This day will remain an eternal monument ..." Borodino 1812–2012. Proceedings of the International Sci. Conf., September 3–7, 2012]. Mzhaisk: Gos. Borodinskiy voyenno-istoricheskiy muzey-zapovednik Publ., 2013. (In Russian).

Malov A. V. [Battle of Molodi in the context of the military-political situation in the Muslim-Christian contact zone]. *Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva. Sb. statey* [Medieval Turkic-Tatar states: collection of articles]. Kazan: Izd-vo "Ikhlas" Publ., 2010, iss. 2, pp. 186–207. (In Russian).

Penskoy V. V. *Ivan Groznyy i Devlet-Girey* [Ivan the Terrible and Devlet-Giray]. Moscow: Veche Publ., 2012. (In Russian).

Sheykhumerov A. A. [Mythologies and realities of the battle of Molodi]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2019, no. 2, pp. 133–154. DOI: 10.22378/kio.2019.2.133-154. (In Russian).

Tarasevich Yu. G. [The nomenclature of artillery of medium and small caliber in Moscow Russia of the 16th–17th centuries]. *Voyna i oruzhiye: Novyye issledovaniya i materialy* [War and weapons: New research and materials]. Saint Petersburg: VIMAIviVS Publ., 2017, part 4, pp. 252–271. (In Russian).

Vinogradov A. V., Malov A. V. ["Fought with them near the Resurrection in Molodi": Materials on Devlet-Giray War against Moscow in 1572 in the Book of Crimean Embassies of 1571–1578]. *Edinorog. Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Edinorog: Materials on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and Early Modern Times]. Moscow: Kvadriga Publ., 2011, vol. 2, pp. 202–253. (In Russian).

Volkov V. A. *Voiny i voyska Moskovskogo gosudarstva* [Wars and troops of the Moscow state]. Moscow: Eksmo; Algoritm Publ., 2004. (In Russian).

Volodikhin D. M. *Ivan Shuyskiy* [Ivan Shuisky]. Moscow: Veche Publ., 2012. (In Russian).

Volodikhin D. M. *Voevody Ivana Groznogo* [Voivodes of Ivan the Terrible]. Moscow: Veche Publ., 2014. (In Russian).

РЕГИОНАЛИСТИКА

УДК 94(477.75):913(477.45)

Гришин Евгений Сергеевич

заведующий научной редакцией исторической картографии Большой Российской энциклопедии

ORCID: 0000-0002-9521-2246

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Водные ресурсы Крыма в составе Таврической губернии и их использование: опыт характеристики

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена гидрографическим условиям Крымского полуострова, входившего в состав Таврической губернии, в контексте состояния его водных ресурсов и практик их использования. В ходе раскрытия темы дается исторический обзор гидрологических исследований Крыма и действий властей по регулированию водных ресурсов полуострова. Приводится характеристика поверхностных и подземных вод, а также возможностей их хозяйственной эксплуатации, включая основные типы гидротехнических сооружений, которые применялись на территории полуострова. Указываются формы антропогенного воздействия на водные объекты, а также их взаимодействие с естественной динамикой гидрографических объектов. Особое внимание уделено рекам и их режиму. По материалам картографических, статистических и документальных источников дается описание изменений режима речных протоков, а также их воздействия на историческую географию населенных пунктов. В качестве репрезентативного объекта приводится характеристика реки Салгира (величина уклона, освоенность территории, характер эксплуатации водных ресурсов реки, источники питания, речной режим). Этот материал позволяет исследовать наиболее типичные проблемы с водообеспечением и способы их решения. Тема водообеспечения рассматривается в тесной связи с общим историческим развитием региона и расценивается как его важнейшая составляющая, требующая дальнейшего изучения. Обозначены направления дальнейшей разработки темы водных ресурсов и возможности ее совмещения с другими исследовательскими аспектами исторической географии и историко-экологическими вопросами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Крым, Таврическая губерния, Салгир, историческая гидрография, водные ресурсы, водообеспечение.

REGIONAL STUDIES

UDC 94(477.75):913(477.45)

Evgeniy S. Grishin

head of the Scientific Editorial Board of Historical Cartography of the Great Russian Encyclopedia

ORCID: 0000-0002-9458-3934

E-mail: bibliosof-info@yandex.ru

Water resources of the crimea as part of the taurida province and their use: an attempt of characterization

ABSTRACT. The article is devoted to the hydrographic conditions of the Crimean Peninsula as part of the Taurida province in the context of the state of its water resources and practices of their use. A historical survey of the Crimea's hydrological studies and the activities of the authorities to regulate the water resources of the peninsula is given. The author characterizes surface and underground waters, as well as the possibilities of their economic exploitation, including the main types of hydraulic structures that were used on the territory of the peninsula. The forms of anthropogenic impact on water bodies are indicated, as well as their interaction with the natural dynamics of hydrographic objects. Particular attention is paid to rivers and their regime. Based on the materials of cartographic, statistical and documentary sources, the paper describes changes of the river regimes, as well as their impact on the historical geography of settlements. As a pattern, a characteristic of the Salgir River (the magnitude of the slope, development of the territory, the nature of the exploitation of the water resources, sources of feeding, river regime) is given. This material makes it possible to trace the most typical examples of water supply problems and ways of solving them. The water supply problem is considered in close connection with the general historical development of the region and is regarded as its important component that requires further study. Directions for further development of the studies of water resources and the possibility of its compliance with other research problems of historical geography and environmental history issues are outlined.

KEYWORDS: Crimea, Taurida province, Salgir river, historical hydrography, water resources, water supply.

Изучение исторической географии региона, помимо общих характеристик его территории, предполагает специальное рассмотрение природных ресурсов. Применительно к Крымскому полуострову особое значение приобретают водные ресурсы, так как их ограниченность всегда создавала серьезные проблемы для освоения и развития территории. Водные объекты часто образовывали естественные границы отдельных административных единиц, задавали конфигурацию расселения и являлись источниками воды как важнейшего ресурса, который использовался в различных сферах: питьевые и хозяйственно-бытовые нужды; производственное использование; орошение.

На комплексном изучении водных ресурсов фокусируется ряд других аспектов исторической географии, включая орографию, климат, характер землепользования, общую изученность и мониторинг территории. В этом отношении Крымский полуостров представляет собой наиболее подходящий регион для отработки методических вопросов исторической гидрографии, поскольку именно по крымским уездам Таврической губернии сохранилась богатая источниковая база, достаточная для ретроспективной оценки всей системы водообеспечения полуострова. Практически во всех основных географо-статистических справочниках и обзорах Таврической губернии содержатся сведения о водоснабжении населенных пунктов, режиме питания рек, искусственных сооружениях по регулированию речного стока и эксплуатации подземных вод. То же самое относится к характеристике климатических условий Крыма. По бурению скважин и качеству воды колодцев составлялись отдельные перечни. Динамика гидрографических объектов (изменение морфологии и обводненности речных протоков) прослеживается по материалам картографических источников. Действия властей и землевладельцев, связанные с водным регулированием, также хорошо документировались.

В 1836 г. официальными документами был признан недостаток воды на полуострове в части ее хозяйственного использования¹. Именно в 1830-е гг. осуществляются первые попытки бурения артезианских колодцев. Они продолжаются до 1860-х гг., однако в целом оказались мало результативными². В 1861–1867 гг. особая правительственная комиссия принимала меры по обеспечению водой наиболее нуждающихся в ней поселений. Ее действия в основном состояли в устройстве колодцев, возобновлении старых и устройстве новых запруд³. В ходе этой экспедиции А. Н. Козловский составил в 1864–1867 гг. каталог колодцев Крыма, в котором содержались сведения об их глубине и качестве воды⁴. В 1868 г. в Таврическую губернию была командирована особая экспедиция в составе гидротехников, инженеров и других специалистов, которые должны были предложить меры по улучшению водоснабжения территории Крыма. Эффективность ее работ оказалась низкой, так как ее рекомендации либо просто не выполнялись, либо требовали слишком крупных затрат, которые не могли быть осуществлены⁵. В 1886 г. губернское земство для заведывания вопросами водного обеспечения губернии приглашает геолога Н. А. Головкинского. Его вклад в изучение водных ресурсов Крымского полуострова был чрезвычайно значимым; результаты его работ были опубликованы в многочисленных трудах, важнейший из которых — «Гидрогеологические исследования в Таврической губернии 1891 г.»⁶.

Только после детального изучения геологии полуострова стало возможным продолжение работ по бурению артезианских колодцев⁷.

В 1894 г. создается комиссия во главе с В. Дингельштетом для выработки водного закона. В 1895–1897 гг. экспедиция по орошению юга России производит обследование водного хозяйства в Крыму. В 1902–1906 гг. комиссия по оздоровлению Южного берега Крыма производит изучение района от Алупки до Ялты. В 1910 г. комиссия по регулированию водного хозяйства в Крыму разрабатывает программу необходимых обследований и улучшений. В декабре того же года принимается закон о пользовании проточными водами Крыма⁸.

¹ Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма. СПб., 1915. С. 1.

² Головкинский Н. Путеводитель по Крыму. 6-е изд. Симферополь, 1894. С. 15.

³ Там же. С. 18.

⁴ Сборник статистических сведений по Таврической губернии / Сост. Стат. бюро Тавр. губ. земства; Общ. ред. и предисл. К. А. Вернера. Симферополь, 1889. Т. 9. С. 24.

⁵ Рухлов Н. В. Указ. соч. С. 1.

⁶ См.: Головкинский Н. Гидрогеологические исследования Таврической губернии. Симферополь, 1891.

⁷ Головкинский Н. Путеводитель по Крыму... С. 15.

⁸ К вопросу об упорядочении водного хозяйства в Крыму. Крымские водные изыскания / сост. К. Д. Кельтсер, инж. путей сообщения, начальник Крымских водных изысканий. — Ялта, 1913. С. 3–4.

В 1911–1912 гг. осуществлялось системное бурение артезианских колодцев, результаты которого были сообщены профессором П. А. Двойченко⁹. Он же дал общую характеристику условий водоснабжения Таврической губернии с точки зрения геологической характеристики региона и его орографии¹⁰.

Системный учет водных запасов Крыма начинается в 1912 г., когда были устроены семь водомерных постов в бассейне реки Учас-Су¹¹. Аналогичные посты были установлены в бассейнах Авунды, Дерекоекы, Загматы, Хастабаша, Салгира, Качи и других рек. В планах на период 1913–1915 гг. была намечена регистрация всех водных источников Крыма с учетом их гидрометрических показателей.

Наиболее емкое описание всех основных явлений, связанных с водным вопросом, дал начальник Крымских водных изысканий К. Д. Кельтсер. Одна из основных его мыслей состоит в том, что две основные проблемы с водой на полуострове — ее недостаток в одних регионах и бедствия от наводнений в других — имеют общую причину: отсутствие упорядоченного, системного подхода к регулированию водного режима. По замечанию Кельтсера, даже в пределах одной речной системы гидротехнические сооружения действуют совершенно изолированно, без учета общности водотока, и нацелены на решение частных задач. Осенью 1909 г. ливневое наводнение привело к серьезным разрушениям в Никитском ботаническом саду, в связи с чем туда был командирован Н. В. Рухлов, который 17 марта 1910 г. представил доклад «О необходимости улучшить состояние водного хозяйства в горной части Крымского полуострова»¹².

Ввод в эксплуатацию нескольких десятков артезианских скважин к середине 1890-х гг., в том числе на территории степного Крыма, позволил улучшить обеспечение водой тех регионов, которые особенно страдали от ее недостатка или имели повышенный запрос на водопотребление. Это внушало достаточный оптимизм, чтобы прогнозировать в ближайшем будущем решение проблем с водоснабжением, однако накопление информации о геологической изученности Крыма позволило выявить территории, на которых использование артезианских вод было невозможным — либо из-за глубины их залегания, либо в силу их отсутствия. Это относилось в первую очередь к Тарханкутскому полуострову и значительной части Керченского полуострова¹³. Причем в последнем случае современные данные совпадают с оценкой геологов имперского времени¹⁴.

Антропогенное воздействие на водный режим водных потоков Крыма было многофакторным: прямая эксплуатация водных ресурсов, изменение ландшафта водосборных территорий, регулирование русловых процессов.

Интенсивная вырубка лесов на горных участках приводила к эрозионным процессам, которые, в свою очередь, провоцировали возникновение селевых потоков и отрицательно сказывались на изменчивом режиме рек: половодье имело более выраженный, резкий характер; меженный период отличался полным отсутствием воды.

Меры по исправлению сложившейся ситуации, при которой ливневые потоки приводили к разрушительным последствиям и при этом без всякой пользы уносили в морские бассейны большие объемы пресной воды, требовали продуманного системного воздействия человека на регулирование речных вод. Среди этих мер отмечают: лесоразведение, ограничение выпаса скота, укрепление подошвы разрушающихся склонов рек, устройство водохранилищ¹⁵.

Для того, чтобы дать **комплексную оценку** роли водных ресурсов в исторической географии региона, нужно ответить на следующие вопросы:

- насколько территория обеспечена поверхностными пресными водами;
- тот же вопрос по подземным водам: глубина залегания грунтовых и артезианских вод, их качество и пригодность для использования в бытовых и хозяйственных целях;

⁹ См.: Двойченко П. А. Бурение артезианских колодцев в Таврической губернии в 1911–1912 гг. Симферополь, 1912.

¹⁰ См.: Двойченко П. А. Условия водоснабжения в Таврической губернии. Симферополь, 1913.

¹¹ К вопросу об упорядочении водного хозяйства в Крыму... С. 17.

¹² Рухлов Н. В. Указ. соч. С. 2.

¹³ Головкинский Н. Путеводитель по Крыму... С. 16.

¹⁴ Какюкова Е. П., Барабошкина Т. А., Косинова И. И. Ресурсный потенциал пресных вод Крыма // Вестник ВГУ. 2014. № 4. С. 106.

¹⁵ К вопросу об упорядочении водного хозяйства в Крыму... С. 13.

— использование искусственных водопроявлений и гидротехнических сооружений для использования поверхностных и подземных вод;

— характер и степень освоенности изучаемой территории.

Как видно, разнообразие требуемых данных достаточно велико и едва ли может быть обеспечено лишь доступными источниками, особенно по теме подземных вод. Оценка глубины залегания и качества последних предполагает обращение к специальной гидрогеологической карте. Точно так же использование искусственных источников воды и создание гидротехнических сооружений местного значения не всегда возможно проследить по источникам, тем более обеспечить систематичность в накоплении данных подобного рода. С другой стороны, чем значимее тема обеспечения водными ресурсами, тем более подробное ее отражение она находит в различных материалах. Так, водные ресурсы полуострова получали освещение в сборниках по статистике и географическому описанию Крыма в отдельных разделах и даже в сборниках «Военно-статистическое обозрение Российской империи»¹⁶.

Климатические условия. Осадки в степной части Крыма составляли 350 мм в год¹⁷. По заключению В. И. Иванова, земледелие возможно без искусственного орошения при осадках свыше 300 мм в год¹⁸. По наблюдениям на Тарханкутском маяке в 1873–1886 гг., среднегодовое количество осадков в Евпаторийском уезде составляло всего 231 мм — самый низкий показатель на всем полуострове, учитывая при этом, что балки и овраги здесь были ограничены в источниках питания и не имели доступа к снеготаянию. Скудные осадки и подземные воды, залегание которых на возвышенной части полуострова фиксировалось на больших глубинах, были единственными водными ресурсами этой территории, что вынуждало обращать повышенное внимание на искусственную добычу вод и создавало серьезные ограничения в освоении территории Евпаторийского уезда.

В горной части осадков выпадало вдвое больше, чем в степной полосе. В свою очередь, медленное таяние снегов обеспечивало медленное просачивание воды сквозь трещиноватые породы в водоносные горизонты и ее движение в них.

Поверхностные воды представлены реками, озерами и источниками.

Реки большей части полуострова быстро наполняются водой в период таяния снегов, производят опустошения и снова становятся едва заметными ручейками.

Питание рек Крыма, по современным данным, имеет смешанный характер: 44–50 % — дождевые воды; 28–36 % — подземные воды; 12–23 % — снеготаяние. Реки имеют выраженный паводковый режим¹⁹. На зимне-весенний период (ноябрь — апрель) приходится 70–90 % годового стока.

Реки Крыма и ручьи южного склона Крымских гор охватывают территорию, вытянутую на 125 верст, шириной в 40 верст, что соответствует пятой части всей площади полуострова. Эту территорию можно считать относительно обеспеченной водными ресурсами, и проблемы с ними возникают, как правило, на уровне регулирования речного стока или в связи с его нерациональным использованием²⁰. На прочих территориях доступ к воде определялся установленными правилами или обычаями населения: отдельные садовладельцы получали возможность использовать воду в порядке очереди. Если же вода в протоке была в наличии только в период таяния снегов, то очередность могла приводить к тому, что некоторые участки вовсе лишались возможности полива. Подобные ситуации привели к формированию так называемого «водного права». В этом смысле любопытен пример деревни Таракташ, в которой виноградники поливались из реки Кара-Бер-Бунар, впадающей в Судакскую долину. В случае недостатка воды все садовладельцы разбиваются на пять групп; наиболее уважаемые жители, «старики», указывают очередность групп по дням — когда и какая из них должна пользоваться водой. В свою очередь, внутри групп формировалась своя — внутренняя — очередь. Количество дней указывалось исходя из следующих факторов: количество воды в реке; площадь сада или виноградника; общий срок полива всех садов в долине. Обращает на себя внимание и то, что при поливке садов приори-

¹⁶ См.: Военно-статистическое обозрение Таврической губернии. СПб., 1849. С. 62.

¹⁷ Рухлов Н. В. Указ. соч. С. 23.

¹⁸ Иванов В. А. Очерк климата Таврической губернии. Симферополь, 1913. С. 20.

¹⁹ Каюкова Е. П., Барабошкина Т. А., Косинова И. И. Указ. соч. С. 108.

²⁰ Сборник статистических сведений по Таврической губернии... С. 21.

тет в очереди отдавался именно Судакской долине, так как если первыми водой воспользуются жители Таракташа, то на те местности, которые лежат ниже по течению, воды может оказаться недостаточно²¹. Между тем жители тех участков, которые располагались выше по течению рек, естественно, меньше были подвержены угрозе остаться без полива. Таким образом, между населением связанных речных долин формировались договоренности о координации своих действий по использованию речных вод.

Подобные схемы показывали свою действенность в тех местностях, где владение земельными участками и система землепользования были сравнительно стабильными. Преимущественно это касалось территорий, на которых проживало татарское население. Массовый исход татар в начале 1860-х гг., приведший к запустению несколько сотен крымских деревень, нарушил множество хозяйственно-экономических связей, которые функционировали в предшествующие десятилетия. Повторное освоение заброшенных участков с участием переселенцев позволило восстановить многие из них, однако упорядоченная система договоренностей на них уже не действовала, и необходимо было выстраивать новые подходы к эксплуатации водных ресурсов из поверхностных водотоков.

Источники (родники) составляют важную часть естественных водных ресурсов: водами из источников подпитываются речные протоки, также практиковалась их прямая эксплуатация населением. Некоторые источники давали начало притокам крупных рек. В то же время в степной части полуострова воды многих источников не находили выхода и приводили к заболачиванию местности.

Теоретические основы изучения **подземных вод**, принятые на вооружение к началу XX в., а также интерпретация геологических условий в приложении к водным ресурсам были сформулированы П. А. Двойченко в его работе «Условия водоснабжения в Таврической губернии». В ней изложено геологическое строение материковых уездов и Крыма, приведены характеристики пород с точки зрения их водопоглощения и водопроводимости. Было, например, отмечено, что степень поглощения и задерживания воды мелкозернистыми породами (глина, мел) значительно выше, чем песчаных пород. Поскольку вода из атмосферных осадков, достигнув пород, движется в сторону понижения рельефа, это приводит к ее скоплению на отдельных участках и разгрузке в виде источников²². По заключению Двойченко, «царством грунтовых вод будут равнины, образованные однородными коренными породами». Эта характеристика как раз подходила для степных территорий Крыма, где особый расчет делался на подземные воды и их использование посредством бурения колодцев и скважин.

Важной характеристикой является связь глубины залегания грунтовых вод с рельефом. Данные Н. Головкинского указывали на близость значений глубины колодцев и уровней высот местности даже на тех участках, которые далеки от моря. Соответственно, глубина колодцев на возвышенностях будет достигать наибольших значений. Это относится, например, к Тарханкутскому полуострову, то есть к большей части Евпаторийского уезда, где грунтовые воды залегают на уровне моря, однако доступ к ним затруднен необходимостью создания глубоких колодцев. В центральной части полуострова артезианские воды и вовсе считались отсутствующими. В северной части Перекопского уезда глубина залегания подземных вод оценивалась в диапазоне от 22 (Ишунь) до 65 (Кара-Тобель) саженей²³. По мере приближения к возвышенностям на юге глубина увеличивалась до 80–90 саженей. Отсутствие подземных вод было отмечено к северу от деревни Айбар, где населенные пункты на тот момент отсутствовали.

При этом один из самых населенных районов уезда — Перекоп и Армянский базар с окрестностями — оценивался как один из наименее обеспеченных водой: верхний водоносный горизонт обладал повышенной минерализацией; второй горизонт отсутствовал; третий (120–124 сажени глубиной) также имел высокий уровень минерализации, был насыщен сероводородом, а потому и малопригоден для употребления. Отмечалась высокая соленость воды в подземных водах и на других участках, которые залегали на небольших глубинах.

²¹ Там же.

²² Двойченко П. А. Условия водоснабжения... С. 27–28.

²³ Там же. С. 44.

А. Н. Козловский²⁴ на основе своего каталога колодцев выделил шесть типов местностей (табл. 1).

Таблица 1

Глубины залегания подземных вод по каталогу колодцев А. Н. Козловского*

Тип	Глубина подземных вод	Географическое определение	Характеристика воды
1	От 1 до 5 сажень	Узкая полоса по берегу Сиваша от Черного моря до Азовского	Вода с высоким уровнем минерализации, малоприспособная для питья
2	5–10 сажень	Большая часть Перекопского и Симферопольского уездов, узкая полоса Евпаторийского уезда	Пресная вода
3	10–15 сажень	Западные части Перекопского и Евпаторийского уездов	Значительная часть воды низкого качества
4	15–20 сажень	Приграничная территория Евпаторийского уезда с Перекопским и Симферопольским	Северная часть территории отличается повышенной соленостью
5	20–40 сажень и более	Центральная и восточная части Евпаторийского уезда, западная окраина Перекопского, северная окраина Симферопольского уезда	
6	Подземные воды считаются отсутствующими	Присивашская территория Перекопского уезда; аналогичная безводная полоса — в Феодосийском уезде, на территории Керченского полуострова	

* Составлено по: Сборник статистических сведений по Таврической губернии. 1889 г. С. 21.

Отмечалось, что наилучшее качество воды в отношении содержания солей характерно для колодцев в балках, где усиленная инфильтрация воды приводила к ее выщелачиванию.

ИСКУССТВЕННЫЕ ВОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ГИДРОТЕХНИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ

В период Крымского ханства татарами было устроено много водопроводов и фонтанов, расчищались родники и проводились каналы. Распространение садов служило подтверждением эффективности усилий татар по использованию водных ресурсов²⁵.

Колодцы относятся к наиболее распространенным формам искусственных источников водоснабжения территории Крыма в составе Таврической губернии. К примеру, в Евпаторийском уезде для более чем сотни населенных пунктов ближайшим источником воды прямо указаны колодцы²⁶, при этом указание в качестве местоположения других гидрографических объектов не означает их особой роли в водоснабжении: даже те поселения, которые, согласно описанию, находились вблизи рек, часто зависели от колодезной воды. На территориях, прилегающих к горной местности, глубина колодцев обычно достигала 15 сажень; в возвышенных частях степи глубина возрастала до 60 сажень и более. В Евпаторийском уезде глубина копанных колодцев в 30–40 сажень была обычным явлением.

Среди сооружений по накоплению воды широко использовались **ауты** — так назывались небольшие запруды, которыми задерживалась вода, обеспечиваемая осадками. Особое рас-

²⁴ Сборник статистических сведений по Таврической губернии... С. 21.

²⁵ Рухлов Н. В. Указ. соч. С. 28–29.

²⁶ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: Вып. 41: Таврическая губерния: (По сведениям 1864 г.) / обраб. М. Раевским. СПб.

пространение ауты получали в тех местностях, где подземные воды практически отсутствовали или были непригодны для питьевого использования из-за высокой минерализации (Керченский полуостров, степная часть)²⁷. Вода в аутах портилась из-за загнивания, а в летний сезон могла полностью испаряться.

Артезианские скважины. Как было выше указано, бурение артезианских скважин предпринималось еще в 1834–1836 гг. в Феодосии, Евпатории, Симферополе и Керчи. Однако без опоры на геологические исследования подобные попытки фактически предпринимались наудачу и приводили лишь к случайным результатам. Ошибки в оценке водоносности ниже залегающих пород были причиной значительных трат и многолетних работ, результат которых себя совершенно не оправдывал. Так, в 1860–1870-е гг. предполагалось, что в северной части Перекопского уезда под толщей глин залегает слой кварцевого песка, содержащего воду днепровского происхождения²⁸. В 1869 г. горный инженер Романовский приступил к бурению скважины возле почтовой станции Айбары и вел эти работы до 1878 г. Глубина скважины превысила 796 м, однако вода так и не была добыта. Позднее выяснилось, что скважинное бурение велось в антиклинальной области²⁹.

Однако даже успешное бурение не могло решить проблему дефицита воды в масштабе уездов в силу дороговизны работ. Артезианские скважины обеспечивали водой в основном города, крупные сельские поселения и экономии, в которых затраты на бурение могли быть экономически оправданными. По Евпаторийскому уезду из 39 скважин, бурение которых велось в 1911–1912 гг., 30 находились в самой Евпатории. Положение в Перекопском уезде было несколько более сбалансированным. П. А. Двойченко в своем докладе именно устройству артезианских скважин приписывает положительные сдвиги в освоении перекопских степей: там, где до 1890-х гг. были немногочисленные «жалкие поселения», возникли новые села и роскошные экономии с садами, огородами, прудами и т. д.³⁰ К 1912 г. в Перекопском уезде около 200 действующих скважин давали 2 млн ведер самоизливающейся воды в сутки³¹. В Евпаторийском уезде артезианские скважины имелись в следующих населенных пунктах: Камбары, Джамин, Кадыр-Балы, Саки, Майнаки, Комрад и, собственно, Евпатория. В последней насчитывалось 130 скважин.

Тот же Двойченко отмечал следующее явление: после смерти Н. Головкинского в 1897 г. бурение скважин на полуострове было отдано на произвол многочисленных, но непрофессиональных исполнителей, результатом деятельности которых были колодцы, приходившие в негодность спустя два-три года после начала эксплуатации. В 1905 г. была осуществлена инспекция существующих артезианских колодцев на территории Перекопского и части Евпаторийского уездов; инспектирование прочих территорий было предпринято в 1910–1911 гг.³²

Несмотря на действительные успехи в обеспечении водой отдельных местностей, артезианские скважины сохраняли локальный характер водообеспечения в силу ряда факторов: геологических условий, технологичности, трудоемкости и дороговизны производимых работ. Однако главная проблема в оценке их роли в решении водной проблемы в Крыму состояла в другом: насколько первично бурение скважин в освоении территории? Если вернуться к замечаниям Двойченко о состоянии Перекопского уезда до и после бурения, то возникает вопрос о приоритете — стоит ли прилагать большие усилия по созданию скважин, если рассматриваемая местность представлена лишь «жалкими поселениями»? Как видно по каталогам скважин, бурение намечалось возле тех объектов, которые уже имели достаточную материальную базу, населенность и, соответственно, запрос на повышенное обеспечение водой. Другими словами, скорее высокий уровень освоения территории создавал запрос на использование артезианских скважин, нежели их бурение на заброшенной территории приводило к ее процветанию.

Итак, сооружения по добыче и сбору воды ориентировались на разные источники: на подземные воды в случае с артезианскими колодцами; на грунтовые воды и подземные течения

²⁷ Головкинский Н. Путеводитель по Крыму. С. 18.

²⁸ Географическо-статистический словарь Российской империи: сост. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Т. 4. С. 45.

²⁹ Сборник статистических сведений по Таврической губернии... С. 29.

³⁰ Двойченко П. А. Бурение артезианских колодцев... С. 1.

³¹ Двойченко П. А. Условия водоснабжения... С. 44.

³² Двойченко П. А. Бурение артезианских колодцев... С. 2.

рек — применительно к копаным колодцам и на осадки, если речь шла об аутах. Добавим сюда также использование и регулирование поверхностных вод с помощью канав, прудов и плотин. Использование различных сооружений требовало разных усилий и затрат как в плане их устройства, так и содержания.

На рис. 9 (см. цв. вклейку) площади уездов полуострова отражают потребность в воде населенных пунктов (по данным А. Н. Козловского)³³. Формы водоснабжения городов приведены по данным сборника «Города России»³⁴; отдельно стоящие колодцы указаны по картографическим материалам³⁵.

Хозяйственная эксплуатация поверхностных вод, помимо ее использования в быту, в основном была направлена на полив участков, занятых различными культурами (табл. 2).

Таблица 2

**Хозяйственное освоение речных долин Крыма
в составе Таврической губернии***

Название	Садовые участки	Огороды	Табачные плантации	Поливные луга	Всего
Салгир	649	353	78	88	1095
Бурульча	171	10	6	75	262
Зуя	223	54	0	58.5	335.5
Бештерек	168.5	19.25	0	0	161
Биюк-Карасу	1282	72	10	526	1890
Кучук-Карасу	598	43	30	195	866
Тунаса	169	0	0	0	0
Сарысу	168	0	0	0	0
Восточный Булганак	9	2.5	0	0	0
Индол	379.5	145.5	1020	0	1545
Западный Булганак	70	6	120		196
Альма	1488				1488**
Кача	842	282			1144
Бельбек	875.5	76	62.25	50	1063.25

* Составлено по: Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма. — СПб., 1915.

** Включая табачные культуры.

Рассмотрим основные процессы, происходящие с гидрографическими объектами Крыма в контексте исторического развития региона, **на примере реки Салгир**. Выбор в пользу этого объекта исходит из следующих соображений:

— **значительный охват территории полуострова**. Салгир — самая протяженная из крымских рек. Ее течение затрагивает территории практически всех уездов полуострова, за исключением Ялтинского.

³³ Сборник статистических сведений по Таврической губернии... С. 24.

³⁴ См.: Города России / Центр. стат. ком. МВД. СПб., 1906–1914. 2 т.

³⁵ Топографическая карта полуострова Крым, составленная полковником Бетевым / Военно-топографическое депо, 1842.

Кроме того, именно Салгир служит опорным объектом для разграничения Симферопольского уезда с Евпаторийским и Перекопским, а также Перекопского с Феодосийским. В долине Салгира располагалось свыше 100 населенных пунктов различных типов, включая центр губернии — Симферополь;

— **контактность и взаимодействие** с другими значимыми географическими объектами: через Салгир от Джанкоя проходили обе ветки железных дорог, проложенных на территории Крыма; добавим к этому несколько направлений почтовых дорог. Множественные притоки Салгира — Бююк-Карасу, Кучук-Карасу, Зуя, Бурульча и другие — также способствовали его связи с другими территориями.

Проходимость течения Салгира как контактной области для нескольких уездов оценивается достаточно высоко. От источника до Бююк-Карасу река имеет множество бродов и обычно не представляет затруднений для переправы. Дальнейшее течение создает трудности для переправы из-за иловатости дна и зарослей. Мосты на Салгире расположены в следующих населенных пунктах: Симферополь, Джага-Шибан, Салгир, Кият, Макут, Шепкляр, Мангут.

Салгир демонстрирует сезонную динамику, характерную для многих других водотоков горной части Крыма. В период снеготаяния на горных участках река наполняется водами, которые иссякают к летнему периоду. Период половодья в верхнем течении сопровождается разрушительными наводнениями, в то время как в меженный период река пересыхает на отдельных участках. Помимо доступа к воде сезонные изменения отражаются на рельефе и литологическом составе долины реки, что было замечено еще в XVIII в.: «Почва справа и слева на протяжении нескольких верст понижается по направлению к Салгиру; она глинистая и песчаная. На значительном расстоянии от этой реки находят мелкую гальку такой же породы, как и та, что встречается в самом русле реки. Это, по-видимому, говорит за то, что при таянии снегов с гор стекают большие потоки, вливающиеся в Салгир или текущие по отдельным оврагам и разливающиеся по окружающим Салгир равнинам, где они и оставляют гальку или известковые камни, о которых мы упоминали. Мне не раз утверждали, что подле Чатырдага от Салгира берет начало овраг, продолжающийся до Черного моря. Каждую весну при таянии снегов воды наполняют его, и он образует довольно длинный и узкий залив, через который и построили упомянутый выше каменный мост»³⁶.

Аккумулятивная функция Салгира и его притоков приводила ко многим негативным последствиям: русло реки покрывалось галечником, что ухудшало возделывание почвы; рельеф в среднем и нижнем течении выравнивался, из-за чего река теряла скорость водотока и не была способна переносить силой своей воды обломочный материал в воды Сиваша, из-за чего он еще больше оседал по ее течению. Кроме того, речные наносы приводили к заносам источников, которые подпитывали реку на отдельных участках.

Головкинский указывал, что, помимо сезонной изменчивости, наблюдалась общая тенденция уменьшения речных вод. На сравнение гидрометрических показателей здесь опереться не представляется возможным, однако есть и другие признаки: при впадении в Восточный Сиваш Салгир и Карасу в XVIII в. были настолько многоводны, что в их устье могла заходить морская рыба, включая форель³⁷. Спустя столетие даже во время весеннего паводка воды Салгира не всегда могли доходить до устья.

Добавим к этому и другие признаки. На карте С. А. Мухина 1817 г.³⁸ устье Салгира отчетливо распадается на несколько рукавов и формирует дельту; то же самое наблюдается на ряде других карт более раннего периода. Кроме того, параллельно Салгиру, севернее, отмечается водоток, истекающий возле Манкута. По берегу водотока располагались несколько деревень, некоторые из которых были довольно крупными по количеству дворов: Мангут, Мангыт, Тархан, Джага-Алике, Кара-Тобель. Водоток также впадал в Восточный Сиваш. На трехверстной карте Ф.Ф. Шуберта середины XIX в. от водотока остается небольшой овраг, а область впадения в Сиваш оказалась изолированной от воды и превратилась в заливной луг. Сам водоток, вероятно, был частью реки Салгир, аккумулятивная деятельность которого

³⁶ Ромм, Шарль-Жильбер. Путешествие в Крым в 1786 году / Э. Б. Петрова, Т. А. Прохорова, 2011. С. 37.

³⁷ Головкинский Н. Путеводитель по Крыму... С. 17–18.

³⁸ Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная ген.-майором С. А. Мухиным. 1817 г.

занесла проход к Мангуту, и указанный проток стал изолированным, хотя и мог получать воду от Салгира в период половодья.

Итак, наносы Салгира привели к выравниванию рельефа его долины. В результате его нижнее течение теряло напор и фактически само преграждало себе путь к Сивашу, принося новые слои отложений. Эти процессы сказывались на возможностях освоения территории в нижнем течении реки.

В этой связи рассмотрим всю протяженность течения Салгира в виде отдельных участков с перепадом высот в 50 м. Конечно, это деление носит условный и отчасти искусственный характер, однако позволяет проследить различия в нагрузке на отдельные части речной долины в части ее освоения (табл. 3; рис. 1).

Таблица 3

**Участки течения долины реки Салгир, разделенные
по перепаду высот в 50 метров***

Номер участка	Уровень высоты, м	Протяженность, м	Число населенных пунктов	Относительная длина участка на один населенный пункт
1	0	94 644	38	2490,63
2	50	37 869	13	2913
3	100	18 477	12	1539,75
4	150	10 890	6	1815
5	200	10 390	15	692,667
6	250	7519	6	1253,17
7	300	8104	8	1013
8	350	1170	0	0
9	400	1935	1	1935
10	450	894	0	0

* Протяженность дана по картометрическим вычислениям в цифровой версии ГИС-проекта по Крыму в составе Таврической губернии; число населенных пунктов указано по картографическим источникам (карте Кеппена, трехверстовой карте Шуберта и другим).

Фактически основной характеристикой каждого участка является не уровень высоты как абсолютный показатель, а угловая величина уклона, которая, в свою очередь, является показателем водного режима реки. Участки с близкими значениями уклона можно рассматривать как своеобразные фации, то есть участки с географическими условиями, детерминирующими возможности землепользования.

Представления об истоках Салгира менялись: Рухлов в качестве источника называет в первую очередь источник Аян на северном склоне Чатыр-Дага³⁹. В. М. Апполосов к источникам Салгира, помимо Аяна, относит также Ангору и Кизил-Коба⁴⁰. Ангара всегда обращала на себя особое внимание, так как никогда не пересыхала и давала значительный приток воды; она соединяется с рекой Кизил-Коба (которая как раз часто пересыхает) на высоте 862 м. Аянский источник, расположенный на высоте 435 м, считается одним из самых изученных естественных водопоявлений Крыма, так как его ресурсы планировалось использовать для снабжения водой Севастополя⁴¹.

Приведем описание отдельных участков долины Салгира по материалам Н. В. Рухлова. Соединение вод из Аяна с Ангорой происходит возле деревни Шумухая. Питание Салгира усиливается значительным числом родников, расположенных в его долине от деревни Мамут-Султан и дальше.

³⁹ Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма. С. 61.

⁴⁰ Апполосов М. В. Воды Крыма. Симферополь, 1927. С. 100.

⁴¹ Там же. С. 101.

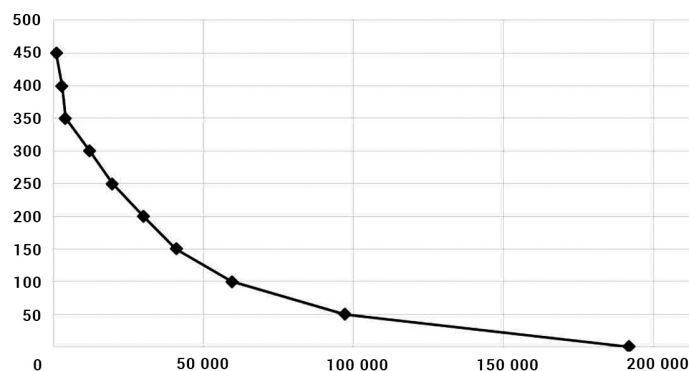

Рис. 1. График, показывающий продольный профиль течения Салгира: вертикальная ось обозначает уровень высот, горизонтальная — протяженность реки в метрах. Составлено по данным табл. 3.

До Симферополя видимое течение сохраняется, так как опирается на водоупорные породы. Запасы воды на этом участке увеличиваются благодаря подземным источникам. Ниже Симферополя Салгир пополняется водами Малого Салгира. Ниже Сарыл-Кията воды Салгира получают дополнительное питание от водоносного горизонта; около Кара-Кията наблюдается уменьшение водного запаса.

При вступлении в степь уклон русла резко уменьшается; оно становится блуждающим, оставляя пересохшие ложбины. Вода скрывается в галечных наносах, однако остается доступной при использовании неглубоких колодцев. Будем иметь в виду, что галечные наносы также являются результатом деятельности вод Салгир, который фактически заносил собственное русло.

К притокам Салгира относятся Бештерек, Чуюнчи, Зуя и Бурульча. К концу XIX в. Чуюнчи практически не доходила до Салгира. Согласно карте Мухина, ее устье находилось немного выше деревни Каясты-Кангыл.

В плане исторической динамики освоения территории определенный интерес представляет местность, прилегающая к оврагу, расположенному ниже устья Бурульчи, практически параллельно ее течению. Вдоль оврага располагались следующие населенные пункты: Джангара, Табулды, Бураган, Куру-Джилга-Шейх-Эли, Бурче, Баяут. Обводненность оврага отсутствовала уже к началу XIX в. Значительная часть перечисленных поселений пришла в запустение или сократила количество дворов, как Бураган (с 40 дворов в 1817 г. до 11 в 1892-м). Этот процесс связывается с уходом татар как в 1830-е гг., так и после Крымской войны. Однако здесь уместно поставить вопрос о том, что послужило первичной причиной упадка в освоении территории: изменение природных условий или упадок вследствие ухода населения.

На участке от Тобея до впадения Биюк-Карасу большая часть населенных пунктов расположена на правом берегу, где облегчался доступ к воде.

От деревни Карача-Кангил русло в летний сезон пересыхает, и вода держится только в отдельных котловинах. При этом подземное течение сохраняется, что прослеживается по копаным колодцам: в имении Везлера Киясты вода обнаруживается на глубине 5 сажений. В селе Новый Отарчик вода появляется на глубине 12 сажений; в Бек-Булатчи глубина составляет 7 сажений, в Новопокровском — 3 сажени, в Митрофановке — 2,5 сажени, в имении Кривоносова — 1,5 сажени, в имении Щастливцевой — 1 сажень. При слиянии Салгира с Биюк-Карасу русло первого еще слабо выражено и расширяется в одной версте вверх по течению; низкое залегание грунтовых вод приводит к зарастанию русла и берегов. В 5 верстах от слияния, в имении Щастливцевой с фруктовым садом, пробурена скважина, устье которой на 1 сажень выше дна Салгира. Сама вода находится на уровне 7 футов. Между имением Кривоносова и деревней Новый Чамбай начинают встречаться мелкие галечники; вода сохраняется еще на 1,5 версты выше деревни Колуба, далее русло становится сухим. Наружное течение реки на этом участке наблюдается только в половодье. Для водоснабжения Новопокровского, Байяута и других населенных пунктов используются колодцы глубиной от 3 до 8 сажений: 20 колодцев в Новом Байяуте, 45 — в Новопокровском. В районе предполагаемого слияния Салгира с Бурульчой, около имения Бек-Булатчи, течение Салгира выражено слабо. На низком берегу в этой местности были построены два водохранилища, которые одновременно предотвращали разрушения, вызываемые наводнениями, и служили резервами воды.

От Бек-Булатчик до села Новый Отарчик русло образуется холмистыми берегами, и вода здесь задерживается лишь в отдельных углублениях, в остальном русло остается сухим. В районе Нового Отарчика старое русло было использовано для устройства пруда с помощью водопроводной плотины. Также в имении имеются копаный и буровой колодцы.

В деревнях Бешуй-Уле глубина копаного колодца составляет 30 сажень, в Бакшае — 25 сажень. В деревне Кастель в копаном колодце глубина составляет 35 сажень; в деревне Джага-Маньш глубина копанных колодцев составляет 7–8 сажень. В экономии Чолгары насчитывается 6 колодцев глубиной 3 сажени и 2 артезианские скважины: одна глубиной 36 сажень, другая — 145 сажень.

В имении Киясты имеется колодец глубиной 27,5 сажени, вода в котором обнаруживается на глубине 5 сажень от поверхности.

Видимое течение реки появляется незадолго до немецкой колонии Карача-Кангил. В самой колонии имеется 16 колодцев глубиной от 3,5 до 8 сажень, однако в период засухи воды из них не хватает, и поэтому она доставляется из селения Спат, которое расположено выше по течению и насчитывает 120 колодцев глубиной около 3 сажень. Вблизи железнодорожной станции, в 150 сажень от железнодорожного моста, построена водосливная каменная плотина, которая повышала уровень воды на 0,96 сажень. В имении Кет-Агач-Дегермен постоянного течения не наблюдается, однако вода обнаруживается на глубине 2 аршин. Вода снова появляется в русле реки возле Ново-Софиевки, где выклинивается водоносный горизонт. В деревне Русский Сарабуз, в колодцах возле реки, вода стоит на уровне 2 сажень. В болгарском Сарабузе, расположенном на противоположном — правом — берегу реки, имеются обширные сады и виноградники.

Плодовый сад в селце Алексеевка (урочище Кара-Кият) поливается речной водой с помощью татарского колеса; в канаву для полива, помимо речной воды, собираются также воды родников. Имения, расположенные ниже по течению, поливаются с помощью оросительных канав.

Освоение Салгира может быть рассмотрено в динамике по опорным пунктам на отдельных участках по количеству дворов (табл. 4). В приведенной таблице не учтены однодворные поселения или те, по которым не представляется возможным проследить изменения⁴².

Таблица 4

Динамика освоения долины реки Салгир по количеству дворов в опорных населенных пунктах*

Номер уч-ка	Населенный пункт	1805	1817	1836	1842	1864	1887	1892	1902	1915
1	Аян	45	30	43		13	22	29	30	37
2	Шумухай	20	16	22		6	20	12	26	20
	Мамут-Султан	48	62	54	54	13	35	41	54	22
	Джолман	20	12	8		3	5	4		6
	Кильбурун	15	9	7		15	23	12	24	26
3	Эски Орда	30	33	29	29	2	29	4		11
	Джиен-Софу	9	6	1	1	2				1
4	Битак	18	15	14	<5	6	33	8	16	29
	Сарчи Кият	46		30	30	3	16	4	4	8
	Сарайлы Кият	48	30	62	62	20	40	26	24	20
	Ахтаци Кият		8	6		4	16			8
5	Кара Кият	21	28	36	36	2	19	2	1	10
	Сарабуз	67	90	119	119	39	85	76	21	34
6	Спат	20	20	18	<5	18	37		53	54
	Каясты-Кангыл	11	16		20					1
	Казаклар	16	17	9	<5	2	7	3	2	1

⁴² Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная ген.-майором С. А. Мухиным. 1817; Исторический очерк крымско-татарского землевладения: Сб. документов по истории крымско-татарского землевладения / сост. Ф. Лашков. Симферополь, 1897.

Продолжение Таблицы 4

7	Тюбей	10	10	5	<5					
	Джага Мемиш	19	18	23	23	31	12	22	84	58
	Суллу-Джайчи (впадение Зуи)	18	24	12	<5					
	Шибан	27	29	28	29	10	4	5	4	1
	Топчак	3	5	3	<5					
	Биюк-Онлар (Попов)	19	17	28	28			16		
	Бакшай кары	18	25	25	25	2	9	16	15	6
	Отарчик	11	12	8	<5	8	14	8	2	3
	Салгир Кият	25	10	<5	8	20	29	43	32	
8	Султан Базар	17	32	36	36	10	13	11	17	1
	Бек-Булатчи	8	9	2	<5	2	3	6	12	20
	Биюк-Джага- Баши	15	12	13	<5				6	1
	Тюбей	14	18	13	<5					
	Бузавчи			8	<5	28	23	34	23	55
	Коджангул	9	13	14	<5					
	Адаргын	18	15	13	<5					
	Табун-Адаргын	14	15		23					
	Чимбай (Чембай)	15	20	27	27					
	Мын		0	11	<5					
	Кадык-Джабу	29	35	23				6		
	Владиславская			7	<5	28	47	39	62	84
	Сеткин	20	32	46	46	3	15		7	6
	Соллар (Митрофановка)					50	57	40	37	103
	Челеблер	5	15	15	<5	10	40		23	14
	Кучук-Соллар	4	21	46	46					
	Шаик (у слияния с Биюк-Карасу)	14	9	15	<5					
	Бейгазы	45	35	43	43	10	33		12	19
	Тюбет	15	12	19	<5	1				
	Шеихлар	30	12	29	20	5				4
	Мангыт	19	40	21	21				1	7
	Тархан	9	10	12	<5					
	Джага-Алике (Швестерталь)	13	17	26	26	23				
	Кара-Тобель (Брудерфельд)	31	35	44	44	28			5	1

* Данные по 1805 г. приведены по материалам Лашкова Ф. Ф. «Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения»; по 1817 г. количество дворов указано согласно военно-топографической карте С. А. Мухина; данные по 1836 и 1842 гг. — по карте П. Кеппена; 1864 г. — «Списки населенных мест Российской империи. Таврическая губерния»; 1887 г. — «Сборник статистических сведений по Таврической губернии»; 1892 г. — «Памятная книжка Таврической губернии на 1892 год»; 1902 г. — «Памятная книжка Таврической губернии на 1902 год»; 1915 г. — «Статистический справочник Таврической губернии. Ч. II-я. Статистический очерк».

Данные Н. В. Рухлова по среднему течению Салгира могут быть сгруппированы в следующем виде для компактной характеристики его хозяйственной нагрузки и освоения (табл. 5).

Таблица 5

Хозяйственное освоение реки Салгир, по данным Н. В. Рухлова*

Населенный пункт	Глубина грунтовых вод	Источники воды	Хозяйственная нагрузка	Количество дворов
Сарабуз	2–3 сажени			
Новософиевка	вода содержится в русле		10,5 десятины огородов	используется насос для поливки
Спат	3 сажени	120 колодцев		53 двора
Карача-Канлы	от 3,5 до 8 сажений	16 колодцев		53 двора
Киясты	5 сажений	3 колодца глубиной 8 сажений и 1 глубокий — до 27		используется оросительная канава
Чолгары	3 сажени	6 копаных колодцев	7 десятин сада	5 дворов
Джага Мамыш	7–8 сажений			84 двора
Костел	35 сажений			
Бакшай	25 сажений			15 дворов
Бешуй-Уле	30 сажений			5 дворов
Отарчик	12 сажений	1 копаный колодец и 1 буровая скважина	30 десятин фруктового сада, 70 десятин леса	
Бек-Булатчи	7 сажений	2 бассейна для сбора воды на пониженных берегах реки	фруктовые сады, 22 десятины	
Митрофановка	2,5 сажени		фруктовые сады, 11 десятин	37 дворов
Имение Счастливецовой		буровая скважина, вода на глубине 7 футов	фруктовый сад, 20 десятин	
Новопокровка	от 3 до 8 сажений	45 колодцев		23 двора
Байяут	от 3 до 8 сажений	20 колодцев		15 дворов

*Составлено по: Рухлов Н. В. Обзор речных долин горной части Крыма. — С. 61–91.

Выводы

Представленная характеристика водных ресурсов Таврической губернии и практик их эксплуатации не исчерпывает поднятую тему и является, в первую очередь, попыткой поставить вопросы о значении источников пресной воды в развития региона. Можно отметить, что неоднородность освоения территории действительно связана с условиями водообеспечения, однако характер этой связи нуждается в дополнительном объяснении, так как мы не можем расценивать поверхностные и подземные воды как единственный фактор, детерминирующий потенциал роста населенного пункта. Дальнейшая разработка этой темы требует верификации ряда положений, среди которых можно сформулировать следующие:

— территории, более обеспеченные пресной водой относительно других участков, расцениваются как более привлекательные для освоения;

— населенные пункты, имеющие достаточную материальную базу и трудовые ресурсы, могут преодолеть недостаток пресной воды за счет эксплуатации подземных вод, регулирования речного стока на своей территории, создания искусственных сооружений по задерживанию и сбору воды;

— демографические провалы и перерывы в освоении территории могут оказываться катастрофическими с точки зрения сохранения и использования водных ресурсов;

— отсутствие системности в освоении водных ресурсов общего гидрографического объекта приводит к тому, что населенные пункты в области его основных источников питания (верхнее течение, участки впадения притоков) получают преимущество перед поселениями, прилегающими к нижнему течению.

Отметим, что уточнение оценки водных ресурсов требует более детального освещения климатических условий, орографии региона, а также отдельных элементов геологического строения и ландшафтов.

REFERENCES

- Apollosov M. V. *Vody Kryma* [Waters of the Crimea]. Simferopol: Krymgosizdat Publ., 1927. (In Russian).
Kayukova E. P., Baraboshkina T. A., Kosinova I. I. [Resource potential of the fresh waters of the Crimea]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Geology], 2014, no. 4, pp. 104–109. (In Russian).

УДК 94(477.75)"17":913(477.45)

Крутов Дмитрий Андреевич

картограф-корректор Большой российской энциклопедии (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0002-5513-663X

E-mail: krutovdmitry999@gmail.com

**Оценка прироста географической изученности
Крымского полуострова в конце XVIII в.**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена характеристике первых исследований Крымского полуострова российскими учеными в конце XVIII в., сбору и систематизации научных сведений. Основное внимание уделено нарративным и картографическим источникам, которые отразили научный уровень и приоритеты изучения Крыма после его присоединения к Российской империи в период правления Екатерины II. Содержание историографического экскурса в рассматриваемую проблематику задавалось региональной спецификой изучаемого вопроса, дисциплинарными особенностями исторических и географических изысканий, общим развитием отечественной картографии в XVIII в. Дан хронологически последовательный обзор первых экспедиций на территорию Тавриды, организованных Академией наук для сбора общих географических сведений о полуострове. Для обзора экспедиций активно использовалось описание архивных материалов XVIII в., подготовленное Архивом Академии наук. Особое внимание уделено методике определения показателя изученности территории с учетом общегеографических особенностей Крымского полуострова и развития картографии в конце XVIII в. В ходе исследования был составлен единый и систематизированный перечень картографических источников по Крымскому полуострову, отражающий прогресс в изученности его территории в рассматриваемый период. Подготовлена ретроспективная карта изученности Крыма, которая наглядно демонстрирует приоритеты изучения полуострова в конце XVIII в. В целом настоящая статья формирует основу для последующих научных изысканий по вопросу исследования и картографирования прироста изученности регионов Российской империи на рубеже XVIII и XIX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Крымский полуостров, экспедиции, прирост изученности, Академия Наук, ретроспективная карта изученности.

UDC 94(477.75)"17":913(477.45)

Dmitry A. Krutov

cartographer-corrector of the Great Russian Encyclopedia (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0002-5513-663X

E-mail: krutovdmitry999@gmail.com

**Assessment of the increase in the geographical knowledge
of the crimean peninsula at the end of the XVIIITH century**

ABSTRACT. The article is devoted to the characteristic features of the initial studies of the Crimean Peninsula by Russian scientists at the end of the 18th century, gathering and systematization of scientific information. The main attention is focused on the narrative and cartographic primary sources, which reflected the scientific level and priorities of exploring the Crimea after its annexation to the Russian Empire during the reign of Catherine the Great. The content of the historiographic survey is determined by the regional specificity of the issue under study, the disciplinary peculiarities of historical and geographical researches, and the general development of Russian cartography in the 18th century. A chronologically sequential survey of the first expeditions to the territory of Taurida, organized by the Academy of Sciences to collect general geographical information about the peninsula, is given. The description of archival materials of the 18th century, prepared by the Archives of the Academy of Sciences, is actively used to review the expeditions. Special attention is paid to the methodic rules of determining the exploration index for the territory, taking into account the general geographical features of the Crimean Peninsula and the development of cartography at the end of the 18th century. As part of the research, unified and systematized list of cartographic primary sources for the Crimean Peninsula was compiled. It reflects the level of growth in the study of the territory in the period under review. A retrospective map of the study of the Crimea is prepared. It clearly demonstrates the priorities for studying the peninsula at the end of the 18th century. In general, the article lays the foundation for subsequent research in the field of study and mapping the increase in knowledge of the Russian Empire's regions at the turn of the 18th and 19th centuries.

KEYWORDS: Crimean Peninsula, expeditions, increase in knowledge, Academy of Sciences, retrospective map of knowledge.

ВВЕДЕНИЕ

До возникновения институционально оформленной науки присоединение новых территорий к Российскому государству не всегда в должной мере сопровождалось их достаточной изученностью. На первых порах сведения о новых территориях доставляли путешественники, купцы, предприниматели и предводители военных отрядов, которые расширяли границы страны на юг и восток. В первой половине XVIII в., с утверждением Императорской Академии наук, исследование присоединяемых территорий стало носить систематический характер, став частью государственной политики. На эти цели выделялись финансовые средства, снаряжались экспедиции, создавались подробные отчеты, которые впоследствии становились основой систематизированных исторических трудов и картографических материалов, посвященных той или иной обширной территории Российской империи. С помощью комплексного анализа источников, созданных по итогам экспедиций и путешествий, представляется возможным дать оценку степени интенсивности и приоритетным направлениям изучения территории, которые определяли ее дальнейшее развитие в составе государства.

С точки зрения исследования прогресса в изученности регионов страны особый интерес представляет Крымский полуостров, который официально вошел в состав Российской империи, согласно Манифесту от 8 апреля 1783 г. Как объект изучения Крым был привлекателен во многих аспектах: это, прежде всего, географическое положение полуострова, флора и фауна, природные ресурсы, памятники многовековой материальной культуры, военно-стратегическое положение.

Наиболее важным комплексным источником для исследования изученности территории является картографический материал, который через целостное пространственно-географическое представление синтезирует в себе различные тематические ракурсы исследования той или иной территории. Собранные во время экспедиций и путешествий сведения впоследствии, как правило, наносились на карты. Отсюда вполне предсказуемо, что прогресс в изучении территории находил свое выражение, прежде всего, в создании и постоянном восполнении на карте, репрезентирующей ее общую географическую картину. Однако, если учесть большое тематическое разнообразие проводившихся исследований, в историко-пространственном моделировании их динамики вряд ли возможно ограничиться только профильными географическими картами. Для создания более сложной карты, которая бы ретроспективно отражала процесс прироста знаний о регионе, необходимо свести воедино огромный пласт разнообразных картографических материалов, которые отличаются не только происхождением и временем своего создания, но и целевым назначением и методикой исполнения. Такая синтетическая карта является аналогом репрезентативного библиографического перечня, который составляет основу историографического охвата той или иной проблематики. На этой карте становится возможным проследить динамику развития региона и знаний о нем, увидеть приоритеты изучения его территории за определенный промежуток времени.

Как первый шаг к этому, настоящая статья фокусируется на последовательном обзоре научных экспедиций конца XVIII в., которые, вкупе с путешествиями известных лиц, достаточно зримо отразили в картографическом материале приоритеты и динамику изучения Крымского полуострова после его присоединения к России.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Изучение истории отдельных регионов во многом обеспечивалось усилиями местных научных сообществ и групп исследователей. В Таврической губернии в конце XIX в. была создана организация краеведов Крыма — Таврическая Ученая Архивная Комиссия (ТУАК). С 1887 по 1920 г. ТУАК выпустила 57 томов своих «Известий», в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, сообщений об археологических находках. Во главе историко-краеведческого движения в Крыму стоял известный историк и архивист А. И. Маркевич, который занимался систематизацией исторических документов и сохранением многочисленных археологических памятников Крыма¹. В «Известиях» было опубликовано множество его работ по истории Крыма. Среди них можно выделить XX том «Известий», который был посвящен систематическому обзору всех сочинений, каса-

¹ Непомнящий А. А. Арсений Маркевич — организатор краеведческого движения в Крыму // Ученые записки Симферопольского государственного университета. География. История. Педагогика. Правоведение. Филология. Философия. Экономика. 1998. № 8 (47). С. 24.

ющихся Крыма и Таврической губернии. Столь фундаментальное пособие стало основой для составления картографического каталога, характеризующего прогресс в изучении Крыма в указанный период².

В свою очередь, научный интерес к прошлому Тавриды А. И. Маркевичу внушил преподаватель истории и географии Симферопольской мужской гимназии Ф. Ф. Лашков, который активно занимался краеведческими изысканиями в архивах Симферополя³. Из всех подготовленных им публикаций можно выделить «Камеральное описание Крыма, 1784 г.»⁴, созданное бароном О. А. Игельстромом по указанию Новороссийского генерал-губернатора Г. А. Потемкина. «Камеральное описание...» проливает свет на состояние вновь присоединенной территории и служит «показателем внутренней жизни Крыма под татарским владычеством»⁵.

В контексте изученности топографии Крыма особенностью историографии является известная дисциплинарная специфика исторических и географических исследований. Если историков больше интересует непосредственно обзор экспедиций и путешествий с привлечением выдержек из нарративных источников⁶, то географы обращают внимание, прежде всего, на предметный профиль той или иной экспедиции⁷. Исследование динамики прироста научных знаний о регионе, с выходом на создание отражающей этот процесс исторической карты, позволяет преодолеть это различие между дисциплинами и синтезировать доставляемые ими материалы. Попытки создать подобные «карты изученности» уже предпринимались в отечественной науке в начале XX в. Речь идет, в частности, о схеме изученности территории русского военного топографа Э. А. Каверского, подготовленной к докладу Первого Всероссийского съезда деятелей по практической геологии и разведочному делу, который проходил в 1903 г. в Санкт-Петербурге. Картосхема Каверского отразила области сплошных рекогносцировок и маршрутных съемок в Европейской части Российской империи по состоянию на 1900 г. Подобная схема позволила наглядно увидеть, что приграничные территории являются наиболее изученными в силу своего стратегического положения⁸.

В этом аспекте нельзя обойти стороной и историографию, которая освещала развитие отечественной картографии в конце XVIII — начале XIX в. Одним из фундаментальных трудов по истории картографии является монография Г. Зондервана «Географическая карта»⁹, где подробно рассматриваются методика составления карт, существующие проекции и типы, а также способы работы с картографическими источниками. Особое внимание заслуживает труд «Работы по картографии России» П. Воляровича, где автор пытается выделить закономерности развития отечественной картографии, отмечая изменения в качестве съемочных и тригонометрических работ на протяжении XVIII и XIX вв.¹⁰

² Маркевич А. И. *Taurica*. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Симферополь, 1894.

³ Шарапа В. Ф., Непомнящий А. А., Лашков Ф. Ф. — краевед Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. № 3. С. 175–181.

⁴ «Камеральное описание, 1784 г.» было опубликовано в нескольких томах «Известий»: О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1897. Т. 2. С. 20–30; Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1897. Т. 3. С. 36–64; Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1897. Т. 4. С. 33–45; Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1888. Т. 6. С. 36–63; Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1888. Т. 7. С. 25–45; Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1889. Т. 8. С. 12–40.

⁵ О камеральном описании Крыма 1784 г... С. 21–22.

⁶ Сухомлинов М. И. Академик Зуев и его путешествие по России // Древняя и Новая Россия. 1879. № 2. С. 96–111; Солнцев А. Паллас в Крыму // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 1. С. 279–289; Маркевич А. И. Академик П. С. Паллас. Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды // ИТУАК № 47. 1912. С. 167–242; Тункина И. В. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // Вестник древней истории. 2013. № 1 (284). С. 197–214; Курникова О. М. Исследования Крымского полуострова российскими учеными (конец XVIII в.) // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4 (14). С. 201–209; и др.

⁷ Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. URL.: <http://www.krimoved-library.ru/books/otkrivateli-zemli-krimskoy.html> (дата обращения 13.06.2022); Сытин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. М., 1997; Вульф Е. В. Христиан Стевен как ботаник // Зап. Крымского о-ва естествоисп. и любителей природы. 1913. № 3. С. 53–60; и др.

⁸ Гришин Е. С., Уманский Л. А. Методические основы регионального исторического картографирования на материале единой цифровой модели европейской части Российской империи // Историко-географический журнал. 2022. Т. 1. № 1. С. 6–29.

⁹ Зондерван Г. Географическая карта. Ее история, составление и воспроизведение / под ред. Ю. Шокальского. СПб., 1909.

¹⁰ Волярович П. Работы по картографии России // Географическая карта. Ее история, составление и воспроизведение. СПб., 1909. С. 206–242.

В советские годы историография, посвященная истории отечественной картографии, продолжала активно развиваться. Можно упомянуть труд Ю. М. Быковского «Картография: Исторический очерк», в котором отмечена зависимость российской картографии от «колесницы Марса» в лице Военно-топографического Депо, определявшего проводимые астрономические работы, тригонометрические съемки и составление топографических карт на протяжении первой половины XIX в.¹¹ Среди современных работ по теме следует упомянуть монографию военного геодезиста В. В. Глушкова «История военной картографии в России (XVIII — начало XX в.)», в которой исследуется история совершенствования научно-методического обеспечения участников военно-географических экспедиций¹².

Краткий обзор историографии позволяет сделать вывод о том, что история картографии и ее методический аспект в рассматриваемый период достаточно хорошо изучены и не требуют дополнительных комментариев. Тема картирования изученности территории представлена сегодня в укрупненном масштабе всей Европейской части России, в то время как более дробная региональная специфика составления подобных ретроспективных карт в научной литературе пока не затрагивается. Богатый текстовый и картографический материал, раскрывающий историю изучения Крымского полуострова, дает хорошую возможность, путем его систематизации, выработать методику составления ретроспективных карт географической изученности того или иного региона.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Для составления карты, характеризующей прогресс в изученности территории Крыма в конце XVIII в., использованы нарративные и картографические источники. Текстовый источниковый материал представлен в основном опубликованными отчетами и трудами исследователей, которыми подводились итоги экспедиций, организованных Императорской Академией наук. В исследовании будет использован тематический библиографический каталог, который наравне с ретроспективной картой будет отражать прогресс в изученности Крымского полуострова в конце XVIII в. Значительная часть картографических материалов была выявлена по каталогу А. И. Маркевича «Taurica. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще», который имел раздел «Карты, атласы, виды, планы и чертежи». В рамки исследования также включены мелкомасштабные карты Российской империи, на которых Крымский полуостров изображен как часть обширной территории государства. Включение подобных карт продиктовано спецификой развития отечественной картографии в конце XVIII в., когда особое внимание уделялось составлению так называемых «генеральных карт».

МЕТОДИКА

Методика определения изученности территории в рамках построения геоинформационных картографических схем в отечественной историографии уже намечена в отдельных региональных работах¹³. Ее основой является разработка специальной формы, которая предполагает составление паспорта изученности территории. В него методически корректно вносится атрибутивная информация, позволяющая в конечном итоге составить ретроспективную карту прироста изученности территории. Эта форма включает в себя следующие параметры:

- индекс
- название карты
- авторы
- макрорегион
- регион
- площадь съемочных работ
- источники для картографирования
- преобладающая методика изучения
- период создания карты

¹¹ Быковский Н. М. Картография. Исторический очерк. М., 2022. С. 183.

¹² Глушков В. В. История военной картографии в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007.

¹³ Гришин Е. С. Некоторые проблемы картографирования границ азиатской части Российской империи // Цифровое востоковедение. 2021. Т. 1. № 1. С. 56–64.

- дата публикации
- категория масштаба
- показатель масштаба
- организация, ответственная за исполнение карты
- тематика
- структура.

Уровень развития картографии в конце XVIII в. не позволяет полностью заимствовать и учесть все параметры разработанной формы для определения прироста изученности территории. В XVIII в. на территории Крымского полуострова еще не проводилось топографических маршрутных съемок и триангуляционных построений, которые в большей степени были актуальны для XIX в. и направлялись Военно-топографическим депо. В этот период преобладали маршрутные экспедиции от Академии наук, которые доставляли сведения Географическому департаменту для составления карт. В связи с этим нами будет использована сокращенная форма, включающая в себя следующие параметры:

- индекс
- название
- автор
- дата публикации
- категория масштаба
- тематика.

ИЗУЧЕНИЕ И КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII в.

Фактически изучение Крымского полуострова российской наукой началось во время русско-турецкой войны (1768–1774 гг.), когда в 1771 г. князь В. М. Долгоруков вместе с запорожцами и друженными России татарами взял Перекоп и вторгся на территорию Крыма. Он продвинулся в глубь полуострова, вплоть до самой Кафы (Феодосии), разорив на своем пути множество татарских селений¹⁴. По результатам похода была составлена «Карта Крымского полуострова с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова»¹⁵. На ней подробно изображена речная и дорожная сеть полуострова; иконографическими условными знаками отображен рельеф; красными пунсонами указано множество татарских поселений; координатная сетка отсутствует. Уже эта рукописная карта намного точнее передает пространственные пропорции и общую географию Крыма, чем карта «Малая Татария с Пограничною Киевскою и Белгородскою Губерниями»¹⁶ из «Атласа Российского» академика Жозефа-Николя Делиля (1745).

После объявления независимости Крыма в ханстве продолжилась ожесточенная борьба за власть, в ходе которой ханы лавировали между Османской и Российской империей, непрерывно сменяя друг друга на престоле. За период независимого существования Крымского ханства — с 1774 по 1783 г. — была подготовлена «Карта, представляющая Крым и Степь Крымскую из новейших известий, сочиненная при Акад. Наук Я. Ф. Шмидтом 1777»¹⁷. Я. Ф. Шмидт в то время являлся адъютантом Географического департамента, который ранее организовал ряд академических экспедиций для разнопланового изучения территории Российской империи¹⁸. Карта отражает неопределенный статус Крымского ханства после заключения Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Турцией в 1774 г. На карте без указания государственной принадлежности севернее Крыма обозначена «Степь Крымская» с указанием границы по Днепру; обозначено более 300 населенных пунктов и показана разветвленная речная сеть. В целом карта отражает конфигурацию и состав вышерассмотренной карты В. М. Долгорукова.

¹⁴ Маркевич А. Императрица Екатерина II и Крым (К столетию со дня кончины Екатерины Великой) // ИТУАК. № 27. 1899. С. 29.

¹⁵ Карта Крымского п-ова с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова. 1771 г. Акварель. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Таврическая губ. № 4.

¹⁶ Малая Татария с Пограничною Киевскою и Белгородскою Губерниями // Атлас Российский. СПб.: Императорская Академия наук, 1745. Карта VII.

¹⁷ Карта, представляющая Крым и Степь Крымскую из новейших известий, сочиненная при Академии Наук Санкт-Петербурга Я. Ф. Шмидтом в 1777 году. СПб., 1777.

¹⁸ Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии Наук XVIII в. / под. ред. А. И. Андреева; отв. ред. Г. А. Князев. М., 1946. С. 89.

Результаты походов князя В. М. Долгорукова и собственные исследования территории Крымского полуострова Академией наук значительно повысили интерес правительственных кругов к ресурсам Тавриды. В 1779 г. был основан Херсонский порт, который активизировал внешнюю торговлю России на Черном море. Открытие Херсонского порта свидетельствовало о приоритетности черноморского направления во внешней политике Российской империи, что определило и вектор последовавших за этим экспедиций Академии наук. В 1781 г. в Крым, с заданием изучить полезные ископаемые полуострова, была отправлена экспедиция адъюнкта минералогии Ф. П. Моисеенкова¹⁹. Однако его скоростная смерть заставила Академию изменить цели и профиль экспедиции. В Крым была направлена экспедиция адъюнкта В. Ф. Зуева, который ранее участвовал в экспедициях академика П. С. Палласа по многим регионам России²⁰. В составе экспедиционной группы было всего четыре человека: «...руководитель, студент, рисовальщик и — "для стреляния зверей и птиц" — стрелок»²¹. Перед группой ставилась задача обследовать качество земель, вод, природных возможностей для развития хлебопашества, плодоводства, табаководства и лесоводства на территории Крыма. До Перекопа В. Ф. Зуев добрался лишь в 1782 г.; далее путь экспедиции пролегал через равнинно-степной Крым до Карасубазара, а затем по горной части Южного берега до Феодосии. Завершил же свой маршрут В. Ф. Зуев на Керченском полуострове, откуда возвратился в Петербург. По итогам своей экспедиции он написал работу «Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г.»²² и опубликовал в «Месяцеслове» статью «Выписки из путешественных записок, касающиеся полуострова Крыма. 1782 г.»²³, где подробно охарактеризовал общую географию полуострова, дал описание таких городов, как Бахчисарай, Кафа (Феодосия), Карасубазар, Акмечеть (Симферополь), отметив также Судак, Алушту, Балаклаву, Инкерман и Мангуп. Кроме того, В. Ф. Зуев передал Академии наук 8 географических и топографических карт, 15 видов разных городов и много естественнонаучных материалов, которые описывали флору и фауну Крыма²⁴. Одним из важнейших следствий экспедиции следует считать начало строительства Севастополя в Ахтиарской бухте, удобство которой В. Ф. Зуев отметил на страницах своих «Записок».

После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. управлять краем Екатерина II назначила генерал-губернатора Г. А. Потемкина, который сразу же поручил барону О. А. Игельстрому составить камеральное описание Крыма, а академику К. И. Габлицу — продолжить начатое В. Ф. Зуевым изучение общей географии Тавриды. В трудных условиях бездорожья Габлицу, как ученому широкого профиля, удалось за короткое время не только объездить и исходить почти весь полуостров, но и основательно ознакомиться с его природой во всех ее проявлениях. По итогам своего изучения Крыма К. И. Габлиц написал монографию «Физическое описание Таврической области и ее местоположению, и по всем трем царствам природы»²⁵, где представил подробную информацию по географии, геологии, ботанике и зоологии Крымского полуострова. В частности, им была хорошо изучена крымская гидрография — реки Салгир, Альма, Кача, Зуя, Бештерек, Индол и др. К. И. Габлиц, таким образом, внес огромный вклад в изучение Крыма, осуществив оценку его природных ландшафтов через призму хозяйственных возможностей использования земли.

Присоединение Крыма к России открыло новые перспективы для российских исследований классической древности. Был получен богатый материал для изучения памятников материальной культуры античной и других эпох, которые предшествовали татарскому периоду. Наряду с географическим и топографическим изучением Крымского полуострова, постепенно растет интерес к археологическим исследованиям. Представители академической науки интересовались

¹⁹ Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В. Ф. Гнучева; под общ. ред. В. Л. Комарова; ред. Л. С. Берг, Б. Д. Греков, Г. А. Князев (отв. ред.), Л. Б. Модзалевский. М.; Л., 1940. С. 119.

²⁰ Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Указ. соч.

²¹ Курникова О. М. Указ. соч. С. 204.

²² Зуев В. Ф. Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787.

²³ Зуев В. Ф. Выписки из путешественных записок В. Зуева, касающиеся полуострова Крыма 1782 г. // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. С. 266–303.

²⁴ Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Указ. соч.

²⁵ Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб., 1785.

историческим прошлым Крыма не только в контексте выполнения поставленных задач, но и для реализации собственных исследовательских целей. В частности, К. И. Габлиц не только составил подробный перечень диких и культурных растений, произрастающих на территории Крыма, но и подготовил «Карты полуострова Таврического и около лежащих мест, сочиненные по известиям греческих писателей древних и средних времен, по известиям генуэзских писателей, с обозначением татарских названий»²⁶, что делало изучение Крыма привлекательным и в историко-культурном отношении. Вслед за К. И. Габлицем карту на подобную тематику составил сержант Николай Жигулин; ее полное название — «Генеральная карта Таврической области, представляющая древние именованья мест, городов, рек и протчаго»²⁷. Как правило, любители древностей ограничивались натурными наблюдениями. До самих раскопок дело доходило редко, и в большинстве случаев ими занимались военные, преследуя антикварные цели. С начала XIX в. археология постепенно становится специализированной научной дисциплиной, которая нашла свое институциональное оформление в стенах Московского университета²⁸. Однако системное изучение археологических памятников не развилось в полной мере до появления институциональных центров непосредственно в Крыму, которые возникнут уже в XIX в.²⁹

После проведения комплексных географических экспедиций Академия наук в 1785 г. снарядила экспедицию геодезиста и адъютанта Географического департамента Ф. О. Черного с заданием провести астрономические исследования для уточнения долгот и широт и осуществить метеорологические наблюдения. Маршрут экспедиции пролегал через такие крупные города Крыма, как Перекоп, Евпатория, Севастополь, Феодосия и крепость Ени-Кале, чьи координаты были уточнены и зафиксированы в отчете. По результатам данной астрономической экспедиции в 1790 г. была составлена «Генеральная карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным»³⁰. Это первая подробная карта полуострова с нанесенной координатной сеткой с шагом в 30 минут и разбивкой градусов через каждые 10 минут. На карте отмечено несколько сотен населенных пунктов; рельеф, в отличие от предыдущих карт, дан не иконографическими знаками, а штриховкой, что позволяло точнее отразить морфологию рельефа.

Отчасти столь интенсивное изучение Крыма было связано с активной деятельностью генерал-губернатора Г. А. Потёмкина, который с момента присоединения Тавриды к России стремился продемонстрировать преимущества региона совершившей в 1787 г. путешествие в Новороссию Екатерине II и сопровождавшим ее австрийскому императору Иосифу II, принцу де Линю и графу Сегюру³¹. Подготавливая крымские города к встрече императрицы, он поручил военным топографам Генерального штаба провести работы по обмежеванию и составлению городских планов и чертежей³². В результате был подготовлен ряд крупномасштабных планов, которые хранятся ныне в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)³³. В Крыму императрица провела около двух недель, посетив Перекоп, Бахчисарай, Инкерман, Балаклаву, Симферополь, Карасубазар, Старый Крым, Феодосию и по Арабатской стрелке покинув территорию полуострова. По итогам путешествия военным топографом и картографом А. М. Вильбрехтом было подготовлено «Собрание карт для путешествия ея Императорского Величества в полуденный край России в 1787 г.»³⁴, где в точности был картографирован весь маршрут следования императрицы.

²⁶ Габлиц К. И. Карты полуострова Таврического и около лежащих мест, сочиненные по известиям греческих писателей древних и средних времен, по известиям генуэзских писателей, с обозначением татарских названий. 1787 г. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Таврическая губ. № 3. Л. 1–3.

²⁷ Генеральная карта Таврической области, представляющая древние именованья мест, городов, рек и протчаго. Чертил лейб-гвардии Преображенского полка сержант Николай Жигулин // Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 41.

²⁸ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 321.

²⁹ Например, Одесский и Керченский археологические кружки.

³⁰ Генеральная карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным. Гравировал Иван Кувакин. СПб., 1790.

³¹ Маркевич А. Императрица Екатерина II и Крым (К столетию со дня кончины Екатерины Великой)... С. 35.

³² Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... С. 316.

³³ План г. Бахчисарая. 1786 г. Тушь, акварель. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5515; План г. Бахчисарая с предместьем Чуфут-Кале. Конец XVIII в. Тушь, акварель. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5516; План г. Старый Крым. 1790 г. Тушь, акварель. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5540; План г. Козлова (Евпатории). Конец XVIII в. Тушь, акварель. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5525; План г. Акмечета (до 1784 г.). Тушь, акварель. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5513; План г. Карасу-Базара. 1797. Тушь, акварель. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 5522.

³⁴ Собрание карт для путешествия ея императорского величества в полуденный край России в 1787 г. / Соч. А. Вильбрехт. СПб., 1787; Карта Путешествия Ея Императорского Величества в полуденный край России в 1787 году. СПб., 1786.

Вскоре после знаменитого путешествия Екатерины II вспыхнула очередная русско-турецкая война, и Крымский полуостров на время превратился в объект военной стратегии. Исследовательский ажиотаж вокруг Крыма в связи с этими событиями упал, и до конца 1790-х гг. были подготовлены лишь две экспедиции. Первую — на собственные средства — совершил в 1793–1794 гг. «Колумб» Тавриды, великий российский естествоиспытатель П. С. Паллас. Натуралиста настолько поразили ландшафты и биологическое разнообразие крымской природы, что он решил обосноваться в симферопольской усадьбе Каролиновке, откуда в течение последующих 15 лет совершал частные научные поездки и пешеходные экскурсии по всему полуострову. По результатам проведенной экспедиции П. С. Паллас написал двухтомный труд на немецком языке «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства», который был переведен на русский вышеупомянутым В. Ф. Зуевым³⁵. В ходе своего продолжительного пребывания в Крыму П. С. Паллас опубликовал около десятка научных трудов о природе Тавриды, однако самым примечательным из них является «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области»³⁶, где он дает в высшей степени точную и полную для своего времени географическую характеристику полуострова. По подсчету советских и украинских исследователей В. Г. Ены, Ал. В. Ены и Ан. В. Ены, общая протяженность пеших и конных маршрутов П. С. Палласа по Крымскому полуострову составила более 9 тыс. км; им было исследовано более 900 географических объектов, включая горные вершины, водные источники, населенные пункты и многое другое. Таким образом, выдающийся российский натуралист вывел изученность Крыма на новый уровень, заслужив почетное наименование «Колумба» Тавриды³⁷.

Во время экспедиции П. С. Палласа в Крыму на российской военной службе при управляющем Таврической областью генерал-аншефе М. В. Каховском находился известный ботаник Фридрих Август Маршал фон Биберштейн. В 1797 г. он присоединился к Персидской экспедиции командующего Каспийским корпусом графа В. А. Зубова. По итогам своих работ в Крыму и на Кавказе Маршал фон Биберштейн был назначен инспектором шелководства на юге России. Прожив несколько лет в Крыму, он сделал множество ботанических находок, продолжив дело П. С. Палласа. По результатам его исследовательской деятельности был опубликован классический труд по ботанике под названием «*Flora taurico-caucasica exhibens stirpes phaenogamas, in Chersoneso Taurica et regionibus caucasicis sponte crescentes*»³⁸, где он довел количество изученных видов флоры Крыма до 1280³⁹.

Среди второстепенных нарративных и картографических источников, характеризующих расширение круга знаний о географии, природных и исторических достопримечательностях Крыма, следует также упомянуть путевые отчеты и наблюдения немногочисленных иностранных путешественников, не состоявших на русской службе и посетивших полуостров в первые годы после его присоединения к России⁴⁰.

Исторические, содержательные и инструментальные особенности отражения изученности Крымского полуострова в картографическом материале могут быть представлены в хронологическом порядке (табл. 1).

³⁵ Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

³⁶ Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке Петром Палласом, статским советником, Академии наук членом, ордена Св. Владимира кавалером, и переведенное Иваном Рижским. СПб., 1795.

³⁷ Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Указ. соч.

³⁸ Marschall von Bieberstein. *Flora taurico-caucasica exhibens stirpes phaenogamas, in Chersoneso Taurica et regionibus caucasicis sponte crescentes*. Charkouiae, Typis Academicis, 1808–1819.

³⁹ Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Указ. соч.

⁴⁰ См., напр.: Ромм Ш. Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941; Craven E. *A Journey through the Crimea to Constantinople*. London, 1789; Guthrie M. *A Tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea, the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson...* London, 1802.

В результате анализа трудов описанных выше путешественников была составлена ретроспективная карта изученности Крыма в последней четверти XVIII в. (см. цв. вклейку, рис. 10). Карта через маршруты и исследованные объекты репрезентирует характер и территориальную приоритетность изучения Крымского п-ова в рассматриваемый период. По источникам объекты изученности приведены в различных графических решениях. Например, для В. Ф. Зуева построен условный маршрут; по Ф. Чёрному приведены точки определения координат городов Крыма. Деятельность академика К. И. Габлица зафиксирована не в формате маршрута (он занимался изучением Крыма вне рамок экспедиционной программы от Академии Наук, поэтому не писал подробные отчеты о своем передвижении), а с помощью картографирования объектов, по которым в его работе даны те или иные характеристики. Тот же прием был использован для «Наблюдений» академика П. С. Палласа, который по своей жанровой специфике был чем-то средним между травелогом и исследовательским обзором, поэтому линия его маршрута не дала бы исчерпывающую характеристику вклада в изученность полуострова.

Таблица 1

Прирост картографической изученности Крымского п-ова в конце XVIII в.

Индекс	Название	Автор	Дата	Масштаб	Тематика
1	Карта Крымского п-ова с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В. М. Долгорукова	н/д	1771	Средний	Комплексная
2	Полуостров Крым с пограничными землями	н/д	1774	Средний	Географическая
3	Карта, представляющая Крым и Степь Крымскую из новейших известий, сочиненная при Академии Наук Санкт-Петербурга Я. Ф. Шмидтом в 1777 году	Я.Ф. Шмидт	1777	Средний	Географическая
4	План г. Акмечета	н/д	1784	Крупный	Топографическая
5	Новая карта Российской Империи, и разделенная на Наместничества, сочиненная 1786	И. Трускот, Ф. И. Шуберт, Я. Ф. Шмидт	1786	Средний	Географическая
6	Карта Путешествия Ея Императорского Величества в полуденный край России в 1787 году	А.М. Вильбрехт	1786	Мелкий	Комплексная
7	План г. Бахчисарая	н/д	1786	Крупный	Топографическая
8	Карты полуострова Таврического и около лежащих мест, сочиненные по известиям греческих писателей древних и средних времен, по известиям генуэзских писателей, с обозначением татарских названий	К.И. Габлиц	1787	Средний	Историческая
9	Карта Крыма из книги Э. Крейвена «Путешествие через Крым в Константинополь»	н/д	1789	Средний	Географическая

Продолжение Таблицы 1

10	Генеральная карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным	Ф. О. Чёрный	1790	Средний	Географическая
11	Генеральная карта Таврической области, представляющая древние именованья мест, городов, рек и протчаго	Н. Жигулин	1791	Средний	Историческая
12	Карта Таврической области	А. М. Вильбрехт	1792	Средний	Комплексная
13	Историческая Карта Российской Империи 1793 сентября 2 дня	н/д	1793	Мелкий	Географическая
14	Карта Таврической области, разделенная на 6 уездов	н/д	1796	Средний	Комплексная
15	План г. Карасу-Базара	н/д	1797	Крупный	Топографическая
16	План г. Бахчисарая с предместьем Чуфут-Кале	н/д	Конец XVIII	Крупный	Топографическая
17	Карта Крыма из книги М. Гатри «Путешествие, выполненное в годы 1795–1796, через Таврию, или Крым: Древнее царство Боспор, некогда могущественной республики Херсонес Таврический, и все другие страны на северном берегу Понта Эвксинского»	н/д	1802	Средний	Географическая

Упомянутые в трудах путешественников пространственные объекты были зафиксированы на карте пунсонами разной цветовой гаммы. Пунсоны некоторых объектов были показаны с помощью цветовой диаграммы в силу их описания в трудах нескольких исследователей того времени. Градуированный маркер частотности упоминаний объектов демонстрировал степень изученности территории. Вполне ожидаемо, самым исследованным в контексте частоты упоминаний стал Южный берег Крыма из-за своего ландшафта и биоразнообразия, которые привлекали внимание путешественников. Таким образом, карта позволяет проследить динамику прироста изученности территории Крымского п-ова от его восточной части в рамках путешествия В. Ф. Зуева до более комплексного охвата исследованности в ходе путешествий К. И. Габлица и П. С. Палласа, который за год своих исследований кратно приумножил количество изученных территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный выше обзор первого этапа итогов изучения территории Крымского полуострова после его присоединения к Российской империи позволяет определить основные направления исследований, которые организовывали Академия наук и Географический департамент в конце XVIII в. Большая часть экспедиций была посвящена общему географическому описанию Крыма через призму изучения возможностей его хозяйственного освоения и в целях военно-стратегического планирования. Подобный фокус предопределил маршруты руководителей экспедиций, которые активно обследовали более богатый в природно-ресурсном отношении и стратегически важный Южный берег Крыма, оставляя без должного внимания степную зону.

Результаты исследовательской деятельности преимущественно фиксировались в последующих публикациях, которые составляют золотой фонд изученности Крыма в конце XVIII в. В картографический материал впоследствии конвертировалась только астрономическая экспедиция Ф. О. Чёрного, который уточнил местоположение многих крымских городов. По большей части Крым фигурировал на «генеральных» картах Географического департамента, которые обобщали состояние изученности

всей территории России в XVIII в., или же на отдельных листах атласов Российской империи. Карты в подавляющем числе случаев имели общегеографическую тематическую направленность, точность которых увеличивалась по мере осуществления более детальных исследований речной сети и горной части Крымского полуострова. В целом в точности картографирования Крымского полуострова был сделан огромный шаг вперед после публикации «Атласа Российского» академика Ж.-Н. Делиля в 1745 г.

В конце XVIII в. военные топографы, приписанные к Географическому департаменту, еще не были активно вовлечены в работы по инструментальной топографической съемке Крымского полуострова. Такие работы стали проводиться с начала XIX в., в рамках второго этапа систематического изучения территории Крыма, — уже под эгидой Военно-топографического депо, созданного в период правления императора Павла I. Несмотря на недостаток военно-топографических карт в рассматриваемый нами период (что отражало общее состояние российской картографии), генерал-губернатор Г. А. Потемкин-Таврический сумел привлечь военных к созданию подробных планов и чертежей основных крымских городов в период подготовки к путешествию императрицы Екатерины II.

Таким образом, первый этап прироста изученности территории Крымского полуострова ознаменовался целым рядом выдающихся классических работ по общей географии Крыма, в то время как картографический материал уточнял лишь очертания и общую морфологию полуострова без перевода накопленного научного материала в более детальные и тематически профилированные карты.

REFERENCES

Bykovsky N. M. *Kartografiya. Istoricheskiy ocherk* [Cartography. Historical essay]. Moscow: Izd-vo "Yurayt" Publ., 2022. (In Russian).

Ena V. G., Ena Al. V., Ena An. V. *Otkryvateli zemli Krymskoy* [Discoverers of the Crimean land]. 2007. Available at: <http://www.krimoved-library.ru/books/otkrivateli-zemli-krymskoy.html> (accessed: 13.06.2022). (In Russian).

Glushkov V. V. *Istoriya voyennoy kartografii v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)* [The history of military cartography in Russia (18th — early 20th century)]. Moscow: IDEL Publ., 2007. (In Russian).

Gnucheva V. F. *Geograficheskiy departament Akademii Nauk XVIII v.* [Geographic Department of the Academy of Sciences of the 18th century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1946. (In Russian).

Grishin E. S. [Some problems of mapping the borders of the Asian part of the Russian Empire]. *Tsifrovoye vostokovedeniye* [Digital Orientalia], 2021, vol. 1, no. 1, pp. 56–64. DOI: 10.31696/S000000000016505-5. (In Russian).

Grishin E. S., Umansky L. A. [Methodological foundations of regional historical mapping based on the material of a unified digital model of the European part of the Russian Empire]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2022, vol. 1, no. 1, pp. 6–29. (In Russian).

Kournikova O. M. [Studies of the Crimean Peninsula by Russian scientists (the end of the 18th century)]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Journal of the Institute of Oriental Studies RAS], 2020, no. 4 (14), pp. 201–209. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-4-201-209. (In Russian).

Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii Nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskiye obzory i opisaniye arkhivnykh materialov [Materials for the History of expeditions of the Academy of Sciences in the 18th and 19th centuries: chronological reviews and description of archival materials]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1940. (In Russian).

Nepomnyashchiy A. A. [Arseniy Markevich — the organizer of the local lore movement in the Crimea]. *Uchenye zapiski Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Geografiya. Istoriya. Pedagogika. Pravovedeniye. Filologiya. Filosofiya. Ekonomika* [Scientific notes of Simferopol State University. Geography. History. Pedagogy. Jurisprudence. Philology. Philosophy. Economy.], 1998, no. 8 (47), pp. 23–34. (In Russian).

Sharapa V. F., Nepomnyashchiy A. A. [Lashkov F. F. — local historian of the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1993, no. 3, pp. 175–181. (In Russian).

Sytin A. K. *Petr Simon Pallas — botanik* [Petr Simon Pallas — a botanist]. Moscow: KMK Publ., 1997. (In Russian).

Tunkina I. V. [The 1821 Academic Archaeological Expedition to South Russia (Novorossiia province) under the direction of academician H. K. E. Köhler (new archival data)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 2013, no. 1 (284), pp. 197–214. (In Russian).

Tunkina I. V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyah yuga Rossii (XVIII — seredina XIX v.)* [Russian Science on Classical Antiquities in the South of Russia (18th — mid-19th century)]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2002. (In Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

УДК 94(47)"18"

Шумкин Георгий Николаевич

к.и.н., старший научный сотрудник Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

География горнозаводской промышленности в законодательстве России XIX в.

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка рассмотреть изменения в законодательстве Российской империи в XIX в. представлений о географии горнозаводской промышленности. Выявлено, что представления законодателя о географии горнозаводской промышленности в XIX в. прошли три этапа: 1) «этап отделений» (начало XIX в.); 2) «этап разрядов» (1830 — 1850 гг.); 3) «этап горных областей» (конец XIX в.), который распался на два подэтапа — создания горных округов по надзору за частной промышленностью и образования горных областей. С каждым последующим этапом она охватывала все большее пространство, все больше сегментов горной и металлургической промышленности попадало в сферу действия «Горного устава». При этом выделяемые территориальные образования по своему устройству все больше унифицировались. На первом этапе «отделения» не имели четко обозначенных границ (за исключением Урала). На втором этапе локализация «разрядов» была зафиксирована достаточно ясно. На третьем этапе была введена единая двухуровневая структура территориальных образований, состоящая из горных областей и горных округов. При этом горные области охватили практически все пространство Российской империи. Сделан вывод о том, что эти изменения в карте горнозаводской промышленности хорошо объясняются процессами модернизации (индустриализацией, унификацией права, унификацией и бюрократизацией управления). Отмечено, что создание системы горных областей совпало с бурным ростом горнозаводской промышленности 1890-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: горнозаводская промышленность, география, законодательство, горный округ, горная область.

ECONOMIC ZONING

UDC 94(47)"18"

Georgy N. Shumkin

candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg)

ORCID: 0000-0003-1858-8001

E-mail: shumk@mail.ru

Geography of the mining industry in russia's legislation of the 19th century

ABSTRACT. The article attempts to consider changes of notions about the geography of the mining industry in the Russian Empire's legislation in the 19th century. It reveals that the legislator's ideas about the geography of the mining industry in the XIX century went through three stages: 1) the "stage of divisions" (the beginning of the 19th century); 2) the "stage of grades" (1830s — 50s); 3) the "stage of mountain regions" (the end of the 19th century), which split into two sub-stages - the creation of mountain districts for the supervision of private industry and the formation of mountain regions. With each subsequent stage, it covered more and more space, more and more segments of the mining and metallurgical industry fell within the scope of the "Mining statute". All territorial formations were increasingly unified in their structure. At the first stage, the "divisions" did not have clearly defined borders (with the exception of the Urals). At the second stage, the localization of the "grades" was recorded quite clearly. At the third stage, a single two-level structure of territorial formations was introduced, consisting of mountain regions and mountain districts. The mountainous regions covered almost the entire space of the Russian Empire. It is concluded that these changes in the mining industry map can be well explained by modernization processes (industrialization, unification of law, unification and bureaucratization of management). It is noted that the creation of the mountain regions system coincided with the rapid growth of the mining industry in the 1890s.

KEYWORDS: mining industry, geography, legislation, mining district, mountain region.

Эволюция управления горнозаводской отраслью России неоднократно привлекала внимание исследователей. Она изучалась в масштабах всей страны¹, на уровне регионов² и отдельных хозяйств³. Было проанализировано горнозаводское законодательство⁴; рассмотрена социальная структура, состав и правовой статус администрации⁵; написаны биографии и исторические портреты выдающихся руководителей горной отрасли⁶. Однако еще далеко не все аспекты системы управления оказались освещены в историографии. Слабо изучен вопрос географии тех территорий, в которых осуществлялся надзор и управление горнозаводской отраслью, и изменение границ этих пространств⁷. В этой статье предпринимается попытка частично закрыть данную лакуну, рассмотрев, как менялись представления о географии горнозаводской промышленности в законодательстве Российской империи в XIX в.

¹ Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700–1900 гг. СПб., 1900.

² Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ: заводовладельцы и рабочие. Саранск, 1994; Он же. Московское горное правление в истории российской индустриализации. Саранск, 2019; Зубков К. И., Корепанов Н. С., Побережников И. В., Тулисов Е. С. Территориально-экономическое управление в России XVIII — начала XX века. Уральское горное управление. М., 2008; Иванов П. А. Краткая история Управления горною частью на Урале. Екатеринбург, 1900; Корепанов Н. С. Уральское горное управление в XVIII — начале XX в.: исторический опыт // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 215–229; Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897 гг.). СПб., 1897; Новиков И. А. Система управления горнозаводской промышленностью Урала в XVIII — первой половине XIX в. Становление и развитие. Челябинск, 2004; Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005; Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.): Управление и обслуживание. Барнаул, 1997; Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999 и др.

³ Агафонова Н. Н. Организация управления в пермских имениях Строгановых в первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 173–182; Вострокнутов В. А. Краткий исторический обзор Горно-благодатского горного округа. Екатеринбург, 1901; Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых во второй половине XIX века. Челябинск, 1995; Она же. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во втором составе XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. 1; Кричевцев М. В. Управление Богословским горным округом в 1791–1796 гг. (опыт внедрения кабинетской системы хозяйственного управления) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 79–90; Мельчакова О. А. Управленческий персонал и население Нижнетагильских заводов: причины конфликтных ситуаций (по материалам волнений 1790-х гг.) // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. I. С. 286–290; Прокофьева Т. Г. Из истории округа Верх-Исетских заводов в первой четверти XIX в. // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1960. Вып. 1. С. 74–82 и др.

⁴ Манин В. А. Формирование горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII–XVIII веков. Екатеринбург, 2008; Он же. Эволюция горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Сургут, 2006; Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011; Он же. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018 и др.

⁵ Бабарыкин Б. В., Пережогин А. А. Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917). Барнаул, 2017; Борблик Е. М. Чиновничество Алтая во второй половине XVIII века: служба и жизнь // Алтайский сборник. Барнаул, 1995. Вып. 16. С. 189–195; Ведерников В. В. Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. Барнаул, 2005; Дашкевич Л. А., Бугаева С. Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997; Заблочкий Е. М. Горное ведомство дореволюционной России: очерк истории: биографический словарь. Москва, 2014; Гришаев В. Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999; Пережогин А. А. Чиновничество Алтая (1747–1871 гг.): справочник личного состава. Барнаул, 2012; Пашков А. М. Иностранные специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. // Отечественная история. 2006. № 4. С. 46–54 и др.

⁶ Генерал от металлургии Павел Аносов: К 200-летию со дня рождения / под ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург, 1999; Шкерин В. А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 2006 и др.

⁷ Имеется работа по административно-территориальному устройству Колывано-Воскресенских заводов в XVIII в.: Борблик Е. М. Территориально-административное устройство Колывано-Воскресенского горного округа в XVIII в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 25–35. Сведения о формировании системы горных округов во второй половине XIX — начале XX в. содержатся в последних публикациях Е. Г. Неклюдова: Неклюдов Е. Г. Горнозаводская промышленность в России второй половины XIX — начала XX в.: выбор организационной модели // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 93–102; Он же. Реформирование горного надзора в России во второй половине XIX — начале XX в.: проекты и их реализация // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 181–196; Он же. Создание профессионального горного надзора в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 1 (44). С. 34–45.

Объектом исследования стала география той части горнозаводской промышленности России, которая отражена в «Проекте горного положения» и «Горном уставе». За рамками этой работы остались география соледобывающей промышленности, география горнополицейских округов по надзору за золотопромышленностью, горнозаводская промышленность Польши до 1870 г., горнозаводская промышленность Финляндии.

Передача управления горной отраслью Казенным палатам при Екатерине II показала свою крайнюю неэффективность. Поэтому Павел I в 1797 г. воссоздал Берг-коллегию, что уже в 1798 г. дало государству 0,5 млн рублей дополнительного дохода от казенных заводов⁸. Так началось отделение «горного начальства» от «гражданского», которое и привело к созданию особой географии административно-территориального деления горнозаводской промышленности России.

Александр I продолжил политику отца в этом направлении. В 1803 г. главный начальник Екатеринбургских заводов А. С. Ярцов подал императору записку «Начертание заводов Уральского хребта». Свое представление о том, как следует преобразовать систему управления горными заводами, представил и главный начальник Гороблагодатских и Пермских заводов А. Ф. Дерябин. Для рассмотрения этих проектов министр финансов А. И. Васильев образовал специальный Комитет, который в 1804 г. выработал план реформы, получивший одобрение императора⁹. По примеру Австрии и Саксонии следовало учредить «горные города» и, «отделив все заводские селения от прочих», подчинить их особенному начальству, независимому от гражданского ведомства. Горные города должны стать центрами «горных округов», объединяющих несколько «заводских округ» (заводов с принадлежащими им селениями и землями). «Полными хозяевами» казенных заводов должны были стать горные начальники — на них возлагалась «вся ответственность за исправность заводов, полное их действие и совершенство изделий». «Для обревизования отчетов горных начальников, для сбора податей» с казенных и частных заводов и «для производства судебных дел по горным заводам» в Перми и Москве планировалось создать два горных правления (одно должно было охватывать заводы Пермской, Вятской, Оренбургской и Казанской губерний, а другое — заводы центральной России); а во главе правлений — поставить берг-инспекторов, которые должны были находиться «на том же основании, как состоит губернатор в Губернском Правлении». Так как, с учреждением Горных Правлений, Берг-коллегия должна была лишиться основных своих функций, ее следовало упразднить, создав вместо нее «при Министерстве финансов какое-либо другое центральное управление горными делами» (Горный департамент). Однако пойти на полное отделение «горного» и «гражданского ведомств» Комитет не решился: на Урале обе отрасли управления должны были соединяться в лице генерал-губернатора Вятской и Пермской губерний. При этом права генерал-губернатора относительно горных заводов ограничивались контролем за соблюдением законов и «выгод Высочайшей казны»¹⁰.

Этот план был реализован в 1806–1810 гг. изданием ряда законодательных актов¹¹. Основным законодательным актом, на котором, как это принято считать в историографии, была выстроена вся система общеимперского горного права, стал «Проект горного положения» 1806 г.

В докладной записке к «Проекту» министр финансов А. И. Васильев выделил пять «отделений» горных заводов: 1) заводы хребта Уральского, 2) заводы Замосковные, 3) заводы Олонецкие и Луганские, 4) заводы Грузинские и 5) заводы Польские. В этом перечне нет Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов, находившихся в ведении Департамента уделов, то есть в него вошли только те горнозаводские предприятия, которые были подведомственны Берг-коллегии.

Специально оговаривалось, что «Проект» не распространялся ни на Олонецкие и Луганские заводы, состоявшие на особенном положении «в дирекции» Ч. Гаскойна; ни на грузинские заводы — они не были «приведены еще в ту известность, чтоб можно было в тамошнем крае утвердить

⁸ Лоранский А. М. Указ. соч. С. 48.

⁹ ПСЗ. Т. 28. № 21460.

¹⁰ Лоранский А. М. Указ. соч. С. 52–53.

¹¹ ПСЗ. Т. 29. № 22208, 22342, 22940; Т. 30. № 23980; Т. 31. № 24092, 24197, 24307. Следует отметить, что этот план был реализован не полностью. В частности, сеть горных городов, как центров горных округов, так и не была создана.

ныне какое-либо Горное начальство», ни на польские заводы и промыслы — о них еще только собирались «нужные сведения». «Проект» должен был действовать только на Урале и в центральных губерниях, где учреждались Пермское и Московское горные правления¹². Но само название «Проекта» вполне определенно указывало ту территорию, на которую прежде всего распространялось действие данного нормативного акта — «Проект горного положения для управления заводов хребта Уральского». О Московском горном правлении говорилось, что «те же самые правила и те же самые постановления, по сходству предметов, должны быть принаровлены к заводам Замосковным». Поэтому в «Проекте горного положения» были четко обозначены только границы «заводов хребта Уральского» — генерал-губернатор Пермской и Вятской губерний должен был управлять «горною частью по губерниям Пермской, Вятской, Оренбургской и Казанской»¹³. Что же касается пределов Московского горного правления, в «Проекте» они не были обозначены. Н. М. Арсентьев и А. М. Дубодел, специально занимавшиеся Замосковным горным округом, отмечали, что «точное определение его территориальных границ» дать «весьма затруднительно». По материалам статистических, отчетных и делопроизводственных источников они определили его в границах Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской, Костромской и Вологодской губерний¹⁴.

Очевидно, что в это время законодателю не было необходимости точно фиксировать границы «отделений» горных заводов, т. к. они находились на значительном удалении друг от друга.

Более определенно границы регионов, в которых была локализована горнозаводская промышленность, были обозначены в «Уставе горном» (VII т. Свода Законов Российской империи). В первых трех редакциях «Устава» эти регионы названы «разрядами».

В первом издании Горного устава (1836 г.) приведена такая география горного промысла: «Горные промыслы и заводы разделены на разряды: *первый* разряд составляют заводы и промыслы горной области хребта Уральского¹⁵, а именно: в губерниях: Пермской, Вятской, Оренбургской, Вологодской и Казанской; *второй* — заводы и промыслы области Колыванской; *третий* — заводы и промыслы Нерчинские; *четвертый* — горные заводы и промыслы Замосковные, а именно: в губерниях: Орловской, Тульской, Нижегородской, Тамбовской, Калужской, Пензенской, Владимирской, Рязанской и Ярославской; *пятый* — Олонские; *шестой* — горные заводы и промыслы, казенный Луганский, и частные в уездах Екатеринославской губернии: Славяно-Сербском, Бахмутском и Ростовском; к *седьмому* разряду принадлежит Санкт-Петербургский казенный литейный завод; к *восьмому* — заводы Польские; к *девятому* — Грузинские». Специально оговаривалось, что «частные горные промыслы в Западной Сибири должны быть перечислены к горной области Колыванской... находящиеся же в Восточной Сибири — к Нерчинским заводам»¹⁶.

В сравнении с перечнем «отделений» «Проекта» 1806 г. этот список больше. В него вошли кабинетские заводы (Колыванские и Нерчинские) — в 1830 г. их перевели из Министерства императорского двора и уделов в Департамент горных и соляных дел¹⁷. Были выделены в отдельные разряды Луганский, Олонский и С.-Петербургский заводы, которые в 1806 г. состояли в общей «дирекции» Ч. Гаскойна. Появились частные заводы и промыслы в Славяносербском, Бахмутском и Ростовском уездах Екатеринославской губернии.

¹² ПСЗ. Т. 29. №. 22208. С. 439.

¹³ ПСЗ. Т. 29. №. 22208. С. 499.

¹⁴ Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковский горный округ в планах и чертежах. М., 2004. С. 14.

¹⁵ В 1826 г. Пермское горное правление было переведено в Екатеринбург. Была учреждена должность главного начальника горных заводов Хребта Уральского, который, согласно букве закона, «есть Главный Командир и хозяин заводов и Директор Пермского горного Правления». Берг-инспектор становился Вице-директором Правления и помощником главного начальника. Главный начальник был подчинен непосредственно министру финансов, тем самым на Урале система горного управления была окончательно отделена от «гражданского ведомства» (ПСЗ II. Т. 1. № 687. § 1–2). В 1831 г. Пермское горное правление было переименовано в «Уральское» (Мухин В. В. Горная администрация // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 154).

¹⁶ Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1836. Ст. 9.

¹⁷ ПСЗ II. Т. 5. № 3604.

Произошли и иные изменения. Заводы, поименованные в 1806 г. «польскими», 30 лет спустя стали называться «заводами в губерниях, от Польши возвращенных». Очевидно, что это были не те заводы, которые располагались в самой Польше, а горные заводы Волыни и Белоруссии. В самом же Царстве Польском, присоединенном к России в 1815 г., управление горными заводами вплоть до 1870 г. осуществлялось местным Горным департаментом на основе местного законодательства.

Кроме того, из управления Московского горного правления в Уральскую область были переданы заводы Вологодской губернии (Кажимский, Ньюпасский и Ньючимский).

Из последующих редакций «Устава горного» 1842 и 1857 гг. разряд С.-Петербургского завода был исключен — это предприятие перешло в руки частных лиц. А кроме того, была уточнена география разрядов. В редакции 1857 г. *первый* разряд составила Уральская горная область (Пермская, Вятская, Оренбургская, Вологодская и Казанская губернии); *второй* — Алтайский горный округ; *третий* — Нерчинская горная округа; *четвертый* — замосковные заводы и промыслы (в Орловской, Тульской, Нижегородской, Тамбовской, Калужской, Пензенской, Владимирской, Рязанской и Ярославской губерниях); *пятый* — Олонецкие казенные заводы, а также частные предприятия Олонецкой и Архангельской губерний; *шестой* — казенные, общественные и частные горные заводы и промыслы южной России и каменноугольные промыслы в Империи; *седьмой* — горные заводы и промыслы на Кавказе и за Кавказом; *восьмой* — в Западных губерниях (прежде именовавшихся «Польскими»). В *особый разряд* были выделены частные заводы и промыслы Сибири. В Западной Сибири, а также в Минусинском и Ачинском округах Красноярской губернии они «подлежали ведомству» Алтайского горного правления; а в Восточной Сибири — находились в «ведомстве» местного генерал-губернатора¹⁸.

«Разряды» первых редакций «Устава» (равно как и «отделения» в «Проекте») не являлись категориями, обозначающими единицы административно-территориального управления, они лишь фиксировали локализацию горнозаводской промышленности на пространстве Российской империи. По своей организации и структуре управления они существенно различались. Одни разряды (например, Уральская область) включали десятки горнозаводских хозяйств различных форм владения; другие — только одно хозяйство (например, Нерчинская округа). В одних разрядах система управления ограничивалась начальником и правлением горного округа (Олонецкий округ, Алтайский округ, Нерчинская округа); в других, объединявших несколько горнозаводских хозяйств, имелась дополнительная управленческая надстройка: Уральское горное правление с Главным начальником и Московское горное правление с Берг-инспектором. Предприятия западных губерний, «по маловажности их», вообще не имели «особого над собой от казны ведомства»¹⁹. А управление горным промыслом южной России и на Кавказе усложнялось тем, что горный промысел развивался не только на землях, находившихся в ведении гражданской администрации, но и на землях, принадлежавших казачьим войскам, а также управлявшимся военной администрацией. И если отделение «горного ведомства» от «гражданского» к середине XIX в. осуществить в целом удалось (исключение составлял частный промысел в Восточной Сибири, находившийся в ведении генерал-губернатора), то в отношении «военных ведомств» эту задачу еще только предстояло решить.

По-видимому, законодатель не ставил себе цель унифицировать систему местного управления горнозаводской промышленностью — ему это было не нужно, т. к. основной массив законодательных актов, касающихся вопросов горнозаводской промышленности, был адресован отдельным регионам и хозяйствам. Причем, как показывает анализ законотворческой практики, данная тенденция со временем только усиливалась. В рубрике «Горные заводы и промыслы» «Алфавитного перечня» «Полного собрания законов Российской империи» доля законов, не имеющих в заголовке упоминания какого-либо географического объекта (то есть тех, которые можно считать общероссийскими), в царствование Александра I составляла 54,1 %²⁰, Николая I — 40,4 %²¹, Александра II — 25,3 %²² (в третьем собрании «Полного собрания законов» данная рубрика перестала быть регулярной). Следует при этом отметить, что значительная доля тех законов, которые

¹⁸ Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1857. Т. VII. Ст. 7. С. 2.

¹⁹ Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1836. Т. VII. Ст. 9.

²⁰ ПСЗ. Тт. 26–39.

²¹ ПСЗ II. Тт. 1–29.

²² ПСЗ II. Тт. 30–55.

не имели в названии географических объектов, касалась вполне определенных территорий. Например, законы о казенных горных заводах и о военном производстве в горном ведомстве распространялись на Урал, Олонецкий округ и Луганский завод, законы о кабинетских заводах — на Алтай и Нерчинские заводы.

В «Горном уставе» эта особенность законодательства прослеживается столь же отчетливо. «Устав» первых трех редакций (1836, 1842, 1857 гг.) имел одинаковую композицию. Он был разделен на четыре книги. Первые две книги были поделены по географическому принципу: книга первая — «Свод учреждений и уставов горного управления по заводам и промыслам по горной области хребта Уральскому лежащим» и книга вторая — «Свод учреждений и уставов по заводам и промыслам вне горной Уральской области состоящим». Название книги четвертой включало как отраслевые, так и географические критерии: «О золотоносных песках в области Уральской и вне ее лежащих и о цветных камнях». И только книга третья не имела в названии терминов, маркирующих пространство, — «О проступках, преступлениях, взысканиях и наказаниях за нарушение горных законов». Из всего массива статей первой редакции Горного устава (1839 статьи) 61,4 % статей (статьи с 10 по 1134 и с 1768 по 1847) были адресованы горнозаводской промышленности Урала; 21,7 % (статьи с 1135 по 1526) — области Колыванской (Алтаю); 2,1 % (статьи 1526–1564) — Нерчинской округе; частным сибирским промыслам (включая золотодобычу) — 0,8 % (1565–1570 и 1780–1788); Замосковным заводам — 0,6 % (1571–1581); Олонецким казенным заводам — 1,1 % (1582–1602); Александровскому литейному заводу — 0,4 % (1603–1609); Луганскому — 2 % (1610–1646); частным горным промыслам южной России — 0,7 % (1647–1658); Грузинским горным промыслам и заводам — 4 % (1659–1733); польским — 0,05 % (1734 статья) и 0,7 % (статьи 1735–1747) касались принципов и правил счетоводства на Тамбовском квасцовом, Луганском, Олонецких, Александровском и Грузинских казенных заводах. Таким образом, на статьи, действие которых охватывало всю Империю, оставалось менее 5 %²³. Явное преобладание Урала и Алтая в Горном уставе объясняется тем, что функционирование и управление горной промышленности в остальных «разрядах» должно было проводиться с отсылкой на законы, которые были изданы для заводов этих двух регионов. Например, в статье 2268 указывалось, что «нижние чины и мастеровые, находящиеся при Луганском заводе, поступают на службу и увольняются от оной... по тем же правилам, как и нижние чины и мастеровые хребта Уральского»²⁴.

Среди Великих реформ Александра II должна была быть и реформа горнозаводской промышленности. Однако реформаторы не сумели договориться друг с другом — один вариант «Горного устава» предложили «генералы горного ведомства», а другой — бюрократы иных ведомств и представители частного бизнеса, и найти компромиссное решение они не смогли. Как следствие, реформа в горнозаводской промышленности превратилась в череду частных преобразований, растянувшихся на всю вторую половину XIX в.²⁵

Результаты нововведений нашли отражение в «Горном уставе» редакции 1893 г. Доля статей, имеющих географическую привязку, сократилась до 40,5 %. 6,4 % были адресованы Польским заводам (статьи с 334 по 415), 7,9 % — казенным горным заводам Урала (статьи 822–922), 0,5 % — Олонецкому горному округу (923–929), 13 % — Алтайскому округу (1049–1215), 2,3 % — Нерчинскому округу (1216–1245), 0,5 % — Петергофской и Екатеринбургской гранильным фабрикам (1246–1252), 5,4 % — горнозаводской промышленности в Области войска Донского (976–1044), 1,9 % — особенностям найма рабочих в Сибири (689–713), 2,6 % — особенностям торговли солью в Сибири²⁶

²³ Посчитано по: Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1836. Т. VII. С. 57–496.

²⁴ Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1857. Т. VII. Ст. 2268. С. 387.

²⁵ Подробнее о горной реформе см.: Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX века: от замысла к реализации. СПб., 2018; Он же. Забытая горная реформа 1860-х гг.: замысел и реализация // Российская история. 2018. № 1. С. 59–68; Он же. Горнозаводская промышленность в России второй половины XIX — начала XX в.: выбор организационной модели // Уральский исторический вестник. 2020. 1(66). С. 93–102.

²⁶ В первых трех редакциях «Свода законов» выделялся особый «Устав о соли»; в редакции 1893 г. законы, регулирующие добычу, хранение и продажу соли, были включены в «Горный устав».

(статьи с 939 по 971)²⁷. Сокращение доли тех норм права, которые имели локальное значение, свидетельствовало о том, что горное законодательство во второй половине XIX в. все больше приобретало универсальный, общеимперский характер. И хотя в композиции Горного устава все еще имелась географическая компонента, но ее присутствие было обусловлено тем, что горнозаводская промышленность находилась под управлением нескольких ведомств. В первую книгу — «Общий горный устав» — вошли нормативные акты, регулирующие функционирование основной части горнозаводской промышленности, которая была подчинена горному ведомству. Во второй книге регламентировалось распределение полномочий по контролю за частной горной промышленностью на территории Области войска Донского между горным ведомством, Министерством внутренних дел и Военным министерством — «Положение о горном промысле в Области войска Донского». В третьей книге говорилось о предприятиях удельного ведомства — «Положение о горных промыслах и заводах ведомства Министерства императорского двора». А в четвертой — о санкциях за нарушение горного права — «Правила о наказаниях, о взысканиях за нарушение горных постановлений и о порядке производства дел по сим нарушениям».

Таким образом, в «Горном уставе» редакции 1893 г. большая часть статей (59,5 %) не имела региональной привязки, то есть по умолчанию распространялась уже на все пространство Российской империи. Логично было бы ожидать, что и с географией управления и надзора за горнозаводской промышленностью произойдут соответствующие изменения — она перестанет носить локальный, очаговый характер и охватит территорию всей страны.

Распространению институтов управления горнозаводской промышленностью должно было поспособствовать также и более точное определение в законодательстве объектов горного права. В первых редакциях «Горного устава» была достаточно четко определена одна группа объектов — «горные промыслы». Под ними подразумевалось «приискивание, добывание, плавление, вываривание и обрабатывание минеральных естественных произведений», то есть «земель и камней», металлов, солей и горючих веществ. Но вторая часть объектов — горные заводы — была определена не очень точно. К ним были отнесены, во-первых, заводы, которые «занимаются обработыванием минеральных произведений», а во-вторых — заводы, «учрежденные для обращения обрабатываемых произведений в изделия, если они состоят в ведомстве горного управления»²⁸. В 1882 г. было законодательно зафиксировано, что «к горным заводам принадлежат заводы: 1) занимающиеся обработыванием руд; 2) солеваренные; 3) железоделательные и сталелитейные, и 4) находящиеся при горных заводах, поименованные в пунктах 1 и 3 или в округах этих заводов, фабрики и заводы, служащие для обработки металлов в изделия». При этом «заводы, отнесенные к числу горных», но «не состоявшие донныне под наблюдением» Горного департамента, должны быть переданы «в ведение горного управления»²⁹. Таким образом, в 1882 г. вся металлургия и металлообрабатывающая промышленность была отнесена к горнозаводской. В 1899 г. перечень горных заводов был ограничен — в нем были оставлены только те металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия, которые находились при заводах, занимавшихся переработкой руд, размещались «в одном земельном имении с этими заводами» и принадлежали «тому же владельцу»³⁰. Остальные же металлообрабатывающие предприятия перешли в ведение фабрично-заводской инспекции.

Унификация законов и точная фиксация объектов горного права обеспечили условия, необходимые для создания той системы местного управления и надзора, которая могла бы охватить всю территорию страны. В «Горном уставе» 1893 г. территория страны была разделена на горные области, а они в свою очередь — на горные округа. Структура горных областей на 1893 г. представлена в таблице 1.

²⁷ Посчитано по: Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1893. Т. VII.

²⁸ Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1836. Т. VII. С. 1, 2.

²⁹ ПСЗ III. Т. 2. № 1200.

³⁰ Лоранский А. М. Указ. соч. С. 113.

Таблица 1

Горные области Российской империи в 1893 г.*

Горная область	Административно-территориальные единицы, на территории которых размещалась горная область	Количество горных округов
Уральская	Пермская, Вятская, Оренбургская, Уфимская, Вологодская и Казанская губернии	8
Западно-Сибирская	Томская, Тобольская и Енисейская губернии (без золотоносной Бирюсинской системы), Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области	6
Восточно-Сибирская	Иркутская губерния, Бирюсинская система Енисейской губернии, Якутская область и Приамурское генерал-губернаторство (Амурская, Приморская, Камчатская, Сахалинская области)	6
Кавказская	Ставропольская, Тифлисская, Кутаисская, Эриванская, Елисаветпольская, Бакинская губернии; Карсская, Дагестанская, Кубанская, Терская области; Сухумский, Черноморский, Закатальский округа	4
Горная область южной России	Екатеринославская, Харьковская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская, Подольская, Киевская, Волынская, Черниговская губернии	4
Горная область Царства Польского	Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Седлецкая, Сувальская губернии	3
Замосковная	Орловская, Тульская, Нижегородская, Тамбовская, Калужская, Пензенская, Владимирская, Рязанская, Ярославская губернии	2
Северная	Архангельская, Олонецкая и «другие северные губернии»	1

* Составлено по: Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1893. Т. VII. Ст. 17, 18.

Надо отметить, что в это время еще не вся территория страны была охвачена горными областями. Вне ее оставались Средняя Азия, Поволжье, Прибалтика. Кроме того, в перечне губерний, включенных в состав Северной горной области, указано неясное множество — «другие северные губернии». Эти лакуны и неопределенности объясняются тем, что процесс размежевания пространства Российской империи на горные области еще не завершился. Тем не менее была создана стройная и единообразная система управления, включающая территориальные образования двух уровней — «горные области» и «горные округа», которую можно было распространить на те пространства Империи, которые еще не были ею охвачены.

Однако при этом возникла терминологическая путаница — термин «горный округ» получил второе значение. В первом значении он был введен в законодательство еще в начале XIX в.³¹ Им обозначалась «горнозаводская латифундия» — самостоятельное, автономно функционирующее хозяйство, объединяющее «систему производственных предприятий, земли с определенными границами, расположенные на них лесные дачи, речные системы, рудники и прииски»³². Второе значение — горный округ — как административно-территориальная единица по надзору

³¹ ПСЗ. Т. 29. №. 22208. Ст. 13–15.

³² Алеврас Н. Н. Горный округ // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 159.

за частными горными заводами, этот термин приобрел во второй половине XIX в.³³ Необходимо подчеркнуть, что «горные округа» во втором значении не имели никакого отношения к казенной промышленности. Казенные заводы подчинялись непосредственно Горному департаменту (Олонецкий округ, казенные горные заводы Польши, Сучанские угольные копи) или главному начальнику Уральских горных заводов (Гороблагодатский, Златоустовский, Камско-Воткинский округа, округ Пермских пушечных заводов, Каменский и Нижнеисетский заводы). Для того чтобы не путаться, в законодательстве для «горных округов» в первом значении (для самостоятельных хозяйственных комплексов) стал использоваться термин «заводской округ». Кроме того, продолжал использоваться (хотя и очень редко) термин «заводская округа», которым обозначалась территория одного завода вместе с отведенными ему лесными дачами и рудниками. И если следовать букве закона, то трансформацию, произошедшую в иерархии понятий в XIX в., можно проиллюстрировать следующей схемой:

Начало XIX в.	Конец XIX в.	
Частные и казенные заводы	Частные заводы	Казенные заводы
	Горный округ	
Горный округ	Заводской округ	Заводской округ
Заводская округа	Заводская округа	Заводская округа

Но! За многие десятилетия термин «горный округ» настолько укоренился, что термин «заводской округ» заменить его не смог. Поэтому в статистике и делопроизводственной документации конца XIX — начала XX в. казенные заводские округа продолжали именовать «горными», то есть этот термин продолжал использоваться в своем первом значении. Например, в «Сборниках статистических сведений о горнозаводской промышленности России» в качестве «горных округов» Урала указывались казенные Камско-Воткинский, Пермских пушечных заводов, Гороблагодатский и Златоустовский округа и частные: Вятский, Пермский, Чердынский, Южно-Верхотурский, Северо-Верхотурский, Западно-Екатеринбургский, Северо-Екатеринбургский, Южно-Екатеринбургский, Уфимский, Верхнеуральский, Оренбургский³⁴. То есть в статистике этот термин использовался в обоих значениях: и в первом — применительно к казенным заводам, и во втором — применительно к частным заводам.

Следует также остановиться на термине «горная область». По мнению Е. Г. Неклюдова, горные области возникли в результате реформирования Уральского горного правления в 1886 г.: «В соответствии с предложениями Горной комиссии, образованная Уральская горная область была поделена на горно-административные округа во главе с окружными инженерами, осуществлявшими на подведомственной им территории надзор над частной промышленностью. В дальнейшем повсеместное развитие горного промысла привело к созданию целой сети подобных государственных учреждений. До 1900 г. обширная территория империи была разделена на 11 горных областей»³⁵.

³³ Следует отметить, что в конце XIX в. юрист А. Е. Яновский ввел третье значение термина «горный округ». Он считал, что «Проектом» 1806 г. «вся империя была разделена на 5 округов. Первый из них обнимал заводы хребта Уральского, второй — заводы, находившиеся внутри России (так называемые Замосковные), третий — заводы Олонецкие и Луганские, четвертый — заводы Грузинские, пятый — Польские» (Яновский А. Горное управление // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. IX: Гоа — Гравер. С. 252–254). То есть «горным округом» он назвал те группы горнозаводских предприятий, которые в «Проекте» были поименованы как «отделения». После него в данном значении этот термин был использован в советской «Горной энциклопедии»: «Горные округа образованы с введением в 1806 г. Проекта Горного положения. Первый горный округ с правлением в Перми включал горные заводы "хребта Уральского", второй с правлением в Москве — "замосковные"» (Горная энциклопедия. М., 1984. Т. 2). Видимо, Н. М. Арсентьев и А. М. Дубодел руководствовались данным представлением о горных округах в своей монографии «Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковский горный округ в планах и чертежах».

³⁴ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1900 г. СПб., 1902. С. 222–237.

³⁵ Неклюдов Е. Г. Горнозаводская промышленность в России.... С. 98.

Следует, однако, отметить, что «горная область хребта Уральского» встречается еще в первой редакции «Горного устава». В законе, утвержденном 10 марта 1886 г., «Об устройстве управления горною частью на Урале» о создании области нигде не говорится, а пунктом III предписывается «область Уральского хребта разделить на семь горных округов, заведывание которыми поручить окружным инженерам»³⁶. Исходя из содержания этого пункта, получается, что область уже существовала. Более того, сразу после 1886 г. термин «горная область» не получает распространения за пределами Урала. В «Инструкции по надзору за частною горной промышленностью»³⁷, утвержденной министром государственных имуществ 1 мая 1892 г., о горных областях ничего не сказано. Также о них не упоминается и в «Положении о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц и установлений местного горного управления», утвержденном 21 декабря того же, 1892 г.³⁸ Термин «горная область», обозначающий пространство, на которое распространяется власть какого-либо одного горного управления, которое включает один или несколько горных округов по надзору за частной промышленностью, по-видимому, впервые вводится в оборот «Горным уставом» 1893 г. (см. табл. 1).

Кратко рассмотрим процесс формирования системы горных округов и областей. По данным Е. Г. Неклюдова, в 1862 г. в виде опыта в Московское горное правление были назначены два горных инженера³⁹. Этот опыт оказался удачен, и в 1865 г. Московское горное правление было упразднено, а вместо него было создано два горных округа — Первый и Второй. К Первому округу были причислены заводы Владимирской, Нижегородской, Тамбовской и Костромской губерний; ко Второму — Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской и Пензенской губерний. В округа были назначены окружные инженеры, подчиненные непосредственно Горному департаменту. На инженеров возлагались обязанности по наблюдению за правильным поступлением горных податей; надзором за безопасностью рудничных и горнозаводских работ; отводом рудничных площадей на свободных казенных землях; сбором технических и статистических сведений; наблюдением за точным исполнением горных постановлений; оказанием частным заводам содействия к правильному и выгодному ведению работ и другие надзорные функции⁴⁰. В начале 1880-х гг. границы округов были пересмотрены. В начале 1881 г. в Первый Замосковский округ включены Нижегородская, Владимирская, Тамбовская, Пензенская и Рязанская губернии и каменноломни Московской губернии; во Второй — Калужская, Орловская и Тульская губернии⁴¹. В 1882 г. в Первом округе числились Ярославская, Костромская, Московская, Владимирская, Нижегородская и Тамбовская губернии, во Втором — Калужская, Тульская, Орловская, Рязанская и Пензенская губернии⁴².

Итак, «при уничтожении Московского горного правления, создан новый институт окружных инженеров, который впоследствии получил широкое распространение по всей России»⁴³.

В 1869 г. был ликвидирован Горный департамент Царства Польского. Горнозаводская промышленность края была подчинена Горному департаменту в С.-Петербурге. Для надзора за частной горной промышленностью в Польше было образовано два горных округа⁴⁴. К Первому округу были

³⁶ Высочайше утвержденное, в 10 день марта 1866 г., мнение Государственного Совета об устройстве Управления горною частью на Урале // Горный журнал. 1886. № 6. Офиц. отдел. С. II.

³⁷ Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 87–95.

³⁸ ПСЗ III. Т. 12. № 9182.

³⁹ Неклюдов Е. Г. Горнозаводская промышленность в России... С. 97.

⁴⁰ ПСЗ II. Т. 40. № 42108; Об упразднении Московского горного правления и некоторых должностей по казенным горным заводам // Горный журнал. 1865. № 7. Офиц. отдел. С. 1–3.

⁴¹ СУиРП. 1882. 19 февр. № 16. С. 166. № 110.

⁴² Инструкция по надзору за частною горною промышленностью в пяти горных округах Европейской России, утвержденная 8 августа 1881 г. министром государственных имуществ, на основании закона 13 мая 1880 г. // Горный журнал. 1882. № 6. Офиц. отдел. С. VIII.

⁴³ Лоранский А. М. Указ. соч. С. 121.

⁴⁴ Инструкция по надзору за горнозаводским промыслом в губерниях Царства Польского // Горный журнал. 1871. № 12. Офиц. отдел. С. XXIII. Необходимо отметить, что помимо двух горных округов по надзору за частной горной промышленностью в Царстве Польском существовали еще два горных округа, на которые возлагалось управление казенными горными заводами, — Восточный и Западный.

отнесены Варшавская, Калишская, Петроковская, Плоцкая губернии и Олькушский уезд Келецкой губернии; ко Второму — Ломжинская, Люблинская, Радомская, Сувалкская, Седлецкая губернии, а также Келецкая, за исключением Олькушского уезда⁴⁵.

В 1870 г., в связи с поступившими от предпринимателей заявками на освоение месторождений полезных ископаемых на свободных казенных землях, в Олонецкую и Архангельскую губернии «в виде опыта» был командирован горный инженер на правах окружного инженера⁴⁶. В 1887 г. «опыт» завершился образованием Северного горного округа⁴⁷.

В 1871 г. в западной части Донецкого края были организованы два горных округа⁴⁸. Первый Донецкий округ включал Бахмутский, Павлоградский, Александровский и Мариупольский уезды Екатеринославской губернии, а также Изюмский уезд Харьковской губернии. Второй Донецкий округ — Славяносербский уезд Екатеринославской губернии и Купянский и Старобельский уезды Харьковской⁴⁹.

В конце 1883 г. для надзора за частной горнопромышленностью в Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Таврической, Херсонской и Бессарабской губерниях был образован Юго-западный округ⁵⁰. В 1888 г. к Юго-западному округу причислен Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии, в котором находилась «часть обширного рудного месторождения, известного под названием Криворогского»⁵¹.

В 1870 г. окружным инженерам был поручен надзор за золотопромышленностью в Восточной Сибири. В 1876 г. был учрежден надзор за горной промышленностью на о. Сахалин и в Приморской области⁵².

Законом 10 марта 1886 г. Уральское горное правление было упразднено, а вместо него создано Управление горной частью на Урале. Институт заводских исправников, осуществлявших надзор за частными предприятиями, был ликвидирован. Вместо него созданы должности окружных инженеров, а вся территория области Уральского хребта была разделена на семь горных округов⁵³: I. Вятский; II. Пермский; III. Западный — Екатеринбургский; IV. Уфимский; V. Верхотурский; VI. Восточный — Екатеринбургский; VII. Оренбургский⁵⁴. В 1890 г. на Управление горной частью

⁴⁵ К 1892 г. в Царстве Польском было три округа по надзору за частной промышленностью: первый охватывал территорию Варшавской, Калишской, Плоцкой и Петроковской (за исключением Ченстоховского уезда и юго-восточной части Бендинского уезда) губерний; второй — Радомской, Люблинской, Виленской, Гродненской, Келецкой (за исключением Олькушского уезда) губерний; третий — Ченстоховский уезд и юго-восточную часть Бендинского уезда Петроковской губернии и Олькушский уезд Келецкой губернии (Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 88).

⁴⁶ ПСЗ II. Т. 45. № 48001.

⁴⁷ Лоранский А.М. Указ. соч. С. 171. В 1892 г. Северный горный округ охватывал С.-Петербургскую, Новгородскую, Олонецкую, Архангельскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии (Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 87).

⁴⁸ ПСЗ II. Т. 46. Ч. 1. № 49181.

⁴⁹ Инструкция по надзору за частною горною промышленностью в пяти горных округах Европейской России, утвержденная 8-го августа 1881 года Министром Государственных Имуществ, на основании закона 13 мая 1880 г. // Горный журнал. 1882. № 6. Офиц. отдел. С. VIII.

⁵⁰ СУиРП. 1883. 27 дек. № 125. С. 2203. № 943.

⁵¹ СУиРП. 1888. 28 март. № 23. С. 462. № 247.

⁵² Лоранский А. М. Указ. соч. С. 162–163.

⁵³ ПСЗ III. Т. 6. № 3569.

⁵⁴ Вятский округ: Слободской, Глазовский, Уржумский, Елабужский, Сарапульский уезды Вятской губернии; Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии; часть Соликамского уезда Пермской губернии. Омутнинский, Пудемский, Кирсинский, Песковский, Холуницкий, Кажимский, Нючпасский, Нювчимский, Бемышевский, Мешинский, Кувинский заводы. Пермский округ: часть Пермского, Соликамский, Чердынский, Оханский уезды. Заводы: Добрянский, Кыновский, Очерский, Средне-Рождественский, Кизеловский, Чермозской, Пожевской, Никитинский, Александровский, Юго-Камский, Лысьвенский, Кузье-Александровский, Бисерский, Теплогорский, Нытвенский, Чусовский, Архангело-Пашийский, Луньевские каменноугольные копи Демидова, каменноугольные копи на землях Всеволожских и Лазаревых, золотые промыслы и рудники в Чердынском уезде. Западный — Екатеринбургский округ: части Екатеринбургского, Пермского и Кунгурского уездов, Красноуфимский и Осинский уезды Пермской губернии. Заводы: Ревдинский, Мариинский, Бисертский, Шайтанские, Билимбаевские, Сергинско-Уфалейские, Кыштымские, Михайловский,

на Урале был возложен надзор «за частными горными заводами и промыслами, а также за соляной частью в Оренбургской губернии, а также Тургайской и Уральской областях», в результате был образован восьмой горный округ — Оренбургский южный⁵⁵.

С преобразования горного управления на Урале начался новый этап реформирования системы местного управления и надзора за горнозаводской промышленностью. Если прежде организовывались горные округа с горными инженерами, которые напрямую подчинялись Горному департаменту, то с этого времени на местах стали создаваться местные горные управления во главе с горными начальниками. Им предоставлялись «те же права, которыми обладал Главный начальник уральских горных заводов». Горные округа создавались на территории, подведомственной горному управлению, а окружные инженеры теперь уже подчинялись не Горному департаменту (хотя такие округа тоже сохранялись), а горному начальнику. С издания 1893 г. новой редакции «Горного устава» территория, подведомственная одному горному управлению, стала именоваться «горной областью».

8 февраля 1887 г. Александр III одобрил мнение Государственного совета «О преобразовании управления горной частью на Кавказе». «Управление горной частью на Кавказе и за Кавказом» стало «Управлением горной частью Кавказского края», а подведомственная ему территория была разделена на четыре горных округа с окружными инженерами⁵⁶. В Первый округ вошли Тифлисская и Кутаисская губернии (за исключением Сухумского округа), а также отдельный Закатальский округ; во Второй — Бакинская и Елисаветпольская губернии (исключая Зангезурский уезд); в Третий — Карская область, Эриванская губерния и Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии; в Четвертый — Ставропольская губерния, Кубанская, Терская и Дагестанская области, Сухумский округ Кутаисской губернии и отдельный Черноморский округ⁵⁷.

В 1888 г. были образованы Томское и Иркутское горные управления. К Томскому были отнесены Томская, Тобольская губернии, а также Енисейская без золотоносной Бирюсинской системы, а также Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области. К Иркутскому — Иркутская губерния, Бирюсинская золотоносная система Енисейской губернии, Якутская область и Приамурское генерал-губернаторство. В каждом из них было образовано по шесть горных округов⁵⁸. В Томском горном управлении: I. Тобольско-Акмолинский; II. Семипалатинско-Семиреченский; III. Томский; IV. Северно-Енисейский; V. Южно-Енисейский и VI. Ачинско-Минусинский горные округа⁵⁹.

Суксунские, Кнауфские. Уфимский округ: Уфимский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский уезды и часть Златоустовского Уфимской губернии; Стерлитамакский и Оренбургский уезды Оренбургской губернии. Заводы: Благовещенский, Воскресенский, Преображенский, Богоявленский, Верхотурский, Архангельский, Юрюзанские, Катавские, Симские, Белорецкие, Кагинские, Авзянопетровские, Ивано-Павловский и Каргалинские медные рудники. Верхотурский округ: Верхотурский уезд и часть Кунгурского Пермской губернии; Березовский уезд Тобольской губернии. Заводы: Нижнетагильские, Павдинский, Сосьвинский, Богословский округ; частные золотые промыслы на землях Гороблагодатского казенного округа, Вагранской, Лялинской, Северной и Южной Заозерских дач, Северной экспедиции и в Березовском уезде Тобольской губернии. Восточный — Екатеринбургский: часть Екатеринбургского уезда, Камышловский, Шадринский и Ирбитский уезды Пермской губернии. Заводы: Верх-Исетские, Сысертские, Невьянские, Алапаевские; рудники и золотые промыслы на казенных землях. Оренбургский округ: Миасские золотые промыслы и частные золотые промыслы в Челябинском, Троицком, Верхнеуральском и Орском уездах Оренбургской губернии и в Златоустовском уезде Уфимской губернии. (Распределение Уральских частных горных заводов и золотых промыслов на округа по числу учрежденных Окружных Инженеров // Горный журнал. 1886. № 6. Офиц. отдел. С. XXIII–XXVI.)

⁵⁵ ПСЗ III. Т. 10. Ч. 1. № 7336. В территорию округа вошли Уральская и Тургайская области, Оренбургский и Орский уезды Оренбургской губернии.

⁵⁶ ПСЗ III. Т. 7. № 4214.

⁵⁷ Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 89.

⁵⁸ ПСЗ III. Т. 8. № 4951.

⁵⁹ Тобольско-Акмолинский — Тобольская губерния (за исключением Березовского уезда) и Акмолинская область; Семипалатинско-Семиреченский — Семипалатинская и Семиреченская области; Томский — Томская губерния; Северно-Енисейский — северная часть Енисейского округа Енисейской губернии (северная система золотых промыслов); Южно-Енисейский — южная часть Енисейского округа (южная система), Красноярский и Канский округа Енисейской губернии, за исключением Бирюсинской системы; Ачинско-Минусинский — Ачинский и Минусинский округа Енисейской губернии (Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 89).

В Иркутском: I. Приморский; II. Амурский; III. Восточно-Забайкальский; IV. Западно-Забайкальский; V. Ленский и VI. Бирюсинский⁶⁰.

Законом 11 июня 1891 г. в г. Екатеринославе было учреждено Горное управление южной России⁶¹. В губерниях, подведомственных управлению (Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской, Бессарабской, Подольской, Киевской, Волынской и Черниговской), созданы четыре горных округа: I. Юго-Западный; II. Днепровско-Таврический; III. Харьковско-Бахмутский; IV. Луганский⁶².

В 1892 г. «Инструкцией по надзору за частною горной промышленностью» и «Положением о круге ведомства, правах и обязанностях должностных лиц и установлений местного горного управления»⁶³ были определены права и обязанности должностных лиц горных управлений и горных округов, а также была расписана структура горных округов. А в «Горном уставе» 1893 г. территории, подведомственные горным управлениям, стали именоваться «горными областями» (см. табл. 1).

14 марта 1894 г. законом «О преобразовании фабричной инспекции» произведен ряд изменений в структуре горных областей. Была образована Волжская горная область. В нее были включены территории Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской, Саратовской, Астраханской губерний, а также Гурьевского и Эмбенского уездов Уральской области. Для этого из состава Уральской горной области были выведены Казанская губерния, Гурьевский и Эмбенский уезды Уральской области; а из Замосковской — Нижегородская губерния. Волжская горная область была разделена на два горных округа — Средне-Волжский и Нижне-Волжский⁶⁴. Кроме того, к Замосковской горной области были присоединены Курская и Воронежская губернии, а к Южной горной области — Полтавская губерния⁶⁵.

Законом «Об усилении надзора за частной горной промышленностью и об учреждении штата Западного горного управления», принятым 16 января 1895 г., горная область Царства Польского была переименована в Западную горную область. В деревне Суходневе Келецкой губернии учреждено Западное горное управление. Из Курляндской, Ковенской, Гродненской, Виленской, Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Псковской губерний образована Северо-западная горная область. В этой области был образован один горный округ. Местное управление Северо-западной горной областью сосредоточено в Горном департаменте. В состав Северной горной области были включены Тверская и Вологодская губернии (без Никольского, Сольвычегодского, Яренского и Устьсысольского уездов, оставшихся в составе Уральской горной области)⁶⁶. В 1899 г. Северная область была разделена на два округа: С.-Петербурго-Олонецкий и Вологодско-Архангельский⁶⁷.

⁶⁰ Приморский — Приморская область и остров Сахалин; Амурский — Амурская область; Восточно-Забайкальский — Приамурский участок, приграниченный к Нерчинскому округу, Нерчинско-Заводский, Нерчинский, Читинский и Акшинский округа Забайкальской области; Западно-Забайкальский — Баргузинский, Верхнеудинский, Селенгинский и Троицкосавский округа Забайкальской области; Ленский — Олекминский округ Якутской области и Киренский округ Иркутской губернии; Бирюсинский — Бирюсинская система Канского округа Енисейской губернии, Нижнеудинский, Балаганский, Иркутский и Верхотенский округа Иркутской губернии. (Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 90).

⁶¹ ПСЗ III. Т. 11. № 7689.

⁶² Юго-Западный — Черниговская, Киевская, Волынская, Подольская, Бессарабская, Херсонская губернии, Одесское Градоначальство и Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губернии; Днепровско-Таврический — Таврическая губерния и Екатеринославский, Александровский и Ново-Московский уезды Екатеринославской губернии; Харьковско-Бахмутский — Павлоградский, Бахмутский и Мариупольский уезды Екатеринославской губернии и Харьковская губерния, за исключением Купянского и Старобельского уездов; Луганский — Славяносербский уезд Екатеринославской губернии, Купянский и Старобельский уезды Харьковской губернии (Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 87).

⁶³ ПСЗ III. Т. 12. № 9182; Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 87–95.

⁶⁴ Средне-Волжский — Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Пензенская губернии; Нижне-Волжский — Саратовская и Астраханская губернии, Гурьевский и Эмбенский уезды Уральской области.

⁶⁵ ПСЗ III. Т. 14. № 10420.

⁶⁶ ПСЗ III. Т. 15. № 11262.

⁶⁷ Лоранский А. М. Указ. соч. С. 171.

7 февраля 1900 г. Николай II утвердил мнение Государственного Совета о передаче частной горной промышленности в Области войска Донского в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. Это позволило учредить Юго-Восточную горную область с горным управлением в г. Новочеркасске. В состав Области вошли Область войска Донского, Воронежская, Саратовская и Астраханская губернии, а также Гурьевский и Эмбенский уезды Уральской области. Область разделена на три округа с окружными инженерами и помощниками (распределение округов см. табл. 2)⁶⁸.

Неохваченной горными областями осталась Средняя Азия, подчиненная военному генерал-губернатору. В 1886 г. чиновнику особых поручений по горной части при генерал-губернаторе были присвоены права окружного инженера⁶⁹. В 1890 г. аналогичные права были предоставлены чиновнику по горной части при начальнике Закаспийской области⁷⁰. Таким образом, фактически было образовано два горных округа — Туркестанский и Закаспийский, что и было зафиксировано в перечне горных округов 1892 г.⁷¹ В 1895 г. был образован единый Туркестанский горный округ⁷².

В результате к концу 1900 г. вся территория Российской империи (исключая Великое княжество Финляндское) оказалась разделена на 11 горных областей и 53 горных округа. Структура горных областей и округов представлена в таблице 2, границы горных областей — на рисунке 12 (см. ч/б вклейку). Напомню, что горные округа являлись административно-территориальными единицами по надзору за частной промышленностью, поэтому полномочия окружных инженеров не распространялись на казенные горные предприятия. Кроме того, вне этой системы оставались предприятия, подведомственные Министерству императорского двора, — Алтайский округ и Нерчинские заводы.

Таблица 2

Горные области и горные округа Российской империи на 1900 г.*

Горная область	Местопребывание окружного инженера / его помощника	Наименование губерний, уездов и проч., входящих в состав горных округов
Уральская горная область		
Вятский	Вятка	Все уезды Вятской губернии и Кувинский заводской округ Соликамского уезда Пермской губернии
Чердынский	с. Усолье Соликамского уезда	Чердынский и Соликамский (кроме Кувинского заводского округа) уезды Пермской губернии
Пермский	Пермь	Уезды: Пермский (за исключением дачи Серебрянского завода), Оханский, Осинский Пермской губернии и дача Кыновского завода (Кунгурского уезда)
Северо-Верхотурский	Богословский завод	Северная часть (к северу от границы Нижне-Туринской дачи и р. Туры) Верхотурского уезда Пермской губернии; Березовский уезд Тобольской губернии
Южно-Верхотурский	Кушва	Южная часть Верхотурского уезда (к югу от р. Туры), Ирбитский уезд и дача Серебрянского завода в Кунгурском уезде Пермской губернии

⁶⁸ ПСЗ III. Т. 20. № 18117.

⁶⁹ ПСЗ III. Т. 6. № 3814. Штат управления Туркестанского края. Примечание 10.

⁷⁰ ПСЗ III. Т. 10. № 6576.

⁷¹ Инструкция по надзору за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1892. № 6. Офиц. отдел. С. 88.

⁷² Определение границ трех горных округов, образованных на основании Высочайше утвержденного 16 января 1895 г. мнения Государственного Совета об усилении надзора за частной горной промышленностью // Горный журнал. 1895. № 1. Офиц. отдел. С. 10.

Продолжение Таблицы 2

Северо-Екатеринбургский	Екатеринбург	Части Екатеринбургского и Красноуфимского уездов Пермской губернии в пределах Верх-Исетского, Невьянского, Уткинского (Строгоновых) заводских округов, Уткинской и Монетной казенных дач
Западно-Екатеринбургский	Екатеринбург	Часть Екатеринбургского уезда (в пределах Кыштымского заводского округа); Красноуфимский уезд (за исключением: Сылвинского и Шайтанского заводов Верх-Исетского округа, Бисертского завода Ревдинского округа и Уткинского завода Строгонова) и Кунгурский уезд (за исключением дач Кыновского и Серебрянского заводов) Пермской губернии
Южно-Екатеринбургский	Екатеринбург	Части Екатеринбургского и Красноуфимского уездов (в пределах Сысертского, Ревдинского, Шайтанского (Берга), Билимбаевского заводских округов и казенных дач: Березовской, Нижнеисетской и Каменской), Шадринский и Камышловский уезды Пермской губернии
Уфимский	Уфа	Уфимская губерния
Миасский	Миасс	Троицкий и Челябинский уезды Оренбургской губернии
Верхнеуральский	Верхнеуральск	Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии
Оренбургский	Оренбург	Оренбургский и Орский уезды Оренбургской губернии; Тургайская и Уральская области, за исключением Гурьевского и Эмбенского уездов
Западно-Сибирская горная область		
Тобольско-Акмолинский	Омск	Тобольская губерния, за исключением Березовского уезда, и Акмолинская область
Семипалатинско-Семиреченский	Семипалатинск	Семипалатинская и Семиреченская области
Томский	Томск	Томская губерния
Северно-Енисейский	Енисейск	Северная часть Енисейского округа Енисейской губернии (северная система золотых промыслов)
Южно-Енисейский	Енисейск / Красноярск	Южная часть Енисейского округа (южная система), Красноярский и Канский округа Енисейской губернии, за исключением Бирюсинской системы
Ачинско-Минусинский горный округ	село Каратуз Минусинского округа	Ачинский и Минусинский округа Енисейской губернии
Восточно-Сибирская горная область		
Приморский	Хабаровск / Николаевск-на-Амуре	Приморская область и остров Сахалин
Амурский	Благовещенск	Амурская область, а также часть Якутской области, ограниченная: с юга — граница Якутского округа с Амурской и Приморской областями — от границы Олекминского и Якутского округов с Амурской областью до водораздела между бассейнами р. Учур и Май; на востоке и севере — тем же водоразделом до впадения в р. Учур р. Кыныма, течением этой реки до ее истока, отсюда линией, идущей через устье р. Чуги, впадающей в р. Алдан, и далее до границы Олекминского округа, и на западе — границей Олекминского и Якутского округов до границы Амурской области

Продолжение Таблицы 2

Восточно-Забайкальский	Нерчинск	Приамурский участок, приграниченный к Нерчинскому округу, Нерчинско-Заводский, Нерчинский, Читинский и Акшинский округа Забайкальской области
Западно-Забайкальский	Верхнеудинск	Баргузинский, Верхнеудинский, Селенгинский и Троицкосавский округа Забайкальской области
Ленский	Один из приисков по системе реки Витима / Мачинская Резиденция Олекминского округа Якутской области	Олекминский округ Якутской области и Киренский округ Иркутской губернии
Бирюсинский	Нижнеудинск / Иркутск	Бирюсинская система Канского округа Енисейской губернии, Нижнеудинский, Балаганский, Иркутский и Верхоленский округа Иркутской губернии
Кавказская горная область		
I округ	Кутаис / сел. Чиатуры Шоропанского уезда Кутаисской губернии	Тифлисская губерния и Кутаисская, за исключением Сухумского Округа, и отдельный Закатальский Округ
II округ	Баку	Бакинская губерния и Елисаветпольская, за исключением Зангезурского уезда
III округ	Эриван	Карская область, Эриванская губерния и Зангезурский уезд Елисаветпольской губернии
IV округ	Владикавказ	Ставропольская губерния, Кубанская, Терская и Дагестанская области, Сухумский округ Кутаисской губернии и отдельный Черноморский округ
Горная область южной России		
Юго-Западный	Одесса / Киев	Черниговская, Киевская, Волынская, Подольская, Бессарабская и Херсонская (за исключением Херсонского и Александрийского уездов)
Екатеринославский	Екатеринослав / Кривой Рог	Павлоградский, Новомосковский, Екатеринославский, Александровский и Верхнеднепровский уезды Екатеринославской губернии; Херсонский и Александрийский уезды Херсонской губернии
Таврический	Симферополь	Таврическая губерния
Харьково-Полтавский	Харьков / Харьков	Полтавская и Харьковская губернии (кроме Старобельского уезда); Бахмутский уезд Екатеринославской губернии (за исключением волостей: Гришинской, Андреевской, Селидовской, Голицинской, Григорьевской, Авдеевской, Скотовской, Архангельской и Воровской)
Луганский	Луганск	Славносербский уезд Екатеринославской губернии; Старобельский уезд Харьковской губернии
Бахмутский	Мариуполь / Юзовка	Мариупольский уезд Екатеринославской губернии и нижеследующие волости Бахмутского уезда той же губернии: Гришинская, Андреевская, Селидовская, Голицинская, Григорьевская, Авдеевская, Скотовская, Архангельская и Воровская

Продолжение Таблицы 2

Западная горная область		
Домбровский	Домброво Бендинского уезда	Часть Бендинского уезда Петроковской губернии, лежащая по восточную сторону линии Варшавско-Венской железной дороги, до пределов горнопромышленного имения Сельце, а затем — северной и восточной границ сего последнего
Бендинский	Бендин	Часть Бендинского уезда Петроковской губернии, лежащая по западную сторону от линии Варшавско-Венской железной дороги, до пределов горнопромышленного имения Сельце, а затем северной и восточной границ последнего
Ченстоховский	Ченстохов	Калишская и Петроковская губернии (за исключением Бендинского уезда)
Келецкий	Кельцы	Келецкая губерния
Радомский	Радом	Радомская губерния
Люблинско-Варшавский	Люблин	Люблинская, Седлецкая, Ломжинская, Сувальская, Варшавская и Плоцкая губернии
Замосковная горная область		
Московско-Рязанский	Москва / Рязань	Московская, Рязанская губернии
Владимирский	Владимир	Владимирская губерния
Калужско-Смоленский	Калуга	Калужская, Смоленская губернии
Тамбово-Пензенский	Тамбов / Пенза	Тамбовская, Пензенская губернии
Орловско-Тульский	Орел / Тула	Орловская, Курская, Тульская губернии
Северная горная область		
С.-Петербурго-Олонецкий	С.-Петербург	Петербургская, Новгородская. Псковская, Тверская и Олонецкая губернии
Вологодско-Архангельский	Вологда / Архангельск	Вологодская, Ярославская и Архангельская губернии
Северо-Западная горная область		
Северо-Западный горный округ	Ревель / Гродно	Курляндская, Эстляндская, Лифляндская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская губернии
Волжская горная область		
Средне-Волжский	Нижний Новгород / Самара, Симбирск	Костромская, Нижегородская, Самарская, Симбирская, Казанская губернии

Продолжение Таблицы 2

Юго-восточная область		
Таганрогско-Макеевский	Таганрог / пос. Дмитриевка Макеевской волости	Таганрогский округ Области войска Донского, за исключением волостей: Андреевской, Бобриковской, Грабовской, Дарьевской, Дьяковской, Есауловской, Краснянской, Картушинской, Криничанской, Нагольно-Тарасовской, Новопавловской, Павловской, Петровской, Ребриковской и Ровенецкой
Воронежско-Донской	Ростов-на-Дону / Александровск-Грушевский	Воронежская губерния; Ростовский уезд Области войска Донского и все округа Области, кроме Таганрогского округа, из него в состав округа входят волости: Андреевская, Бобриковская, Грабовская, Дарьевская, Дьяковская, Есауловская, Краснянская, Картушинская, Криничанская, Нагольно-Тарасовская, Новопавловская, Павловская, Петровская, Ребриковская и Ровенецкая
Астраханско-Саратовский	Астрахань / Саратов	Астраханская и Саратовская и уезды Гурьевский и Эмбенский Уральской области
Вне системы горных областей		
Туркестанский	Ташкент	Туркестанское генерал-губернаторство без Семипалатинской области

* Составлено по: Устав горный // СЗ РИ. СПб., 1893. Т. VII. Горный устав. Ст. 17, 18; Горный журнал. 1897. № 10. Офиц. отдел. С. 206–207; Горный журнал. 1899. № 12. Офиц. отдел. С. 429–434; Горный журнал. 1900. № 3. Офиц. отдел. С. 91; Горный журнал. 1900. № 5. Офиц. отдел. С. 136–137; Горный журнал. 1900. № 6. С. 147; Горный журнал. 1900. № 11. Офиц. отдел. С. 254.

Итак, география горнозаводской промышленности, представленная в законодательстве Российской империи, в XIX в. прошла три этапа развития. Их можно назвать «этапом отделений» (начало XIX в.), «этапом разрядов» (1830 — 1850-е гг.) и «этапом горных областей» (конец XIX в.). Третий этап распадается на два подэтапа — создания горных округов по надзору за частной промышленностью и образования горных областей. С каждым последующим этапом она охватывала все большее пространство, а выделяемые территориальные образования все больше унифицировались по своему устройству. Если на первом этапе «отделения» не имели четко обозначенных границ (за исключением Урала), более того, одно отделение (заводы Олонецкие и Луганские) не являлось единым территориальным образованием; то на втором этапе локализация «разрядов» была зафиксирована достаточно ясно; а на третьем была введена единая двухуровневая структура территориальных образований, состоящая из горных областей и горных округов. Горные области охватили практически все пространство Российской империи. Вне их оставались только территории, подведомственные Министерству Императорского двора (Алтайский и Нерчинский округа), Военному министерству (Туркестанское генерал-губернаторство, но там был создан Туркестанский горный округ), а также Финляндия.

Эти изменения в карте горнозаводской промышленности хорошо сопрягаются с теми процессами, которые принято ассоциировать с модернизацией. Во-первых, происходит унификация законодательства: закон из указа, адресованного конкретному субъекту или локальному образованию, превращается в нормативный акт, действие которого становится обязательным на всей территории государства. Во-вторых, происходит унификация и бюрократизация управления: на всем пространстве страны создается одинаковая структура надзора за частной горной промышленностью. В-третьих, процесс индустриализации охватывает все большие территории, потребность растущей промышленности в минеральном сырье и минеральных источниках энергии приводит к распространению горного промысла на все пространство страны. Не случайно быстрое

(в течение полутора десятков лет) создание системы горных областей совпало с бурным ростом горнозаводской промышленности 1890-х гг. В начале XX в. в составе округов, границах горных областей произошел ряд изменений, но принципы организации горнозаводской промышленности остались прежними.

REFERENCES

- Agafonova N. N. [Organization of management in the Perm Stroganov estates in the first half of the 19th century]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 1996, no. 3, pp. 173–182. (In Russian).
- Alevras N. N. [Mining District]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000, p. 159. (In Russian).
- Arsentiev N. M. *Moskovskoye gornoye pravleniye v istorii rossiyskoy industrializatsii* [Moscow mining administration in the history of Russian industrialization]. Saransk: Izd. tsentr InStitut Publ., 2019. (In Russian).
- Arsentiev N. M. *Zamoskovnyy gornyy okrug: zavodovladel'tsy i rabochiye* [Zamoskovny mining district: factory owners and workers]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 1994. (In Russian).
- Arsentiev N. M., Dubodel A. M. *Promyshlennaya Rossiya pervoy poloviny XIX veka: Zamoskovnyy gornyy okrug v planakh i chertezhakh* [Industrial Russia of the first half of the 19th century: Zamoskovny mining district in plans and drawings]. Moscow: Nauka Publ., 2004. (In Russian).
- Babarykin B. V., Perezhogin A. A. *Spravochnik lichnogo sostava chinovnichestva Altaya (1747–1917)*. [Handbook of the personnel of the Altai bureaucracy (1747–1917)]. Barnaul: AltGPU Publ., 2017. (In Russian).
- Borblik E. M. [Altai officialdom of in the second half of the 18th century: service and life]. *Altayskiy sbornik* [Altai collection]. Barnaul: GIPP "Altai" Publ., 1995, iss. 16, pp. 189–195. (In Russian).
- Borblik E. M. [Territorial and administrative structure of the Kolyvano-Voskresensky mining district in the 18th century]. *Voprosy istorii dorevolutsionnoy Sibiri* [Problems of the history of pre-revolutionary Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1983, pp. 25–35. (In Russian).
- Dashkevich L. A., Bugaeva S. Ya. *Tekhnicheskaya intelligentsiya gornozavodskogo Urala. XIX vek* [Technical intelligentsia of the mining Urals. 19th century]. Ekaterinburg: BKI Publ., 1997. (In Russian).
- General ot metallurgii Pavel Anosov: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya* [General from Metallurgy Pavel Anosov: To the 200th anniversary of his birth]. Ekaterinburg: Izd-vo Ur. un-ta Publ., 1999. (In Russian).
- Gornaya enciklopediya: v 5 t.* [Mining Encyclopedia: in 5 vols.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1984, vol. 2. (In Russian).
- Grishaev V. F. *Altayskiye gornyye inzheneriy* [Altai Mining Engineers]. Barnaul: Den' Publ., 1999. (In Russian).
- Guskova T. K. *Nizhnetagil'skiy gornozavodskoy okrug Demidovykh vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. Zavody. Rabochiye* [The Nizhny Tagil mining district of the Demidovs in the second half of the 19th — early 20th century. Factories. Workers]. Nizhny Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya Publ., 2007. (In Russian).
- Guskova T. K. *Zavodskoye khozyaystvo Demidovykh v pervoy polovine XIX veka* [The Demidovs' factory economy in the first half of the 19th century]. Chelyabinsk: Chelyab. dom pechaty Publ., 1995. (In Russian).
- Kafengauz B. B. *Istoriya khozyaystva Demidovykh v XVIII–XIX vv.: Opyt issledovaniya po istorii Ural'skoy metallurgii* [The history of the Demidovs' economy in the 18th–19th centuries: Research experience on the history of the Ural metallurgy]. Moscow; Leningrad: Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR Publ., 1949, vol. 1. (In Russian).
- Korepanov N. S. [Ural Mining Administration in the 18th — early 20th century: Historical Experience]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 1996, no. 3, pp. 215–229. (In Russian).
- Krichevtsev M. V. [Management of the Bogoslovsky Mining District in 1791–1796. (Experience in the implementation of the cabinet system of economic management)]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 1996, no. 3, pp. 79–90. (In Russian).
- Manin V. A. *Evolutsiya gornozavodskogo zemel'nogo zakonodatel'stva Rossii vo vtoroy polovine XVII — pervoy polovine XVIII veka* [Evolution of mining land legislation in Russia in the second half of the 17th — first half of the 18th century]. Surgut: Izd-vo SurGU Publ., 2006. (In Russian).

Manin V. A. *Formirovaniye gornozavodskogo zemel'nogo zakonodatel'stva Rossii vo vtoroy polovine XVII–XVIII vekov* [Formation of mining land legislation in Russia in the second half of the 17th–18th centuries]. Ekaterinburg: Ural'skaya akad. gos. sluzhby Publ., 2008. (In Russian).

Melchakova O. A. [Management personnel and the population of Nizhny Tagil factories: causes of conflict situations (based on the 1790s unrest)]. *Ural v proshlom i nastoyashchem* [The Urals in the past and present]. Ekaterinburg: NISO UrO RAN; BKI Publ., 1998, part 1, pp. 286–290. (In Russian).

Mukhin V. V. [Mining Administration]. *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2000, p. 154. (In Russian).

Neklyudov E. G. [Creation of professional mining supervision in the Russian Empire in the second half of the XIX — early XX century]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Russian Journal of Economic History], 2019, vol. 15, no. 1 (44), pp. 34–45. DOI: 10.15507/2409-630X.044.015.201901.034-045. (In Russian).

Neklyudov E. G. [Forgotten reform of mining industry in the 1860s: conception and implementation]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 1, pp. 59–68. (In Russian).

Neklyudov E. G. [Mining supervision reform in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries: projects and their implementation]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, no. 2 (198), pp. 181–196. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.2.031. (In Russian).

Neklyudov E. G. [The mining industry in Russia of the second half of the 19th — early 20th century: the choice of an organizational model]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2020, no. 1 (66), pp. 93–102. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-93-102. (In Russian).

Neklyudov E. G. *Gornaya reforma v Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.: ot zamysla k realizatsii* [Mining reform in Russia in the second half of the 19th — early 20th century: from concept to implementation]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. (In Russian).

Neklyudov E. G. *Posessionnoye pravo v istorii ural'skoy gornozavodskoy promyshlennosti XIX — nachala XX v.* [Possession law in the history of the Ural mining industry in the 19th — early 20th century]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011. (In Russian).

Novikov I. A. *Sistema upravleniya gornozavodskoy promyshlennost'yu Urala v XVIII — pervoy polovine XIX v. Stanovleniye i razvitiye* [Management system of the Ural Mining Industry in the 18th — first half of the 19th century. Formation and development]. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabin. gos. ped. un-ta Publ., 2004. (In Russian).

Pashkov A. M. [Foreign specialists at the Olonets mining plants in the second half of the 18th — first quarter of the 19th century]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2006, no. 4, pp. 46–54. (In Russian).

Perezhogin A. A. *Chinovnichestvo Altaya (1747–1871 gg.): spravochnik lichnogo sostava* [Officialdom of Altai (1747–1871): a handbook of personnel]. Barnaul: Azbuka Publ., 2012. (In Russian).

Perezhogin A. A. *Voyenizirovannaya sistema upravleniya Kolyvano-Voskresenskogo (Altayskogo) gornogo okruga (1747–1871 gg.)* [Militarized management system of the Kolyvano-Voskresensky (Altai) mining district (1747–1871)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta Publ., 2005. (In Russian).

Prokofieva T. G. [From the history of the Verkh-Isetsky factories district in the first quarter of the 19th century]. *Iz istorii zavodov i fabrik Urala* [From the history of plants and factories of the Urals]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye kn. izd-vo Publ., 1960, iss. 1, pp. 74–82. (In Russian).

Shkerin V. A. *General Glinka. Lichnost' i epoha* [General Glinka. Personality and epoch]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2006. (In Russian).

Soboleva T. N., Razgon V. N. *Ocherki istorii kabinetnskogo khozyaystva na Altaye (vtoraya polovina XVIII — pervaya polovina XIX v.): Upravleniye i obsluzhivaniye* [Essays on the history of the cabinet economy in Altai (second half of the 18th — first half of the 19th century): Management and maintenance]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta Publ., 1997. (In Russian).

Tulisov E. S. *Istoriya upravleniya gornozavodskoy promyshlennost'yu Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov* [The history of management of the mining industry of the Urals at the turn of the 18th and 19th centuries]. Ekaterinburg: IliA UrO RAN Publ., 1999. (In Russian).

Vedernikov V. V. *Gornye inzheneriy na Altae v 1747–1896 gg.* [Mining engineers in Altai in 1747–1896]. Barnaul: B.i., 2005. (In Russian).

Zablotsky E. M. Gornoye vedomstvo dorevolyutsionnoy Rossii: ocherk istorii: biograficheskiy slovar' [Mining Department of pre-revolutionary Russia: Essay of history: a biographical dictionary]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2014. (In Russian).

Zubkov K. I., Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V., Tulisov E. S. Territorial'no-ekonomicheskoye upravleniye v Rossii XVIII — nachala XX veka. Ural'skoye gornoye upravleniye [Territorial and economic management in Russia in the 18th — early 20th century. Ural Mining Administration]. Moscow: Nauka Publ., 2008. (In Russian).

УДК 94(47)"19/20":332.1

Круглов Владимир Николаевич

к.и.н., старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Центр социальной истории России), научный редактор журнала «Российская история» (Россия, Москва)

ORCID: 0000-0003-0255-7710

E-mail: vladimirkruglov2007@yandex.ru

**Экономическое районирование как фактор
административно-территориального деления России в XX–XXI вв.**

АННОТАЦИЯ. В данном материале проблематика экономического районирования рассмотрена применительно к вопросу о территориальной организации России. Зародившись концептуально еще во второй половине XIX в., в 1920-е гг. районирование было избрано новым политическим режимом, поставившим задачу коренной ревизии пространственного устройства, для организации на ее основе нового, хозяйственно-управленческого деления. Однако разработанная программа преобразований очень быстро оказалась политизирована и поставлена на службу задачам борьбы за власть и упрочение положения. Само же новое деление не просуществовало долго, исчезнув с карты страны уже спустя десятилетие — к концу 1930-х гг. Несмотря на это, научные исследования в данной сфере продолжались, в начале 1960-х гг. была создана сетка экономических районов СССР, действующая до сих пор в той части, что осталась на территории современной России. Кроме того, опыт 1920-х гг. не утратил привлекательности для новых поколений ученых, прежде всего экономистов-географов. Уже в 1970–1980-е гг. звучали призывы вернуться к нему, а в 1990–2000-е гг. он неоднократно рассматривался в качестве предпочтительного варианта переустройства системы управления российскими регионами. Возможна актуализация идеи экономического районирования (в том или ином виде) и в будущем. В то же время реалистичность и желательность такого варианта развития событий по комплексу причин вызывает сомнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическое районирование, административно-территориальное деление, РСФСР, политическая история XX века, общественно-политическая дискуссия.

UDC 94(47)"19/20":332.1

Vladimir N. Kruglov

candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; editor, "Russian History" journal (Russia, Moscow)

ORCID: 0000-0003-0255-7710

E-mail: vladimirkruglov2007@yandex.ru

**Economic zoning as a factor
of russia's administrative-territorial division in the 20th–21st centuries**

ABSTRACT. The article is concerned with the problem of economic zoning in relation to the territorial organization of Russia. Having originated conceptually in the second half of the 19th century, in the 1920s zoning was chosen by a new political regime, which set the task of a radical revision of the spatial structure to create on its basis a new territorial division. However, the reform very quickly got politicized and put at the service of the struggle for power and consolidation of the position. The new division itself did not last long, disappearing from the map of the country a decade later, by the end of the 1930s. Despite this, scientific research in this area continued, in the early 1960s a grid of economic regions of the USSR was introduced, which is still operating in the part that remained on the territory of modern Russia. In addition, the experience of the 1920s has not lost its appeal with new generations of scientists, primarily economists and geographers. Already in the 1970s and 1980s, there were calls for return to it, and in the 1990s and 2000s it has been repeatedly considered as the preferred option for restructuring the territorial division of Russian regions. It is possible to actualize the idea of economic zoning (in one form or another) in the future. However, the realism and desirability of such a scenario for a number of reasons is questionable.

KEYWORDS: economic zoning, administrative-territorial division, RSFSR, political history of the 20th century, socio-political discussion.

Экономическое районирование — важная составляющая изучения пространств и регионов, задача которой — выявление территориальной структуры производительных сил и взаимосвязей между ее составляющими путем выделения экономических районов, характеризующихся четко выраженной хозяйственной специализацией¹. Это сфера прежде всего научная, исследовательская. Однако на определенном этапе отечественной истории районирование оказалось использовано в качестве основы административно-территориального деления (АТД) страны, то есть экономические районы получили управленческие функции. Это один из немногих примеров применения научных разработок для реорганизации системы государственной власти (а в ее пространственном аспекте и во все единственный) и потому привлекает внимание ученых — как отечественных, так и зарубежных. Первые, как правило, рассматривают его либо в общей канве территориальных преобразований советского режима², либо в качестве не столько примера сотрудничества власти и науки, сколько объекта и жертвы политической борьбы³. Для вторых районирование в целом занимает второстепенное положение, видится в качестве фоновой инициативы, составлявшей неудачную конкуренцию более успешному проекту советского национально-государственного строительства⁴.

Как самостоятельная тема оно находится на периферии исторических исследований. Внимание прежде всего привлекает период его внедрения (конец 1910-х — начало 1930-х гг.), дальнейшая же судьба затрагивается редко. Между тем проблематика вовсе не потеряла актуальности с отказом от результатов ее воплощения. Дискуссии на эту тему многие годы велись на страницах научных изданий, а в период политических реформ переключались на страницы публицистики, в общественно-политическую сферу, становились основой проектов переустройства АТД страны. До сих пор необходимость реформ в региональной сфере обосновывается с использованием прежде всего социально-экономической аргументации, из чего можно заключить, что потенциал экономического районирования не исчерпан. В этой связи представляется важным проследить его судьбу на длительном историческом отрезке, с тем чтобы уяснить его место в ряду концепций организации территории России.

В середине XIX в., на фоне постепенного ускорения экономического развития, а также формирования достаточно широкой интеллектуальной среды, началось активное изучение экономической географии и производительных сил Российской империи, становление статистической науки⁵. В то же время структура АТД не реагировала на экономические реалии. Постепенно сложилась

¹ Шувалов В. Е. Экономическое районирование // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4927286> (дата обращения: 01.05.2022).

² Саломаткин А. С. Административно-территориальное устройство Российской Федерации. Вопросы теории и практики. М., 1995; Исляев Р. А. Административно-территориальное устройство Советской России и СССР. СПб., 2002; Административно-территориальное устройство России: история и современность. М., 2003; Шульгина О. В. Историческая география России XX века: социально-политические аспекты. М., 2003; Шишков М. К. Административно-территориальное устройство и территориальные основы местного самоуправления субъектов Российской Федерации (на примере Самарской области). Самара, 2004; Тархов С. А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос: философско-литературный журнал. 2005. № 1. С. 65–101; Административные реформы в России: история и современность. М., 2006; Шумейко В. Ф. Россия: от унитарного к федеративному государству. Исторические, ментальные и политические корни российского федерализма: курс лекций. М., 2006; Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012; и др.

³ Кушнир А. Г. Демократическая альтернатива середины 20-х годов: реформы системы управления в Советской России. М., 1989; Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск, 2000; Усягин А. В. Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт. Н. Новгород, 2005; Иванова Е. А. Административно-территориальная реформа в РСФСР и ее влияние на социальное, экономическое и культурное развитие Западной области (1918–1937). Смоленск, 2009; Саран А. Ю. Большая Орловщина. История административных границ (1566–2012). Орёл, 2013. С. 50–51; Карелин Е. Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М., 2014.

⁴ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000; Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Хирш Ф. Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М., 2022.

⁵ См.: Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 417–419.

ситуация, при которой иные города — опорные точки управления на местах (как центры губерний и уездов) — оказывались мельче и уступали по численности населения торгово-промышленным поселениям. Последние становились точками притяжения для прилегающих районов и приобретали порой всероссийское значение, но не получали статуса административных центров и по-прежнему числились селами (а их население считалось сельскими жителями)⁶.

Исследование экономики («народного хозяйства») и ее влияния на жизнь и развитие страны и населения шло с учетом этого факта. При этом в виду имелись разные цели. Например, для публициста Н. П. Огарёва представляли первостепенную важность проблемы организации революционного движения. Считается, что именно он первым представил методологию районирования (социальный анализ частей страны, выявление специфики их производительных сил, учет природных условий и этнического состава населения). Он также постулировал идею объективного существования «и впервые предложил принципы выделения интегральных экономических районов, охватывающих хозяйство и природу в их сочетании»⁷. Впоследствии эта мысль стала основной в работах на темы районирования. Более того, утверждалось даже, что конфигурация экономических районов и сетка АД не могут совпадать в принципе. Другим общим местом исследований стала забота об «обеспечении народном». Одни авторы (К. И. Арсеньев, К. С. Веселовский, П. П. Семёнов-Тян-Шанский и др.) считали первостепенным уровень развития ведущей отрасли экономики — сельского хозяйства⁸. Другие (П. Крюков, Д. И. Менделеев и проч.) ориентировались на промышленность: наличие ресурсов, техническое состояние производства, степень распространения передовых технологий и т. д.⁹

На рубеже XIX–XX вв. началось складывание «новой географии», то есть науки о пространственных взаимосвязях. Мир понимался как совокупность регионов — «областей», отличающихся внутренним единством, объединяемых природными, климатическими, рельефными и прочими особенностями, условиями хозяйствования, ресурсной обеспеченностью и т. д. Важным постулатом стала «естественность» границ этих регионов, не сковываемая административными барьерами, существующая поверх и вне политических условностей¹⁰. Специфическим подвидом этой науки стала экономическая география, в поле зрения которой находился пространственный аспект «народного хозяйства». Ее представители (Д. И. Рихтер, А. Н. Челинцев и др.) делали упор на аграрную сферу, которая, по их мнению, являлась главным двигателем хозяйственного освоения территории страны. «Нужно найти однообразные местности, которые могли бы характеризоваться однородными чертами строя сельского хозяйства», потому что «типы организации» такового локализованы географически в тех или иных местах в соответствии с природными, исторически сложившимися техническими и прочими условиями. Каждую такую местность следует рассматривать как единое целое, которое и должно являться «объектом политики». На сходных позициях стояли и такие выдающиеся экономисты, как Н. Д. Кондратьев, А. Я. Чаянов и др. Эти авторы получили общее название «генетиков», а их метод — «генетического» (или «познавательного»)¹¹.

По отношению к актуальному АД ученые в целом заняли критическую позицию. Если в начале XIX в. профессор Петербургского университета, автор учебников по географии России Е. Ф. Зябловский полагал, что выделение районов в ходе научного исследования может привести к «хаосу», и предлагал придерживаться того, что установлено «от правительства», то уже

⁶ Подробнее см.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 71–76.

⁷ Голубчик М. М. Идеи Н. П. Огарёва об экономическом районировании и современные проблемы территориального разделения труда в Российской Федерации // Вестник Мордовского университета. 1997. № 2/3. С. 100–105.

⁸ Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1819; Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848; Семёнов-Тян-Шанский П. П. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880.

⁹ Крюков П. Карта промышленности России. СПб., 1853; Менделеев Д. И. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893.

¹⁰ Подробнее см.: Лоскутова М. В. «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 93–97.

¹¹ Подробнее см.: Меерович М. Г. «Генетики» и «телеологи» — дискуссия о районировании СССР // Архитектон: известия вузов. 2012. № 4. С. 63–79. URL: http://archvuz.ru/2012_4/8/ (дата обращения: 01.05.2022).

к середине века возобладало представление о необходимости независимого научного изучения обширных пространств страны. Веселовский в своих статистико-картографических работах игнорировал губернские границы в пользу естественных признаков (климат, типы почв и т. д.)¹². Семёнов-Тян-Шанский ориентировался на размещение населения и критиковал сетку губерний за усреднение цифр, маскирующее «иногда весьма резкие контрасты в населенности частей» таковых. В качестве альтернативы он предложил 14 «естественных областей», каждая из которых обладает своими типическими чертами (прежде всего природно-хозяйственными)¹³. «Числовой» принцип дробления территории видел в качестве единственного соображения власть предрежащих его сын, статистик и географ В. П. Семёнов-Тян-Шанский. Он пришел к заключению о «случайности и искусственности» официального деления на губернии и уезды, его несоответствии физико-географическим условиям и реальному положению дел¹⁴ (его особенно поразило то, что такие крупные промышленные центры, как Иваново-Вознесенск и Орехово-Зуево, не являлись центрами ни губернии, ни даже уезда). Ученый «решил твердо произвести в своем опыте полную статистическую революцию и навсегда отказаться, при установлении торгово-промышленных районов, от каких бы то ни было губернских и уездных границ»¹⁵. Об искусственности административных границ писал видный этнограф и краевед В. В. Богданов¹⁶.

Можно сказать, что в начале XX в. «демократическая» идея экономического районирования стала вектором движения научной мысли, предпочтительным вариантом ухода от «механистической, централизованной и бюрократизированной системы» официального АД. Неслучайно именно в этом духе виделась его реорганизация после падения монархии. Особая комиссия Временного правительства по подготовке территориальных реформ разработала проект создания на месте прежних губерний Российской империи 21 области. Каждая из них должна была основываться на определенном региональном рынке (которые к тому времени уже выделили и систематизировали ученые), главным условием выступала способность существовать в условиях самостоятельности и самоокупаемости, регулировать и комплексно развивать свое «народное хозяйство»¹⁷. Правда, осуществление плана откладывалось до созыва Учредительного собрания, однако магистральное направление все же обозначили.

Оно, как «рамочная идея», очень подошло пришедшим к власти большевикам. Те, оказавшись «на коне» во многом неожиданно и ситуативно, не имели проработанного плана преобразований. Их лидер и главный идеолог В. И. Ульянов (Ленин) задолго до 1917 г. высказывался в отношении «царского» АД в схожем с экономистами-географами духе, решительно отвергая его «средневековые, крепостнические, казенно-бюрократические» принципы: «Не может быть и речи ни о какой сколько-нибудь серьезной местной реформе в России без уничтожения этих делений и замены их действительно "современными", действительно отвечающими требованиям не казны, не бюрократии, не рутины, не помещиков, не попов, а капитализма делениями»¹⁸. Однако конструктивной альтернативы он предложить не смог, будучи уверен, что все расставят по своим местам «пролетарская революция» и ее неперенный спутник — «живое творчество масс».

Реальность, впрочем, оказалась иной, и к ней приходилось приноравливаться. VIII съезд РКП(б) (март 1919 г.) принял новую программу партии, которая определила задачи «на переходный период от капитализма к социализму». Если ранее осуществление коммунистических идеалов предполагало уничтожение государства как аппарата подавления, то теперь «коммунистическое строительство» планировалось вести как раз посредством государства. Но это должна была быть структура нового типа, основанная на принципе диктатуры пролетариата, — вплоть до того, что «основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная

¹² Подробнее см.: Черницова О. В. Константин Степанович Веселовский. К 200-летию со дня рождения // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 1. С. 120–123.

¹³ Подробнее см.: Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования. М., 2006. С. 74–82.

¹⁴ Семёнов-Тян-Шанский В. П. Город и Деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 44–48.

¹⁵ Цит. по: Полян П. М. Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский, 1870–1942. М., 1989. С. 42.

¹⁶ См.: Лоскутова М. В. Указ. соч. С. 101.

¹⁷ Усягин А. В. Указ. соч. С. 159.

¹⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1973. С. 147.

единица (завод, фабрика)»¹⁹. Соответственно предстояло измениться территориальному устройству: его основой становилась сеть крупных пролетарских центров, «стягивающих» тяготеющие к ним земли. Сформировать же эту сеть как взаимосвязанную и эффективную и можно было на основе разработок экономистов-географов. Союзу ученых и большевиков способствовал и другой, не менее важный мотив: «Факторы, которые выглядят в первом приближении явно экономическими, были в то же время и откровенно идеологическими. Концепция примата... производственных отношений, "базиса" над "надстройкой" была одной из ключевых в теории К. Маркса»²⁰.

В декабре 1919 г. VII Всероссийский съезд советов принял Постановление «О советском строительстве», которое давало указание «ускорить работу по проведению нового административно-хозяйственного деления Р.С.Ф.С.Р. преимущественно на основе экономического тяготения»²¹. Общие принципы переустройства поручалось разработать административной комиссии при президиуме ВЦИК. Уже на первом ее заседании в январе 1920 г. историк М. Н. Покровский, представлявший наркомат просвещения, предложил «считать устаревшими и подлежащими изменению» границы волостей, уездов и губерний, доставшихся от «старого режима» и «созданных не по принципам экономической жизни и не приносивших к классовым пролетарским центрам», при районировании же — «положить в основу пролетарский город». Начальник центрального статистического управления П. И. Попов считал необходимым районировать «по признаку промышленному, по общему развитию промышленности», «по отдельным отраслям промышленности». Он указал и на другие важные ориентиры: возможности для внутреннего товарооборота, географическое положение административных центров, пути сообщения (водные и железнодорожные магистрали)²². Данные суждения развивали еще дореволюционные идеи Ленина об особом значении крупных индустриальных городов (например: «Петербург — географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России»²³).

Концептуальную основу процессу районирования сообщил государственный план электрификации России (ГОЭЛРО), принятый на VIII Всероссийском съезде советов в декабре 1920 г. Это, впрочем, был план развития не одной только электроэнергетики, а экономики в целом, которая рассматривалась как единый энергетический комплекс. Разработка плана явилась, пожалуй, пиком «творческого взаимодействия» новой власти и ученых: официально ею руководило правительство, а непосредственную работу осуществляла государственная комиссия под руководством известного энергетика Г. М. Кржижановского; в ее деятельности участвовало около 200 ученых и инженеров²⁴.

Стержневой для плана явилась теория систем, согласно которой каждая составная часть территориальной организации представляет собой единый организм-систему, цельный с пространственной, организационной, хозяйственной и транспортной точек зрения. На территории страны выделялось восемь таких систем — экономических районов (Северный, Центрально-промышленный, Донецко-Южный, Приволжский, Уральский, Кавказский, Туркестанский и Западно-Сибирский). Уже в конце 1921 г. один из руководителей комиссии инженер-энергетик И. Г. Александров озвучил окончательный вариант районирования. Подчеркивалось, что районный принцип планирования позволяет установить теснейшую связь между природными ресурсами, навыками населения, накопленными предыдущей культурой ценностями и новой техникой, и получить наилучшую производственную комбинацию, проводя таким образом, с одной стороны, целесообразное разделение труда между отдельными областями, а с другой — организуя область в крупную комбинированную систему. Озвучивалась сетка из 21 района, на которые предстояло разделить страну (Северо-Западный, Северный, Западный, Центрально-промышленный, Ветлужско-Вятский, Уральский, Юго-Западный, Центрально-Черноземный, Средне-Волжский, Юго-Восточный, Южный горнопромышленный, Кавказский, Западно-Сибирский,

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. М., 1983. С. 78.

²⁰ Усягин А. В. Указ. соч. С. 160.

²¹ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях: сб. документов. М., 1939. С. 152.

²² ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 32. М., 1969. С. 225.

²⁴ Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 84.

Кузнецко-Алтайский, Енисейский, Ленско-Ангарский, Якутский, Дальневосточный, Западно-Киргизский и Восточно-Киргизский, Туркестанский)²⁵.

Дальнейшая работа велась под руководством административной комиссии ВЦИК. Ее руководитель, председатель ВЦИК М. И. Калинин, наставлял: «В каждом советском районном объединении должен быть какой-нибудь солидный пролетарский центр». В первоначальный список вошли 10 городов: Ленинград, Смоленск, Москва, Воронеж, Саратов, Самара, Омск, Новониколаевск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону. Позднее добавили Архангельск, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, Хабаровск, а Омск исключили²⁶. В феврале 1922 г. комиссия представила «Тезисы по вопросу об экономическом районировании России». В них утверждалось единство хозяйственного и управленческого подходов: «В основу районирования должен быть положен экономический принцип... и вытекающее из него разделение на районы», которые «должны послужить основой для установления нового административного деления, соответствующего требованию достижения системы управления, обеспечивающей наивысшее развитие производительных сил страны; первым членением республики должна явиться область в границах и с центром экономического района; второй административной единицей должна быть губерния, которой более целесообразно было бы присвоить совершенно новое наименование — округа; уезд должен быть совершенно уничтожен, и за округом должна следовать волость, увеличенная в территориальном размере. При такой структуре — 1) область, 2) округ, 3) волость — общее количество административных единиц значительно снизится сравнительно с существующими». Также отмечалось, что районирование позволяет построить «проект хозяйственного развития района на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах»²⁷.

Ленин не только одобрил выработанный план, но и лично доложил его на XI съезде партии (март–апрель 1922 г.), объявив: «У нас теперь деление России на областные районы произведено по научным основаниям, при учете хозяйственных условий, климатических, бытовых условий, условий получения топлива, местной промышленности и т. д.»²⁸ Доклад о районировании был подготовлен для окончательного его утверждения на III сессии ВЦИК в мае того же года. Однако вместо сессии его рассмотрело только совещание членов ВЦИК. Те, приняв во внимание высказанные в отношении плана возражения, приняли решение о проверке выводов админкомиссии с передачей на изучение республиканским и губернским органам.

Возражения поступили, прежде всего, политического характера. Предложенное районирование отрицало всю проведенную к тому времени работу по строительству национальных автономий, предлагая вместо него систему внеэтнических макрорегионов. Правда, автономии не упразднялись, а должны были войти в тот или иной район, — но Александров еще на стадии разработки утверждал: «Национальное объединение по существу малорационально в экономическом отношении. Может быть, было бы возможно объединение национально-культурное, независимо от экономических районов»²⁹. Эту точку зрения разделяли многие и в научных кругах, и в партийных. Выступая в феврале 1922 г. на обсуждении плана районирования в совете национальностей наркомата по делам национальностей РСФСР, Александров заявил, что некоторые автономии экономически слабы и несамодостаточны, единственный путь их подъема — объединение с промышленными центрами. Такая перспектива привела к тому, что план районирования восприняли в штыки «националы»: «Проект не согласован с нашей общей политической линией... идет вразрез с национальной политикой»; «Отдельные автономные республики — Татарская, Крымская, Башкирская — должны быть отдельными экономическими районами»; «Главное (в докладе. — Прим. авт.) — централизация вокруг крупных индустриальных центров, а исторические, национальные предпосылки при этом опускаются»; «Нужно беречь национальные особенности»; и др.³⁰

²⁵ Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973. С. 88–89.

²⁶ Кудряшева Н. В. Региональная политика большевиков и определение принципов административно-территориальной реформы (1920–1928 гг.) // Проблемы истории российской цивилизации: сборник научных трудов. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 131.

²⁷ Районирование СССР: сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год. М.; Л., 1926. С. 47–50.

²⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 115.

²⁹ Цит. по: Алампиев П. М. Экономическое районирование СССР. Кн. 1. М., 1959. С. 99.

³⁰ Цит. по: Чеботарёва В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики, 1917–1924 гг. М., 2003. С. 260–262.

Но возражения звучали также и от коллег-ученых. Экономисты-«генетики» отвергли идею плановиков о совмещении районирования и «администрирования». «Считаем необходимым подчеркнуть, что выделенные организационно-производственные районы ни в коем случае не могут являться основанием для административного деления губернии», — писал Чаянов. Создатель концепции аграрных «генетических районов» А. Н. Челинцев протестовал против «придуманности», «измышленности» разработок Госплана, требовал выводить их из «корней исторически сложившихся условий». Особое недовольство вызвало то, что плановики во исполнение идеологической установки в основу административно-хозяйственного членения территории положили не сельскохозяйственное производство, а промышленное. По мнению «генетиков», отрыв от условий конкретной местности в угоду произвольному расположению промышленных новостроек разрушал естественное районирование России³¹. В Институте экономических исследований при наркомате финансов РСФСР замечали: «"Выделение экономического района" — дело трудное. Здесь нет ничего бесспорного, наоборот, все спорно. В конечном счете решение вопроса зависит от того, какие предполагать интересы: промышленности или сельского хозяйства, промышленности крупной или промышленности средней или мелкой, интересы сибиряков или интересы уральцев... Самая возможность построения экономически действительно законченного района является в большей или меньшей степени утопической»³².

Следствием критики стало то, что воплощение плана районирования в целом отложили, вместо этого решив устроить его апробацию в сельскохозяйственном и промышленном регионах. На роль таковых избрали соответственно Северный Кавказ и Урал. Но если Уральская область возникла уже в ноябре 1923 г. путем простого объединения губерний и во многом механического создания низовых единиц управления (округов и районов)³³, то Северо-Кавказский край появился на карте страны только в январе 1925 г.: «Районирование Северного Кавказа было первым в истории опытом... выделить в единый административно-хозяйственный район крупный экономический комплекс с многонациональным составом населения. Надо было найти такие формы взаимоотношений объединявшихся... наций и народностей, которые обеспечивали бы общий хозяйственный подъем всего края и свободное развитие каждой национальности»³⁴.

Именно тогда оформились отличия края от области. Прежде всего, в состав первого входили этнические автономии, причем, как специально оговаривало «Положение о Северо-Кавказском крае», «все права, предоставленные им постановлениями об их образовании и последовавшими в развитие этих постановлений законоположениями, оставались неприкосновенными»³⁵. Далее, край характеризовали большая территория, удаленность от центра, его внешняя административная граница одновременно являлась государственной границей РСФСР³⁶. С учетом этих условий и на тех же принципах вскоре появились два новых края: в мае 1925 г. — Сибирский, а в январе 1926 г. — Дальневосточный³⁷.

«Положения» закрепляли за властями новых территориальных образований широкий объем полномочий. В ведение их высших органов — съездов советов — входили «обсуждение вопросов, имеющих общегосударственное значение, а также рассмотрение и решение всех местных вопросов в пределах края, округа и района и принятие мер к поднятию их в политическом, хозяйственном и культурном отношениях». Для этого краевым властям передавался ряд прав и функций центральных органов, а окружным — прав и функций структур упраздняемых губерний.

³¹ Меерович М. Г. Указ. соч.

³² Цит. по: Килин А. П. Многоукладная экономика как индикатор эффективности районирования на Урале (1923–1924 гг.) // Российские экономические реформы в региональном измерении: сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной столетию начала НЭПа (Новосибирск, 16–17 сентября 2021 г.). Новосибирск, 2021. С. 376.

³³ Подробнее см.: Соловьёва Т. В. План ГОЭЛРО и административно-территориальное устройство Урала в 1920-е гг. // Шестые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений (Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г.). Т. 1. Екатеринбург, 2006. С. 204–210.

³⁴ Нечипурнова Н. С. Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1968. С. 76–77.

³⁵ Там же. С. 79.

³⁶ Малая советская энциклопедия. Т. 5. М., 1937. С. 891.

³⁷ Тархов С. А. Указ. соч. С. 76–77.

Края получили большие возможности в бюджетно-финансовой сфере, управлении промышленностью, торговлей, сельским и лесным хозяйством, составлении планов. А главное — обрели право голоса на республиканском уровне. Им становились подотчетны расположенные на их территории учреждения и предприятия, они могли выступать с законодательной инициативой на уровне РСФСР, обсуждать вопросы, имеющие общегосударственное значение, и даже приостанавливать осуществление на своей территории распоряжений наркомов республики³⁸. Комплекс этих факторов делал края в политическом, экономическом и культурном отношении значительно более мощными, чем «царские» губернии. Фактически они оказывались равными союзным республикам.

После успешного оформления первых двух краев начал подниматься вопрос о полномасштабной реформе — районировании всей территории страны. Этому придавалось принципиальное значение. Еще в 1922 г., представляя позицию Госплана, Александров подчеркивал: «Мы решили, что Россия, благодаря очень тяжелому экономическому положению, принуждена сейчас вызывать к жизни силы с мест, в этом спасение государства. Необходимо вызвать инициативу. Губернии своими средствами не могут поднять хозяйства, а область может»³⁹. Спустя несколько лет, будто развивая эту мысль, секретарь комиссии ВЦИК по районированию К. Д. Егоров доказывал: «В настоящее время основным принципом организационно-территориальной проблемы является оформление целостных и связанных культурными, экономическими и бытовыми условиями единиц. Структура организационно-территориального устройства, предусматриваемого районированием, представляет из себя объединение связанных между собою общностью экономических интересов и единством политики более мелких хозяйственных организмов в более крупные, в целом составляющие государство... Практика показала, что нет ни одного организационно-экономического вопроса, не связанного с территориальными вопросами, и, наоборот, нет голых, чисто-технических, "территориальных проблем" ... Районирование, таким образом, является организационной задачей, скрепляющей отдельные части государства в единое целое и разрешающей проблему общественного сотрудничества всего трудового населения и разделения труда между населением, отдельных районов и между центром и местами. Районирование устанавливает сотрудничество между народами нашей федерации»⁴⁰.

Однако в центральных структурах власти назревало беспокойство. Усложнялся контроль над регионами, а степень обретаемого ими влияния, казалось, неизбежно должна была стимулировать амбициозность их руководителей, стремление к экономической автаркии в рамках «подвластной» территории и формированию лояльного управленческого слоя, а в итоге — тенденции к сепаратизму. Об этом говорилось достаточно откровенно. Так, например, секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов отмечал, что «районирование... дает по партийной линии минусы, ибо сейчас ЦК непосредственно управляет губкомами, а после должен будет управлять через областные центры, т. е. появятся новые инстанции». Наиболее полно передал позицию «верхов» представитель Госплана РСФСР Н. М. Тоцкий: «Оформившиеся области предъявляют целый ряд вполне законных претензий на расширение своих прав, в связи с этим энергичным напором мест и возникает вопрос: а к чему же это ведет?... Совершенно ясно, что центральным наркоматам придется многим пожертвовать в пользу областей. Придется вообще, по-видимому, произвести значительную реконструкцию центрального аппарата. И вот это неясное сознание того, что перед нами стоят какие-то огромные проблемы, с одной стороны, а с другой стороны, естественно, этот процесс... не только в советских органах, но и в партийных органах, создает те настроения, ту атмосферу неопределенности, которую мы переживаем»⁴¹.

Надо признать, для таких опасений имелись основания, коренившиеся в совсем недавнем опыте. В 1917–1919 гг. на территории РСФСР существовали объединения советов депутатов трудящихся, сформированные на надгубернской основе, фактически в рамках хозяйственных регионов. И уже тогда в центре с тревогой отмечались «некоторые сепаратистские тенденции местных

³⁸ Нечипурнова Н. С. Партийное руководство... С. 74, 80–83.

³⁹ Цит. по: Карелин Е. Г. Указ. соч. С. 209.

⁴⁰ Районирование СССР: сборник материалов... С. 10–11.

⁴¹ Цит. по: Карелин Е. Г. Указ. соч. С. 222–223.

советских властей» и их открытая оппозиция тем или иным указаниям. Например, один из лидеров большевиков Г. Е. Зиновьев, возглавлявший Северную область (один из самых промышленно развитых регионов страны с центром в Петрограде, с крупным «отрядом рабочего класса» и сильной парторганизацией), в ответ на попытки понизить ее статус заявил, что это может быть воспринято пролетариатом «колыбели революции» как незаслуженная обида и вызвать волнения⁴². Не менее решительные настроения бытовали на Урале. На состоявшемся в мае 1918 г. областном съезде по управлению национализированными предприятиями представитель левых эсеров М. К. Ерошкин заявил: «Урал есть нечто самостоятельное и целое. Самостоятельность Урала давно уже носится в воздухе, и сейчас необходимо создать единое Уральское хозяйство, что нам прежде воспрещалось, и отклонить предлагаемую руку центра, так как управление из Питера и Москвы всегда было и будет бюрократическим. Мы должны образовать особую Уральскую республику. В Москве или Петербурге должен быть только секретариат с целью информации, а не управления областью»⁴³. Делегат, конечно, излагал «федералистские» положения программы своей партии, — однако их вполне разделяли и руководители местных большевиков. Конечно, подобные демарши не могли не восприниматься болезненно. Поэтому руководство РКП(б) взяло курс на упразднение областных объединений. Однако теперь, в середине 1920-х гг., ситуация фактически повторялась: «госплановские» края и области будто оказывались «вторым изданием» областных объединений периода Гражданской.

Сторонники реформы пытались развеять опасения («Районирование не есть прием децентрализации, а наоборот, один из важных методов концентрации сил, внимания, воли, руководства и организации в советском строительстве»⁴⁴), однако не преуспели. Их неудача объяснялась перипетиями политической борьбы. 1925 г. — время, пожалуй, наиболее острого противостояния в партийных верхах, когда в схватке за главенство сошлись, с одной стороны, генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин и поддерживающая его группировка, а с другой — «новая оппозиция». Ее лидеры, занимая высокое партийное положение, являлись также лидерами региональными: Л. Б. Каменев — председателем Московского совета депутатов, Г. Е. Зиновьев — Ленинградского. «Колыбель революции» должна была стать центром крупной области, охватывавшей весь Северо-Запад РСФСР. Ее районирование началось еще весной 1924 г. (причем без санкции центра), к концу года Ленинградская область уже существовала фактически и функционировала⁴⁵. Со своей стороны, Москва по проекту Госплана становилась центром колоссальной Центрально-промышленной области (ЦПО), обнимавшей, по сути, всю Центральную Россию, подчинив такие важные города, как Тула, Тверь, Иваново-Вознесенск и др. Все это делало руководителей будущих областей фигурами исключительными по влиятельности. «Аппарат впервые столкнулся с новой формой оппозиции — организованной по территориальному признаку. Опасность создания фракций, опирающихся не только на идейное единство, но и на областные парторганизации, "расщепление партии на отдельные центры", воплотились в реальность в виде "новой оппозиции"». Упустить из рук рычаги влияния означало для центра крайнее ослабление позиций. В результате «на XIV партсъезде реформа районирования была официально политизирована. Отныне ее судьба должна была решаться исключительно на уровне ЦК ВКП(б)»⁴⁶. В мае 1926 г. экономическое совещание при СНК РСФСР, а затем президиум ВЦИК приостановили все работы по районированию и ликвидировали организационные и плановые структуры в неоформленных областях, а в июне закрыли и комиссию по районированию РСФСР⁴⁷.

Помимо политической существовала и другая причина свертывания работ. Районирование по самой своей природе оказалось слишком сильно связано с нэпом. Между тем в середине

⁴² Цит. по: Кушнир А. Г. Реорганизация политико-административного деления России как средство захвата и удержания власти (из опыта революционных преобразований 1917–1918 годов) // Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию В. З. Дробизева. М., 2004. С. 272.

⁴³ Филоненко А. Л. ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск, 1998. С. 113.

⁴⁴ Районирование СССР: сборник материалов... С. 11.

⁴⁵ Кушнир А. Г. Демократическая альтернатива... С. 137–139.

⁴⁶ Там же. С. 141.

⁴⁷ Там же. С. 158–159, 161.

1920-х гг. в этой политике происходили качественные изменения. Фактически в первоначальном виде она осуществлялась лишь в первые годы, после чего начались планомерные ограничения возможностей рынка и усиление роли структур власти в экономической жизни; все это время шла активная антинэповская пропаганда, идеалом которой выступал «военный коммунизм»⁴⁸. Уже XIV съезд ВКП(б) (1925) провозгласил задачу «превращения страны из аграрной в индустриальную», а по сути – курс на форсированную индустриализацию и плановую экономику. Начался отказ от прежних, весьма относительных свобод, а также связанных с политикой нэпа проектов.

Однако, как вскоре выяснилось, план районирования вовсе не был сдан в архив. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял решение возобновить и довести эту работу до конца «с целью наиболее полного охвата плановым руководством народнохозяйственной жизни страны». Указывался конкретный срок окончания работ — пять лет⁴⁹. Но вскоре осуществление задачи оказалось ускорено. Формальным основанием послужил призыв председателя Госплана Кржижановского, который утверждал, что медлить нельзя по двум причинам. Первая вызывалась стремлением системно и планомерно противодействовать приближавшемуся мировому кризису. Вторая заключалась в усложнении структуры АТД. Кржижановский обращал внимание на действие общего правила в отношении административного устройства всякой страны: чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, тем сложнее передаточная цепь, тем менее эффективно управление, и наоборот⁵⁰. В результате уже в мае 1929 г. было объявлено об окончании административно-экономического районирования РСФСР, «что создает более благоприятные условия для усиления подъема народного хозяйства на основе дальнейшего расширения прав местных исполкомов, развития инициативы низовых органов власти и приближения их к населению, а также вовлечения в социалистическое строительство широких масс пролетариата и трудящихся деревни»⁵¹.

На деле, однако, форсированное районирование отвечало вовсе не задачам рациональной организации территории. Оно явилось инструментом очередного (и последнего) этапа внутривластной борьбы 1920-х гг., известного как «борьба с правым уклоном». Устранение «левой оппозиции» — Троцкого, Каменева, Зиновьева и др. — знаменовало фактическую победу сталинской группировки. Тем не менее в политическом руководстве еще сохраняли позиции и пользовались заметным влиянием такие фигуры, как Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и М. П. Томский. Они занимали в вопросе индустриализации особую позицию, выступая за умеренные темпы, учет интересов сельских производителей и в целом реалистичный курс, опиравшийся на имеющиеся ресурсы и возможности. Сталин и его группа же, находясь под влиянием «военной тревоги» и нарастающих экономических трудностей, предлагали форсирование изменений, «решительный бой кулачеству» и прочим «внутренним врагам». А поскольку относительно самой необходимости индустриализации разногласий не имелось, остроту приобрел вопрос о темпах и методах «строительства социализма». И тут сталинцы столкнулись в лице «правых» с весьма влиятельной оппозицией: в дискуссиях на пленумах ЦК 1928 г. верх одержали сторонники продолжения нэпа⁵².

Этот сюжет неразрывно связан с проблематикой районирования. Преобразование АТД на его основе оказалось удобным способом перетряхнуть партийно-советский аппарат: «Контролировать состав сократившегося более чем в 4 раза количества край- и облбюро ВКП(б) стало намного проще. При этом задача продвижения в региональные партструктуры своих ставленников облегчалась для сталинского большинства тем, что на переходный период для проведения работ, связанных с районированием, надлежало образовать областные (краевые) бюро ЦК ВКП(б), состав которых утверждался, а фактически — назначался Политбюро. Тем самым сталинской фракции удалось

⁴⁸ Подробнее см.: Лютов Л. Н. Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху НЭПа. Ульяновск, 2002. С. 17–70; Гимпельсон Е. Г. Почему свернули НЭП? // НЭП. Экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 87–95.

⁴⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4: 1926–1929. М., 1984. С. 228.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 551. Л. 10–12.

⁵¹ Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях... С. 379.

⁵² Подробнее см.: Фельдман М. А. Власть, ученые, рабочие СССР в годы нэпа: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2020. С. 247–350.

в течение нескольких месяцев второй половины 1928 — начала 1929 гг. заменить большую часть регионального партруководства. Это была настоящая "кадровая революция", последствия которой во многом предопределили поражение "правых уклонистов"⁵³.

Ускорение работ по районированию повлияло также на обстановку в науке. Курс на строительство плановой экономики вызвал дискуссию о методах планирования, в которой сошлись представители «генетического» и «телеологического» направлений⁵⁴. Первое, наследовавшее одноименному направлению в экономико-географических исследованиях, основывалось на выявлении объективных («стихийных») законов и тенденций экономического и социального развития, призывало следовать за естественным развитием «народного хозяйства» и, конечно, отвергало жесткий, универсалистский характер плановых заданий. Его представляли к тому времени уже авторитетные ученые: Кондратьев, Чаянов, Челинцев, В. А. Базаров и др. Второе явилось порождением новой реальности и рассматривало плановую деятельность как механизм реализации заданных «партией и правительством» целей экономической политики. Неудивительно, что в числе лидеров «телеологов» оказались, например, глава центральной комиссии при Госплане СССР С. Г. Струмилин и другие высокопоставленные фигуры «экономического блока»⁵⁵.

Выступления «генетиков» воздействовали на позицию и взгляды части партийных функционеров, особенно относившихся к умеренным кругам. Так, в январе 1928 г. на заседании комиссии оргбюро ЦК ВКП(б) по районированию СССР прозвучала критика проекта районирования. Утверждалось, что замена старых административных центров, к которым привыкло крестьянское население, на новые не выявила преимуществ. Поднималась проблема «выхолащивания» прав РСФСР, «так как очень мощные в политическом и экономическом отношении области и края составят [ей] конкуренцию». По итогам прений комиссия посчитала, что более выгодно остаться при старом губернском делении, а районирование начать «годика через два», сам же вопрос оказался снят с повестки дня⁵⁶.

В свете подобных событий «телеологам» победа над оппонентами виделась вопросом жизни и смерти (как минимум карьерной), поэтому борьба шла не менее серьезная, чем в структурах власти. Причем она еще и органично «вписалась» в общее идеологическое наступление на сферу знания: «укрепление» коммунистами («коммунизацию») Академии наук, «академическое дело», «Шахтинское дело» и сходные процессы, повлекшие за собой волну гонений на «буржуазных специалистов» («спецеество»), и т. д.⁵⁷

В конечном итоге победили — в общем, предсказуемо — сталинская группировка и поддерживавшие ее круги. Однако воплощенный в жизнь план районирования достаточно сильно, даже принципиально отличался от первоначального. Прежде всего потому, что, как отмечалось выше, оказался подчинен проблеме национального размежевания. Это привело к тому, что цельные хозяйственные комплексы проекта 1921 г. оказались расколоты. Так, например, спланированное районирование Северного Кавказа на Кавказскую и Южную горнопромышленную области не состоялось из-за того, что их территории занимали части разных союзных республик (в частности, посягали на земли УССР). Пришлось корректировать конфигурацию Уральской области, включавшей часть Башкирской АССР. Также стремились не допускать появления слишком мощных и обширных административно-хозяйственных единиц — именно такая судьба постигла сконструированную учеными ЦПО, вместо которой создали Нижегородский край, Московскую и Ивановскую промышленные области. С другой стороны, в том же 1929 г. был образован колоссальный Сибирский край, охвативший сразу несколько экономических районов Госплана. «Причина этого, очевидно, в том, что основные усилия были направлены на восстановление и развитие хозяйства европейской части СССР. Для развития Востока страны государство в тот период еще не имело достаточных возможностей, что делало менее актуальным

⁵³ Воробей А. П. «Кадровая революция» на Европейском Севере России (1929–1930 гг.) // Отечественная история. 2004. № 6. С. 68.

⁵⁴ Подробнее см.: Меерович М. Г. Указ. соч.

⁵⁵ Абалкин Л. И. Избранные труды. Т. 3. М., 2000. С. 567.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 551. Л. 45–61.

⁵⁷ Подробнее см.: Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 201–235.

практическое значение районирования этой территории по сравнению с западными частями страны», — объяснялось позднее⁵⁸.

Самый масштабный проект новой власти в сфере организации территории России имел, таким образом, противоречивые результаты. Он получил высокую оценку на XVI съезде ВКП(б) (1930): «Проведение до конца экономического районирования страны значительно ускоряет индустриализацию ранее отсталых районов, окраин и национальных республик, создает там новые промышленные и пролетарские центры и облегчает более правильное целесообразное распределение промышленности и сельского хозяйства на всей территории СССР»⁵⁹. Эта оценка переключалась в научную литературу и воспроизводится по сей день. В частности, говорится, что это была первая и в российской, и в мировой истории попытка выстроить региональное управление на научной основе. Отмечается новаторство идеи совмещения экономического и административного аспектов⁶⁰. Реформа видится «реальной попыткой разделения функций управления между центральными и региональными органами, реальной попыткой децентрализации управления»⁶¹, наделятия регионов до известной степени широкой самостоятельностью в хозяйственных вопросах. «Исторические сложившиеся... крупные экономические районы... оптимально для того времени соединяли промышленное и сельскохозяйственное производства, образовывали единые народно-хозяйственные комплексы, ориентирующиеся на сокращение перевозок, новые технологии, привлечение недостающих трудовых ресурсов»⁶²; «Районирование связало пространственную организацию СССР с прогнозируемым и планируемым развитием хозяйственной специализации области. Принципиально новый тип партийно-государственной власти позволил впервые в российской истории региональную организацию власти поставить в зависимость от экономических районов страны»⁶³.

Такое отношение связано, похоже, в первую очередь с инерцией оценок. Не стоит также сбрасывать со счетов и своеобразный «научный патриотизм». Ведь план районирования оказался одной из немногих дошедших до воплощения разработок ученого сообщества (а в изучаемой сфере — и вовсе единственным) и тем самым противопоставляется всему остальному, «бюрократическому» опыту строительства АТД. Однако уже сам трудный, почти десятилетний путь к воплощению, неоднократные приостановки и корректировки не с лучшей стороны характеризуют реалистичность разработки, ее «проходимость». Похоже, сама власть не нуждалась в столь амбициозном проекте. Больше того, позиция и деятельность «верхов» не просто не сочетались с районированием, его формой и смысловым наполнением, но открыто отрицали их. В качестве примера можно привести активное конструирование этнических автономий или планомерное усиление централистских тенденций в управлении экономикой. Поэтому можно считать удивительным не столько то, что опыт районирования оказался таким краткосрочным, сколько то, что до него дело вообще дошло. И показательно, что воплощением проект обязан не собственной состоятельности, а соображениям политической борьбы.

На деле районирование попросту не имело сколько-нибудь значительного времени, чтобы дать ощутимые плоды. Исследователи справедливо отмечают, что оно «не успело выявить своих преимуществ, не смогло обрести свое законченное выражение и остановилось на этапе административного формирования с некоторым использованием экономических факторов»⁶⁴, что «в условиях администрирования регионы, не успев утвердиться в новом качестве, так и не приобрели самостоятельного значения»⁶⁵. Более того, весь курс центральной власти

⁵⁸ Калашникова Т. М. Экономическое районирование. М., 1982. С. 108.

⁵⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5: 1929–1932. М., 1984. С. 124.

⁶⁰ Сухопара Ф. Н. Единство экономического и административного районирования в СССР // Вопросы размещения производства и экономического районирования. М., 1960. С. 259–260.

⁶¹ Исляев Р. А. Административно-территориальное устройство Советской России и СССР... С. 10.

⁶² Алексеев В. В. От централизации к дезинтеграции России // Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 18.

⁶³ Карелин Е. Г. Создание и функционирование регионального механизма власти в районированной Западной области России в 1929–1937 гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 1. С. 42–43.

⁶⁴ Малышева Е. П. Территориальное устройство советского государства // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 164.

⁶⁵ Иванова Е. А. Административно-территориальная реформа в РСФСР... С. 69.

нацеливался как раз на подавление межрегиональной интеграции, замыкание всех связей и логистических цепочек на центр.

И здесь стоит вернуться к главному. Районирование конца 1920-х гг. уже не было тем, что задумывалось в начале десятилетия. По сути, говорить о едином районировании смысла не имеет. Водораздел проходит по 1926 г.: если «до» планы сохраняли верность изначальному замыслу, то «после» в виду имелось совсем иное. Реформа «превратилась в рычаг административно-бюрократической системы для решения сугубо политических задач укрепления и развития самой этой системы»⁶⁶. Края и области создавались исходя из политических и кадровых соображений, вместо децентрализации или разделения полномочий между центром и регионами предполагалось прямо противоположное.

И естественно, что спустя всего лишь несколько лет новая территориальная структура начала подвергаться преобразованиям. Причем они имели принципиальный характер и привели в итоге к ее демонтажу. «Госплановские» регионы оказались раздроблены на более мелкие административно-территориальные единицы под теми же названиями (края и области)⁶⁷. Фактически произошел возврат к «казенно-бюрократическому» принципу устройства АТД Российской империи, который, как выяснилось, гораздо лучше соответствует целям и задачам нового режима.

У этой контрреформы имелись и другие причины. Здесь и уже отмеченная смена политического курса, отказ от идеи совмещения рынка и социализма в пользу форсированной индустриализации. И обусловленное этим конструирование жесткой «вертикали власти», не предполагавшей низовой инициативы. И вызванные «великим переломом» негативные явления (массовые волнения населения, неконтролируемые миграции и т. п.), требовавшие максимального внимания управленческих структур («Практика колхозного строительства показала, что крупные области и края не в состоянии оперативно управлять сельским хозяйством через сеть большого количества низовых районов»⁶⁸). И стремление подорвать положение местных партийно-хозяйственных кадров — «удельных князей» и их клиенты, которые, как стало в середине 1930-х гг. казаться Сталину, приобретают несоразмерное влияние и угрожают ослабить влияние центра⁶⁹. Наконец, отказ от районирования должен был утвердить интеллектуальную монополию идеологического режима (и, в первую очередь, его «вождя») — теперь именно он определял, в каком направлении и как будет развиваться страна.

Тем не менее экономический аспект территориальной организации как таковой не потерял своего значения полностью. Он переместился из управленческой сферы в сферу теоретическую: научных исследований, планирования. Так, еще в конце 1920-х гг. административно-хозяйственные районы стали базой регионального планирования экономического развития. Первый пятилетний план в территориальном разрезе составляли по 24 районам страны, причем им охватывалось все «народное хозяйство» в этих районах⁷⁰. Позднее «естественно-исторические условия и экономические факторы тщательно учитывались... при разукрупнении областей и краев в РСФСР... с целью улучшения политического и хозяйственного руководства. Разукрупнение областей (краев) проходило, как правило, в границах основных и внутриреспубликанских экономических районов с тем, чтобы не нарушить их специализации и ранее образовавшихся связей, а также чтобы сохранить за вновь образуемыми областями (краями) определенный хозяйственный профиль»⁷¹.

В то же время оказалось, что «при возросшем числе краев и областей стала невозможной разработка общесоюзного народнохозяйственного плана в территориальном разрезе по всей административной таксономии»⁷². В ответ на это в структурах Госплана выработали проект комплексного развития экономических районов. Некоторые специалисты видят в нем своего рода

⁶⁶ Кушнир А. Г. Демократическая альтернатива... С. 6.

⁶⁷ Тархов С. А. Указ. соч. С. 81–84.

⁶⁸ Сухопара Ф. Н. Указ. соч. С. 263.

⁶⁹ Подробнее см.: Хлевнюк О. В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 43–44.

⁷⁰ Сухопара Ф. Н. Указ. соч. С. 261.

⁷¹ Павловский Р. С., Шафир М. А. Административно-территориальное устройство СССР. М., 1961. С. 24.

⁷² Экономическая география СССР: учебник для экономических специальностей вузов. М., 1983. С. 225.

реакцию на дробление «госплановских» регионов⁷³. Он получил поддержку руководства страны и был отражен в принятом на XVIII съезде ВКП(б) (1939) третьем пятилетнем плане — с его помощью предполагалось решить проблему производственно-территориальных отношений⁷⁴. В 1939–1940 гг. плановики и сотрудники отдела размещения производства Института экономики Академии наук СССР провели исследовательскую работу, в результате которой сгруппировали территорию страны сначала в 9, а затем в 13 «основных экономических районов». Однако они оказались чрезмерно велики, поскольку представляли собой объединения ранее определенных районов. Кроме того, они служили лишь для оперативных целей: сбора статистико-экономической информации и планирования размещения производительных сил⁷⁵. Так что полноценным возрождением идеи экономического районирования их считать нельзя, и, как отмечалось позднее, на то, чтобы стать научно обоснованным районированием СССР, это деление не претендовало⁷⁶.

В послевоенное время профессор МГУ Н. Н. Колосовский в результате длительной и кропотливой работы выделил по типу перспективного индустриального развития 26 «объективно существующих» районов страны⁷⁷. Более того, в преддверии XIX съезда партии (1952) в докладной записке на имя секретаря ЦК Г. М. Маленкова он призвал «организовать разработку... новой системы экономического районирования в соответствии с современным политико-административным делением страны»⁷⁸. В таком совмещении ученый видел залог ускоренного развития производительных сил. Однако из-за скоростной смерти он не успел дать развернутое обоснование предложенной им сетки. Кроме того, как отмечалось позднее, его идеи «не были облечены... в форму конкретных рекомендаций, непосредственно касающихся структуры органов управления»⁷⁹.

Перед преемниками Сталина в числе первоочередных встала задача интенсификации развития экономики. На этом фоне началась борьба с «ведомственностью» — всевластием министерств в подконтрольных им отраслях (в этом усмотрели причину пробуксовки выполнения плановых заданий, неудовлетворительных темпов внедрения новых образцов техники, незаинтересованности в развитии территорий и др.). В феврале 1957 г. с этой целью приняли решение о полномасштабной реформе управления промышленностью. Предполагалось упразднение большинства ведомств при одновременном создании территориальных органов хозяйственного управления — советов народного хозяйства (совнархозов). Эта идея обсуждалась уже на декабрьском пленуме ЦК (1956). Ее озвучили лидеры некоторых региональных парторганизаций, которые предложили создавать структуры такого рода как полноправные органы, а не дополнения к министерствам⁸⁰. Их поддержал лидер партии Н. С. Хрущёв, и началась работа над проектом преобразований. Глава Госплана Н. К. Байбаков считал целесообразным создавать укрупненные совнархозы, которые должны были действовать в рамках экономических районов⁸¹. Однако разработка последних специалистами на тот момент еще не была завершена. К тому же против выступил Хрущёв, который в январе 1957 г. направил в президиум ЦК записку с обоснованием реформы⁸². «Крупные объединения, может быть, дело более далекой перспективы, — писал он, — создание их потребует внесения некоторых коррективов в административное деление, сейчас же я бы придерживался того мнения, что эти управления следовало бы, как правило, создавать в пределах существующих административных границ... здесь у нас имеются законченные партийные, профсоюзные и советские организации, которые при новой структуре управления будут играть не последнюю роль в формировании и обеспе-

⁷³ Адамеску А. А. К совершенствованию территориально-организационной структуры России // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 65.

⁷⁴ Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск, 2006. С. 94, 123.

⁷⁵ Саушкин Ю. Г. Указ. соч. С. 438.

⁷⁶ Белоусов И. И. О проекте экономического районирования СССР, составленном Н. Н. Колосовским // Вопросы географии. Сб. 41: Экономическая география. М., 1957. С. 29.

⁷⁷ Белоусов И. И. Указ. соч. С. 34–46; Калашникова Т. М. Указ. соч. С. 113–114.

⁷⁸ Колосовский Н. Н. Указ. соч. С. 125.

⁷⁹ Хорев Б. С. Региональная политика в СССР (экономико-географический подход). М., 1989. С. 57.

⁸⁰ Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. М., 2008. С. 131.

⁸¹ Там же. С. 136–137.

⁸² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 530–539.

чении выполнения принимаемых планов для этих микроэкономических районов». Затронул он и вопрос АД: «Впоследствии, с учетом экономической целесообразности, может быть, придется кое-где пойти на объединение мелких областей или на присоединение их к более крупным».

Во время обсуждения положений реформы руководители мощных областей (Свердловской, Иркутской и др.) предлагали организовать на их базе крупные («многообластные») экономические районы с единым совнархозом, что «будет способствовать более полной реализации принципа децентрализации управления»⁸³. Однако «подавляющее большинство участников всенародного обсуждения поддержало предложение... о создании советов народного хозяйства... применительно к существующему административному делению», поскольку «значительная часть краев и областей... имеет развитую промышленность и представляет собой достаточно крупные экономические районы»⁸⁴.

Закон СССР «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» был принят в мае 1957 г. Территорию Союза разделили на 105 экономических административных районов (их стали просторечно называть «совнархозами»), из которых 70 пришлось на Российскую Федерацию⁸⁵. В них вошли одна или (реже) несколько соседствующих административно-территориальных единиц, представлявших собой единый хозяйственный комплекс или регион со сложившимися экономическими особенностями. Однако из-за отсутствия научно обоснованного районирования руководить промышленностью предстояло в рамках АД, созданного в 1930-е гг. «главным образом для управления сельским хозяйством»⁸⁶.

Для научной сферы хозяйственная реформа стала поворотным пунктом и имела, возможно, даже большее значение, чем для экономики страны. Кржижановский — в ту пору академик и руководитель Энергетического института АН СССР — организовал переиздание плана ГОЭЛРО, затем выпуск сборника материалов и статей «Вопросы экономического районирования СССР (1917–1929 гг.)» (1957) и сборника работ Колосовского «Основы экономического районирования» (1958). Эти публикации стали сигналом для научного сообщества, и в последующие годы теоретические проблемы районирования и обоснование новой «сетки» экономических районов превратились в полноправное направление исследований.

Основным их содержанием стало изучение размещения производительных сил, выделение экономических районов на основе естественного хозяйственного тяготения территорий, определение сущности, главных проблем, условий и путей развития хозяйства каждого района с целью помощи государственному планированию народного хозяйства⁸⁷. Однако создание экономических административных районов привнесло принципиальный вопрос — возможно ли формирование экономических районов «сверху» или исследователи должны лишь фиксировать объективно существующие и развивающиеся районы. Ленинградский экономист-географ П. М. Алампиев и представители его научной школы выступали за первый вариант. Сам Алампиев писал: «В условиях социалистического планового хозяйства государство берет под свой контроль процессы формирования и развития районов. Экономико-географическая наука и народнохозяйственное планирование определяют наиболее рациональные пути формирования и нормального развития системы экономических районов... Развитие экономических районов происходит в соответствии с планами, предвидящими ход этого развития, регулирующими этот процесс, что является одним из примеров сознательного руководства экономической жизнью в условиях социализма»⁸⁸. Ему вторили единомышленники: «Формирование экономических районов происходило не самотеком, а под воздействием партийных, советских и хозяйственных органов, на основе планового веде-

⁸³ Малышева Е. П. Советский опыт администрирования // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 483–484.

⁸⁴ Цит. по: Четыркин В. М. Проблемные вопросы экономического районирования. Ташкент, 1967. С. 25.

⁸⁵ Малышева Е. П. Советский опыт администрирования... С. 485.

⁸⁶ Саушкин Ю. Г. Указ. соч. С. 438–439.

⁸⁷ Там же. С. 127.

⁸⁸ Алампиев П. М. Об объективной основе экономического районирования и его перспективном характере // Вопросы размещения производства и экономического районирования. М., 1960. С. 245, 251.

ния социалистического хозяйства»⁸⁹. Другие исследователи — последователи идей Колосовского из МГУ — выступили решительно против такой трактовки. Они указывали, что еще в начале 1920-х гг. разработаны учеными и одобрены Лениным принципы, согласно которым выделение административных областей — объектов политического управления — отражает и завершает объективный процесс экономического районирования⁹⁰. Таким образом, столкнулись два подхода: представители одного из них отстаивали чистоту идей 1920-х гг. и выступали за их дальнейшее развитие, приверженцы другого стремились соответствовать веяниям современности, характеризовавшейся постоянными структурными перестройками. Фактически это был новый виток борьбы между «генетиками» и «телеологами».

Спор оказался столь интенсивным, что его вынесли на III съезд Географического общества СССР (1960). В дискуссии приняли участие более 50 ученых, в том числе из-за рубежа. Докладчики — Алампиев и Ю. Г. Саушкин (МГУ) — представили «свои» методики и сетки экономического районирования, а также аргументы по предмету дискуссии. Так, Саушкин отстаивал точку зрения, согласно которой «экономические районы не обязательно должны иметь административный атрибут»⁹¹, на что О. А. Кибальчич (АН СССР) заметил, что «нет полной ясности в вопросе влияния административно-политических границ на районные формы группировок производительных сил»⁹². Откликаясь на доклад Алампиева, представитель Географического общества И. С. Юньев заявил: «Из требования единства административного и экономического районирования вытекает необходимость исследовать и практически проверить оставшуюся в наследство от 30–40-х годов сеть областей и краев; некоторые области окажется целесообразным объединить, а некоторые разделить или ликвидировать». Кроме того, «следует пересмотреть сложившуюся систему районирования страны и исследовать вопрос о ее упрощении»⁹³. Резолюция гласила: «Съезд считает необходимым, чтобы экономико-географы усилили разработку теоретических вопросов экономического административного районирования, административно-территориального деления страны и практических вопросов совершенствования сетки экономических административных районов и областного деления»⁹⁴.

Таким образом, результаты дискуссии оказались двоякими. С одной стороны, верх одержала концепция объективного существования экономических районов. С другой, идея совмещения экономического районирования и административного деления не была отвергнута. Более того, на фоне лозунгов о «создании производительных сил коммунизма» она не просто «получила права гражданства» в науке, но и быстро набрала вес. Необходимость укрупнения областей с перспективой последующего совпадения новых единиц управления с экономическими районами отмечалась большинством авторов как желательный путь развития территориальной организации советского государства.

В то же время дошла до официального оформления сетка экономических районов. Вскоре после XX съезда КПСС (1956) в Госплане создали комиссию по разработке предложений в области экономического районирования. В ходе работы выявилось много разногласий. «Объективная основа экономического районирования необычайно сложна. В жизни не существует совершенно обособленных районов. Сеть экономических связей не обрывается на границах районов, а непрерывна. Экономическое районирование выделяет лишь наиболее существенное в связях районов, а оценка того, что же является самым существенным, в каждом данном случае не так проста», — отмечал Алампиев⁹⁵, будто пересказывая аргументы критиков «госплановского» районирования начала 1920-х гг. Итогом работы комиссии оказался ряд схем, из которых предпочтение отдали проекту сотрудников географического факультета МГУ и Института комплексных транспортных проблем

⁸⁹ Сухопара Ф. Н. Указ. соч. С. 263.

⁹⁰ Саушкин Ю. Г. Указ. соч. С. 128.

⁹¹ Материалы III съезда Географического общества СССР по проблеме «Экономическое районирование страны». Л., 1961. С. 12.

⁹² Там же. С. 55.

⁹³ Там же. С. 63–64.

⁹⁴ Там же. С. 81.

⁹⁵ Алампиев П. М. Проблемы генерального экономического районирования СССР на современном этапе. Л., 1959. С. 8.

при Госплане, предложивших организацию на территории страны 17 ареалов. В 1957 г. эту схему представили правительству в качестве проекта, а в 1961 г. ее утвердило постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР. Основой для нее послужили материалы 1920-х гг. и наработки предвоенных лет. Так, около половины новых районов — расположенных преимущественно на Востоке — были оформлены именно на рубеже 1930–1940-х гг. В 1963 г. сетку уточнили (что характерно — решением «партии и правительства», а не научного сообщества), численность районов выросла до 18, из которых 10 приходились на РСФСР (Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Чернозёмный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный)⁹⁶. Однако их сформировали строго в границах уже существующих союзных республик, так что экономическая составляющая снова, как и в 1920-е гг., отступила перед административно-политическими соображениями.

Постепенно приобрело широкое распространение понятие «территориально-производственный комплекс»: совокупность расположенных рядом друг с другом взаимосвязанных производств. ТПК стал даже рассматриваться как новая форма «основного экономического района страны»⁹⁷. Примечательно, что это понятие довольно быстро переключалось из терминологического аппарата экономической географии в лексику документов партийных и государственных органов, о «комплексах» заговорили применительно ко всем сторонам жизни общества. Уже XXIII съезд КПСС (1966) требовал «дальнейшего улучшения размещения производительных сил, комплексного развития и специализации хозяйства союзных республик и экономических районов»⁹⁸. Новый глава партии Л. И. Брежнев указывал, что «новую экономическую систему управления предстоит превратить в единый взаимосвязанный комплекс, т. е. в систему в полном смысле этого слова»⁹⁹, «речь идет о подлинно-научном подходе к освоению огромных пространств Российской Федерации... который сочетал бы решение актуальных задач сегодняшнего дня с учетом отдаленных перспектив развития страны»¹⁰⁰. Названные сюжеты — и их территориальные аспекты — обсуждались на съездах партии и далее. Так, в решениях XXIV (1971) и XXV (1976) обращалось внимание на «прогрессивность процесса территориально-производственного комплексирования в стране», отмечались некоторые уже сформированные комплексы¹⁰¹. Постоянно подчеркивалась необходимость совершенствования организационной структуры управления «народным хозяйством», в том числе «преодоление ведомственной разобщенности, более полное сочетание отраслевого и территориального управления»¹⁰². В решениях XXV и XXVI (1981) подтверждался курс на формирование новых ТПК в Сибири, Казахстане и других районах.

В этих условиях признания и кажущегося интереса властных структур вновь вырос интерес к экономическому районированию в целом и к проблеме его связи с АТД в частности. Говорилось, что «в СССР под влиянием экономической необходимости из-за перемен в территориальном разделении труда, в экономических связях по обоюдному согласию изменяются даже границы союзных республик»¹⁰³. Подхлестывали воображение ученых и обстановка объявленной в 1965 г. экономической реформы, и заявления партийного лидера — например, о том, что «административные границы и ведомственная подчиненность не должны служить препятствием к введению более эффективных форм управления»¹⁰⁴.

Как следствие, начали регулярно поступать предложения о возможных преобразованиях. Их авторам наиболее эффективным представлялось совмещение экономических и управленче-

⁹⁶ Малышева Е. П. Советский опыт администрирования... С. 480–481, 489.

⁹⁷ Саушкин Ю. Г. Указ. соч. С. 420.

⁹⁸ Материалы XXIII съезда КПСС, 29 марта — 8 апреля 1966 г. М., 1966. С. 264.

⁹⁹ «Наши недостатки, трудности и проблемы не такие мелкие, чтобы можно было себе позволить закрывать на них глаза»: засекреченное выступление Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1969 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1014781> (дата обращения: 05.04.2022).

¹⁰⁰ Интересы народа, забота о его благе — высший смысл деятельности партии. Встреча избирателей с Л. И. Брежневым // Правда. 1971. 12 июня. С. 2.

¹⁰¹ Кибальчич О. А. Территориально-производственные комплексы // Большая советская энциклопедия. Т. 25. М., 1976. С. 508.

¹⁰² См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 201; Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 149.

¹⁰³ Саушкин Ю. Г. Указ. соч. С. 369.

¹⁰⁴ Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС // Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 68.

ских функций. Выдвигались такие идеи, как пересмотр границ областей, их укрупнение (или, реже, дробление излишне крупных единиц — краев) в видах «сближения административно-территориальных границ с границами экономических районов»¹⁰⁵. Наиболее активно они звучали с середины 1970-х гг. — в период подготовки новой Конституции СССР и после ее принятия (1977). Утверждалось, что «слияние областей в рамках новых интегральных экономических районов и их административное оформление — задача будущего, но уже сейчас нужно вести научную разработку этой проблемы»¹⁰⁶. Конечно, задачи такого рода ставились не сами по себе, а «в связи с созданием производительных сил коммунизма»¹⁰⁷ — намеченную в Программе партии основную цель никто не отменял. Более того, именно идеологические постулаты (при Хрущёве — строительство коммунизма, при Брежневе — развитого социализма) служили установочными для исследований. Как следствие, возможные преобразования АТД подавались именно в качестве одного из путей строительства нового общества, наиболее рациональной и научно обоснованной его организации в пространственном отношении. Однако по сути ничего принципиально нового не предлагалось, все предложения так или иначе отсылали к опыту 1920-х гг. Наиболее последовательно в таком духе высказывался авторитетный экономист-географ, глава Совета по территориальной организации общества при президиуме Географического общества СССР Б. С. Хорев, посвятивший доказательству целесообразности своей точки зрения многочисленные публикации. По его мнению, «вновь подтверждена... идея о необходимости принципиального единства экономического районирования и административно-территориального деления в условиях социализма (с обязательным учетом особенностей национально-политического районирования)»¹⁰⁸. Он проявил себя твердым сторонником и неустанным пропагандистом «необходимости восстановления на практике концепции советского регионализма, начало формированию которой было положено в 20-е гг.»¹⁰⁹.

Впрочем, существовал и иной, еще более радикальный взгляд на будущее территориальной организации при социализме. Она как таковая должна была исчезнуть, уступив место производственному принципу управления «народным хозяйством» (создание крупных объединений и предприятий, что «позволит партийным организациям более целеустремленно решать текущие и перспективные вопросы ускорения научно-технического прогресса»¹¹⁰). Здесь уже «перекидывался мостик» к Программе РКП(б) 1919 г., идеям производственной ячейки как основной единицы государства.

Все это время власть, казалось, давала основания полагать, что масштабная реформа территориального устройства не за горами. На это указывала уже Программа партии, постулировавшая, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое бывшее значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе... все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»¹¹¹. На рубеже 1962–1963 гг. подверглась реформированию система экономических административных районов. Их численность сократилась более чем вдвое —

¹⁰⁵ Немцев В. А. Правовые и организационные проблемы административно-территориального деления союзной республики: (на материалах Восточной Сибири и Дальнего Востока). Иркутск, 1974. С. 47, 58–59; Ржевский В. А. Территориальная организация Советского государства. Саратов, 1966. С. 85, 104; Саушкин Ю. Г. Указ. соч. С. 440; Попов Г. Х. Управление экономикой: некоторые вопросы теории и практики // Коммунист. 1976. № 19. С. 79; Аганбегян А. Г. О сочетании отраслевого и территориального принципов руководства экономикой // Вопросы географии. Сб. 109: Географические аспекты управления. М., 1978. С. 23–24; Шафир М. А. Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1983. С. 139.

¹⁰⁶ Волынская Б. Н. Проблемы областного районирования (на примере РСФСР) // Вопросы географии. Сб. 109. С. 194.

¹⁰⁷ Четыркин В. М. Указ. соч. С. 26–27.

¹⁰⁸ Хорев Б. С. Актуальные проблемы управления территориальной организацией советского общества, социально-экономическое районирование и территориальное планирование // Вопросы географии. Сб. 109. С. 57, 60.

¹⁰⁹ Хорев Б. С. Региональная политика в СССР... С. 9.

¹¹⁰ См., например: Единый народно-хозяйственный комплекс: содержание и закономерности развития. М., 1985. С. 252–253.

¹¹¹ Программа Коммунистической Партии Советского Союза // Справочник партийного работника. Вып. 4. М., 1963. С. 115–116.

со 105 до 43, в том числе в РСФСР — с 70 до 24¹¹². Необходимость этого Хрущёв объяснял так: «В 1957 г., когда мы обсуждали пути перестройки управления промышленностью и строительством, вносились предложения об организации совнархозов на базе крупных экономических районов, таких, например, как Урал, Западная Сибирь, Центральный промышленный район и т. д. Но тогда было решено вернуться к этим предложениям позднее, когда будет накоплен достаточный опыт. Теперь такой опыт у нас есть»¹¹³. Правда, к сетке экономического районирования укрупненные совнархозы вновь не имели прямого отношения. Напротив, некоторые из них располагались на территории двух соседних районов¹¹⁴.

В 1962 г. также началась разработка проекта новой Конституции СССР, дополнительно стимулировавшая надежды научного сообщества и широкой общественности. Однако в ходе кулуарной работы большая часть идей, предполагавших серьезные изменения в общественно-политической структуре, оказалась выхолощена. «Мы исходим из того, чтобы не допустить, чтобы старая Конституция менялась на сто процентов, не бывает так, ибо ведь ничего и не произошло», — заявил Брежнев летом 1964 г., подводя итог прениям¹¹⁵. Отстранение Хрущёва от власти привело к резкому сворачиванию многих его преобразований. Совнархозы оказались упразднены, произошло возвращение к сталинской ведомственной системе управления экономикой. Далее политическое руководство страны придерживалось позиции сохранения *status quo* и даже не обсуждало всерьез никаких реформаторских идей в этой сфере. АД СССР оказалось дополнительно закреплено в «брежневской» Конституции.

Надо отметить, что высказывания представителей научного сообщества не оставались совсем уж без внимания. Так, именно после их рекомендаций в 1982 г. директивные органы уточнили сетку экономических районов. Корректировка коснулась РСФСР: Северо-западный район оказался разделен на Северо-Запад и Север, в результате численность районов на территории республики достигла 11. Также Башкирскую АССР «перевели» из Поволжского в Уральский район¹¹⁶. Однако на более серьезные коррективы не пошли даже здесь, несмотря на то, что «анализ существующих экономических районов... приводит большинство экономистов и географов... к выводу о необходимости внесения существенных изменений в сложившуюся систему экономических районов... в первую очередь в Сибири, на Дальнем Востоке и северо-западе Российской Федерации. Необходимо уточнить границы Поволжья и Урала»¹¹⁷. Что уж говорить о подвижках применительно к структуре АД.

Впрочем, на данный момент рассекречены не все документы той эпохи, поэтому время от времени внимание историков привлекают довольно неожиданные свидетельства. Например, информация о том, что в начале 1980-х гг. разрабатывался амбициозный проект территориального переустройства СССР. О нем известно только от одного человека — А. И. Вольского, в те годы сотрудника отдела машиностроения ЦК КПСС, а затем помощника генерального секретаря. В интервью конца 1990-х и 2000-х гг.¹¹⁸ он неоднократно обращался к событиям 1982–1983 гг. По его словам, Ю. В. Андропов давно пришел к выводу о том, что национальная составляющая крайне вредна для безопасности и развития СССР, поэтому, получив высшую власть, поручил разработать проект кардинальной реформы АД страны — а именно деления ее территории на экономические зоны. Проект был «работой закрытой», готовили его Вольский и привлеченный им вице-президент АН СССР Е. П. Велихов: «Мы нарисовали 11 разных карт. То "отписывали" Смоленскую область Белоруссии, то Гродненскую — Литве и т. д.». Новые территориально-хозяйственные образования создавались «на основе численности населения, производственной

¹¹² Шумейко В. Ф. Россия: от унитарного к федеративному государству... С. 152.

¹¹³ Хрущёв Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 7. М., 1963. С. 354–355.

¹¹⁴ Белоусов И. И. Основы учения об экономическом районировании. М., 1976. С. 151.

¹¹⁵ Стрекалов И. Н. Последняя Конституция Советского Союза: к вопросу о создании. М., 2018. С. 232–233.

¹¹⁶ Шульгина О. В. Указ. соч. С. 151.

¹¹⁷ Калашникова Т. М. Указ. соч. С. 206.

¹¹⁸ Аркадий Вольский: «Власти и бизнесу нужен посредник» // Московские новости. 2001. 19 июня; Аркадий Вольский: «Андропов хотел перестройки» // Московский комсомолец. 2002. 19 ноября; Аркадий Вольский: Лозунг «Бей богатых» для страны опасен // Трибуна. 2005. 27 сентября; Четыре генсека. Аркадий Вольский о Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачёве // Коммерсант. 2006. 12 сентября.

целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена»¹¹⁹, т. е. подход совпадал с планом районирования начала 1920-х гг.

Это неожиданное и крайне интересное свидетельство. Однако вызывает вопросы то, что сильно разнятся подробности: названия новых образований (зоны, округа, штаты — последний термин, по его словам, был идеей Андропова), их конечная численность (15–16, 20, 29, 41). Упоминание о Литве, Белоруссии и т. д. противоречит утверждениям об уходе от национально-территориального деления. Не до конца ясны и причины, по которым проект не получил воплощения: то ли представленные варианты не устроили главу государства, то ли этому помешали его скорая болезнь и смерть. Дополнительно озадачивает то, что в воспоминаниях Велихова¹²⁰ об этой, без сомнения, крайне важной работе не сказано ни слова.

Тем не менее можно уверенно говорить о том, что идея возвращения к экономическому районированию как основе АТД «в верхах» обсуждалась. Правда, не в связи с «национальным вопросом», а как один из способов «подтолкнуть» буксовавшую экономику, среди прочего — обеспечить «усиление территориального аспекта плана и рациональное сочетание отраслевого и территориального планирования». Документы архивного фонда Н. И. Рыжкова (в описываемый период занимавшего должность секретаря ЦК и заведующего экономическим отделом) показывают наличие этой идеи в «предложениях ученых-экономистов по вопросам совершенствования управления народным хозяйством»¹²¹, например, директора Института экономики Уральского научного центра АН СССР М. А. Сергеева. Поддержали ее и другие авторитетные руководители науки. Так, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР А. Г. Аганбегян выступил за укрупнение единиц АТД РСФСР, большинство из которых небольшие и не обладают достаточными демографическими, природными и пр. ресурсами для «комплексного развития хозяйства своими силами». На их месте, по его мнению, следовало организовать «12–15 крупных краев»¹²². В 1984 г. «разделить страну на экономические районы» предлагал и директор Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатов¹²³.

Соображения такого рода натолкнулись на твердое неприятие тогдашнего главы правительства Н. А. Тихонова. Смерть Андропова на время сняла вопрос переустройства СССР; даже М. С. Горбачёв на первых порах ставил лишь задачу «ускорения темпов развития экономики». Однако вскоре выяснилось, что такой подход не дает эффекта, и в поисках выхода из тупика обратились к ленинской мысли о «живом творчестве масс» — речь зашла о политических преобразованиях. Начало им положила XIX конференция КПСС (1988), по итогам работы которой были приняты несколько резолюций, в частности «О демократизации советского общества и реформе политической системы» и «О межнациональных отношениях». Глава партии настаивал на том, чтобы «открыть максимальный простор процессам саморегулирования и самоуправления общества, создать условия для полного развития инициативы граждан, представительных органов власти, партийных и общественных организаций, трудовых коллективов», утверждал, что «в полной мере назрела необходимость реорганизации руководства местными делами на принципах самоуправления, самофинансирования и самообеспечения»¹²⁴.

По окончании конференции в ЦК начали поступать отклики на ее решения. Многие из них затрагивали проблему территориальной конфигурации страны. Среди прочего предлагалось обратиться к опыту 1920-х гг.: «Широко обсуждается в письмах перспектива перехода в РСФСР к управлению по крупным регионам... по принципу экономического районирования. По мнению ученого секретаря Президиума Географического общества СССР А. Бринкена (Ленинград),

¹¹⁹ Четыре генсека. Аркадий Вольский о Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачёве.

¹²⁰ Велихов Е. П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год... Воспоминания. М., 2010.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 121.

¹²² Аганбегян А. Г. Проблема сочетания отраслевого и территориального управления // Система управления экономической развитой социализма. Тенденции и проблемы. М., 1982. С. 223–224.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

¹²⁴ О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС // XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988. С. 48, 53.

для восстановления в полном объеме роли и полномочий Советов как реальных субъектов хозяйствования на подведомственной им территории необходима территориальная реформа. "Основой нового территориального устройства, — пишет он, — должны стать объективно сложившиеся экономические районы с учетом современного состояния экономики, экологической ситуации и перспектив развития"¹²⁵. Вновь, как и в 1920-е гг., ожившая идея районирования предполагала расширение самостоятельности на местах.

Сходные предложения звучали в ходе широкой общественно-политической дискуссии, развернувшейся вслед за дебатами на I съезде народных депутатов СССР (1989). На территории РСФСР предлагалось создать шесть «экономических республик»¹²⁶, в проекте «Конституции Союза советских республик Европы и Азии», разработанной А. Д. Сахаровым, предполагалась территориальная реформа, по итогам которой «бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность»¹²⁷. В ходе работы над новой Конституцией РСФСР, стартовавшей после принятия Декларации о государственном суверенитете (июнь 1990 г.), выдвигались идеи преобразования территориального управления согласно двум принципам: национально-культурному (с целью развития культуры каждого этноса на всей территории страны под эгидой правительства) и социально-экономическому (путем воссоздания крупных экономических районов с межобластными и межреспубликанскими совнархозами с гарантиями полного учета интересов субъектов Федерации)¹²⁸. Децентрализация становилась одним из лейтмотивов преобразований, виделась одним из главных путей выхода из тяжелейшего хозяйственного и социально-политического кризиса.

Предпочтительным видели переход к экономическому районированию как основе новой территориальной организации страны представители научных кругов, среди которых лидировали экономисты. Так, в 1993 г. вышли статьи сотрудников Совета по размещению производственных сил и экономическому сотрудничеству (СОПС) при министерстве экономики РФ и Российской академии наук В. В. Кистанова¹²⁹ и А. А. Адамеску¹³⁰. Отметив архаичность и «объективную необходимость» изменения доставшегося от СССР деления страны, ученые отвергли принцип национально-территориального устройства, который «исчерпал свои конструктивные возможности». Они предложили создать вместо 11 традиционных 18 новых экономических районов-областей, которые, «воплощая процессы хозяйственной интеграции и разделения труда», должны характеризоваться «ярко выраженной общностью производственной специализации и единством перспектив разрешения регионально-комплексных проблем». Позднее, в 1997 г., концепцию районирования представил преподаватель Уральского государственного университета С. Л. Логиновский¹³¹. Указав на количественную избыточность субъектов РФ, он посчитал возможным решить проблему путем укрупнения территорий и, с учетом сложившейся сети экономических районов, выделил в западной части России шесть регионов (Северо-Запад, Северо-Восток, Московский, Центр, Юг, Поволжье), в восточной — три (Урал, Сибирь, Дальний Восток), а также две северные территории (Урало-Сибирская и Дальневосточная).

На этом фоне в начале 1990-х гг. началась самоорганизация российских регионов, власти которых в условиях разрушения старых хозяйственных связей стремились объединить усилия для стабилизации положения. Делалось это в форме межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ (МРА). Они образовывались на основе сформированных в 1960-е гг.

¹²⁵ Подробнее о дискуссии см.: Из почты ЦК КПСС: о национальном вопросе // Коммунист. 1989. № 15. С. 46–52.

¹²⁶ Соколов В. Н. Демократия и границы // Литературная газета. 2 августа 1989. № 31. С. 10.

¹²⁷ Сахаров А. Д. Конституция Союза советских республик Европы и Азии. Проект (URL: <http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Constitution.htm>).

¹²⁸ Бестужев-Лада И. В. О проектах российской Конституции // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993). Т. 2. М., 2008. С. 854.

¹²⁹ Кистанов В. В. Государственно-территориальное устройство России — на экономическую основу // Экономист. 1993. № 8. С. 57–62.

¹³⁰ Адамеску А. А. Указ. соч. С. 60–71.

¹³¹ Логиновский С. Л. К новому территориальному устройству России? // Полис. Политические исследования. 1997. № 5. С. 141–145.

экономических районов, имея, таким образом, объективную базу для интеграции. В 1990–1992 гг. появились «Дальний Восток», «Большой Урал», «Сибирское соглашение», «Центральная Россия», «Северо-Запад», «Черноземье», «Большая Волга», «Северный Кавказ». Однако масштабы ассоциаций оказались более крупными, некоторые из них объединили территории двух районов¹³². Фактически конфигурация МРА отсылала даже не к экономическим районам, а к областным объединениям конца 1910-х гг.

Вскоре, по прошествии активной фазы потрясений, сплоченность и долговечность МРА стали вызывать сомнения. Тем не менее они виделись предпочтительным вариантом нового АД страны, способствующим также развитию федерализма и повышению эффективности управления. В таком духе выступали как ученые¹³³, так и политики¹³⁴, а со временем идею подхватили и региональные лидеры-«тяжеловесы». Осенью 1998 г., после начала нового политического и экономического кризиса, с инициативой повышения роли МРА в управлении страной выступил глава «Центральной России», губернатор Ярославской области А. И. Лисицын — в этом он видел возможность «помочь Российскому государству, правительству и администрации Президента сформировать ту вертикаль власти, которая была бы работающей и взаимобязанной»¹³⁵. В январе 1999 г. укрепить МРА в целях уменьшения числа субъектов Федерации предложил глава «Сибирского соглашения», губернатор Томской области В. М. Кресс¹³⁶. Эти высказывания звучали особенно весомо с учетом того, что руководители ассоциаций вошли в состав «антикризисного» правительства. Наконец, весной 1999 г. идею поддержал и сам тогдашний премьер-министр Е. М. Примаков¹³⁷.

Явной реакцией на это движение стал Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ»¹³⁸. В нем отсутствовали положения, дававшие МРА возможность принять на себя государственные функции, стать прообразом будущих субъектов Федерации. Они квалифицировались лишь как некоммерческие организации, учреждаемые органами государственной власти субъектов на добровольной основе в целях межрегиональной интеграции и социально-экономического развития. Таким образом, эта возможность реформирования карты РФ «закрылась».

Незадолго до этого, осенью 1999 г., Адамеску и Кистанов озвучили новый вариант районирования России: на основе 11 традиционных экономических районов предлагалось создать 8 административно-территориальных образований, конфигурация которых почти совпадала с составом ассоциаций. Новые территориальные структуры предполагалось наделить «авторитетным правовым статусом» и назвать федеральными округами¹³⁹.

И весной 2000 г. федеральные округа (ФО) действительно появились на карте РФ (Центральный, Северо-Западный, Северокавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный). Однако регионалисты сразу же обратили внимание на специфику введенного районирования¹⁴⁰. В процессе определения границ округов не учитывались экономико-географические особенности, ФО не совпали ни с традиционной сеткой экономического районирования, ни с границами появившихся в 1990-е гг. МРА¹⁴¹. Из этих наблюдений делалось предположение, что округа создавались не столько для улучшения положения в экономике, сколько по политическим или даже

¹³² Подробнее см.: Круглов В. Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.; СПб., 2020. С. 287–288.

¹³³ Например: Сигов И. И. Региональная политика и управление. Чебоксары, 1997. С. 15; Голубчик М. М. Указ. соч. С. 104; Зотова З. М., Саликов М. С. Федеративное устройство России: две позиции. Оптимизация взаимоотношений между Центром и регионами // Полис. Политические исследования. 1998. № 3. С. 204–210.

¹³⁴ Национальный вопрос в Российской Федерации: поиски, иллюзии, возможности. Материалы парламентских слушаний. 22 апреля 1997 г. М., 1998. С. 22–23.

¹³⁵ Интервью телеканалу «НТВ» 29 сентября 1998 г.

¹³⁶ Парламентская газета. 2002. 23 августа.

¹³⁷ Усягин А. В. Система территориального управления Российской Федерации. Н. Новгород, 2007. С. 46.

¹³⁸ Российская газета. 1999. 21 декабря.

¹³⁹ Адамеску А. А., Кистанов В. В. Нужна новая форма территориального управления // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 1999. № 9. С. 27–34.

¹⁴⁰ Заяц Д. В. Начало новой административно-территориальной реформы? // География. 2000. № 21. С. 1–2.

¹⁴¹ Межевич Н. М. Основные направления региональной политики Российской Федерации. СПб., 2005. С. 54–55.

военно-политическим соображениям — прежде всего, дабы обуздать сепаратистские настроения на местах. В их создании виделась и попытка ослабления влияния ассоциаций с их более оправданной, с точки зрения регионоведения, конфигурацией¹⁴². Хотя создание ФО не означало автоматического роспуска МРА — напротив, ассоциации «подстроились» под округа, приведя свои границы в соответствие с окружающими. Их количество сократилось до семи (в соответствии с числом ФО), а членами остались только регионы, входящие в соответствующий округ. Невозможным оказалось и одновременное членство субъекта РФ в нескольких ассоциациях¹⁴³. По сути, произошла перекройка сложившегося за десятилетия районирования, и в этом снова можно усмотреть торжество «телеологического» подхода к пространственной организации над «генетическим».

Тем не менее радикальность нововведения в структурах власти явно осознавалась. Уже осенью 2001 г. рабочая группа Государственного совета РФ по подготовке предложений о системе органов государственной власти и управления в РФ выдвинула идею «оптимизации нарезки федеральных округов». Указывалось, что они созданы «без учета экономического районирования страны и экономического потенциала регионов», и предлагалось «уточнить» их количество и состав, взяв за основу «сложившееся экономическое зонирование страны, особенности организации базовых отраслей экономики, транспортной и социальной инфраструктуры». Численность ФО, согласно проекту, возрастала до 12–15, в каждый должно было входить не более 6–7 субъектов Федерации (предлагалась и обновленная сетка округов). Однако этот проект остался на бумаге, т.к. на него поступило отрицательное заключение министерства финансов РФ¹⁴⁴. Структура ФО сохраняет стабильность, изменения в ней редки и не имели принципиального значения.

Создание федеральных округов и прочие изменения в отношениях Центра и регионов породили ожидания более серьезных изменений, в первую очередь резкого сокращения количества субъектов РФ («укрупнение регионов»). Предложения такого рода — как общероссийского, так и локального характера — высказывали государственные чиновники, политические деятели, представители экспертного сообщества. «Информационный шум» создавал впечатление, что реформа не за горами. Поскольку почти все идеи ставили во главу угла экономический мотив, свою позицию поспешили обозначить и в научном сообществе. Наиболее активно и настойчиво выступал СОПС. Уже в 2000 г. группа его сотрудников (В. В. Кистанов, А. А. Адамеску, П. Е. Семёнов, Ю. А. Тихомиров, Б. М. Штульберг) под руководством главы Совета, академика РАН А. Г. Гранберга выдвинула проект административно-территориальной реформы на основе экономического районирования. Ученые сформировали на территории РФ 18 районов, которые делились (в целом) на 28 территориальных единиц — губерний, а те — на 76 краев и областей. Одновременно предполагалось перераспределение ряда управленческих функций от центра к регионам. Кистанов писал, что «проект докладывался на научных форумах, был опубликован, получил одобрение Администрации Президента и направлен в Комиссию при Президенте Российской Федерации по разработке Программы государственного строительства»¹⁴⁵, однако принят он не был.

В 2003–2004 гг. широкую огласку получил новый проект СОПС, изложенный в книге «Государственно-территориальное устройство России (экономические и правовые основы)» (авторский коллектив — А. Г. Гранберг, А. А. Адамеску, В. В. Кистанов, П. Е. Семёнов, Ю. А. Тихомиров, Б. М. Штульберг)¹⁴⁶. Концептуальная основа осталась прежней. Преобразования предполагалось проводить под эгидой экономического районирования, призванного выполнять три основные функции: политическую (укрепление целостности и устойчивости государства); социально-хозяйственную (создание наилучших условий для развития региональных комплексов хозяйства и товарных рынков); организационную (обеспечение управляемости территориями, регулирование их развития). «АТД должно способствовать построению наиболее рациональной системы государственного аппарата, его упрощению, удешевлению и приближению к массам, расширению

¹⁴² Подробнее см.: Усягин А. В. Система территориального управления... С. 75–80.

¹⁴³ Ноженко М. В., Белокурова Е. В. Северо-Запад России: регион или регионы? СПб., 2010. С. 60.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 293. Л. 23–95.

¹⁴⁵ Кистанов В. В. Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000. С. 16.

¹⁴⁶ Лимонова Т. Пути России к территориальной федерации // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». 2004. № 5. С. 121–127.

прав территориальных органов в решении вопросов локального значения», — писали авторы, стилистически почти дословно повторяя аргументацию советского периода.

Проект предполагал пересмотр сетки федеральных округов: их оставалось семь (Центр, Северо-Запад, Юг, Приволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), но менялась внутренняя конфигурация. Округа, в свою очередь, делились на 28 губерний, а те — на 79 областей. По сути, перед нами очередное обращение к идеям 1920-х гг. с их схемой «край/область — округ — район». Есть сведения, что проект рассматривался в правительстве и администрации Президента РФ. Однако он подвергся аргументированной критике как в научных кругах, так и в СМИ, а публичные выступления Адамеску с намеками на поддержку во властных структурах дезавуировал тогдашний министр экономического развития и торговли Г. О. Греф, который назвал соответствующие высказывания «частным научным взглядом авторов»¹⁴⁷.

В конечном итоге общепринятой концепции укрупнения регионов так и не сложилось. А с 2008 г. сошел на нет сам процесс укрупнения, давший довольно скромные результаты; поутихли и разговоры вокруг него. В последующие годы выступления государственных и политических деятелей, затрагивавшие тему изменения АТД, звучали редко, носили разрозненный характер и уже не вызвали такой интенсивной дискуссии, как в 1990-е и 2000-е гг. Курс на поддержание стабильности, принятый руководством страны в начале 2000-х гг., в рассматриваемой сфере выдерживается целенаправленно. Однако вызывает интерес то, что возможные «региональные» преобразования «подаются» и обсуждаются в первую очередь в рамках социально-экономической аргументации¹⁴⁸. Более того, идеи, восходящие к концепции экономического районирования, регулярно фигурируют в решениях высших органов власти. Так, в 2005 г. принят Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹⁴⁹, призванный обеспечить на тех или иных территориях страны обстановку наибольшего благоприятствования для хозяйственной, предпринимательской и т. п. деятельности. Им также предусмотрено функционирование «кластеров» — совокупностей экономических зон. В 2011 г. появился закон «О зонах территориального развития в Российской Федерации»¹⁵⁰, действующих на уровне муниципалитетов. В последние годы на уровне правительства выдвинута идея перехода к развитию межгородских агломераций¹⁵¹. Очевидно, что, как и в 1960–1970-е гг., в структурах власти готовы обращаться к научным наработкам, имеющим прикладной характер и не покушающимся на сферу управления.

Обзор истории экономического районирования и попыток его применения к административно-территориальному устройству России порождает вопрос — насколько реалистичны были планы переустройства на его основе? Не с использованием лишь наименования, а с применением принципов и подходов, свойственных ему. Представляется, что ответ — независимо от политического режима — в целом отрицательный.

Дело прежде всего в том, что экономическое районирование изначально складывалось в пику государственному строю. Выработкой его занимались ученые «прогрессивных» взглядов, оно уже в своей основе несло отрицание действовавшего АТД — якобы искусственного, косного, отсталого, «не соответствующего насущным потребностям» и т. д. Отсюда стремление к выявлению «естественных» хозяйственных районов, которые в перспективе должны лечь в основу нового деления страны. Это видение широко распространилось уже в начале XX в., стало альтернативным проектом, подходящим со всех точек зрения (в особенности с учетом его подчеркнутой научности, которая в то время выступала неперемнным атрибутом «прогрессивности»). Многие экономисты-географы принимали участие в общественно-политической деятельности, которая

¹⁴⁷ Останется 29 регионов? // Россия выбирает. 2004. 18 ноября.

¹⁴⁸ Хуснуллин выступил за сокращение числа регионов России // Коммерсантъ. 2021. 24 апреля (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4792977>).

¹⁴⁹ Собрание законодательства РФ. 2005. № 30, ч. II. Ст. 3127.

¹⁵⁰ Собрание законодательства РФ. 2011. № 49, ч. I–V. Ст. 7070.

¹⁵¹ Лазарева Е. В 37 регионах России будут объединять города // Информационное агентство Ura.ru. 2021. 24 июня. URL: <https://ura.news/articles/1036282531> (дата обращения: 05.04.2022).

в тот период имела по преимуществу оппозиционный характер. В этом смысле неудивительно, что идеи экономического районирования довольно быстро подхватили большевики, искавшие подход, альтернативный «царскому», «казенно-бюрократическому». Главенствовавший на первых порах в идеологической повестке пафос отмирания государства старого вида, строительства общества на принципиально новых, естественнонаучных основах определял многие принципиальные решения. Также благодаря этому к совместной работе удалось «подключить» ранее скептически настроенных представителей научного сообщества («ленинская линия на привлечение крупных специалистов науки»), то есть достигалось сразу несколько целей.

Однако именно этот антигосударственный настрой, императив отказа от мелких единиц АТД в пользу крупных «природных» районов, обладающих еще и широкими правами самоуправления, в конечном счете и сыграл против перспектив воплощения данного подхода в его наиболее полном виде, соответствующем оригинальной задумке. Идея отмирания государства сначала подспудно, затем вполне откровенно оказалась снята с повестки дня, сменившись противоположным настроением. Диктовался этот поворот как субъективными, так и объективными соображениями. Однако в любом случае районирование как основополагающий принцип в него попросту не вписывалось. Больше того, создание крупных единиц территориального управления, имевших твердую хозяйственную основу, власти которых обладали широким набором полномочий, само по себе порождало нестабильность. В центре рождались страхи распада страны, на местах же стимулировались если не центробежные настроения, то во всяком случае стремление к большей самостоятельности. Наконец, куда ближе идеологическому посылу нового режима оказывался проект национально-государственного строительства, который должен был сработать на достижение важнейших целей — формирования коммунистической нации, преодолевшей этнические различия и предрассудки, и оказания благоприятного идеологического воздействия на «народы мира».

В результате идея административно-территориальной реформы на основе принципа экономического районирования оказалась перетолкована в политико-идеологическом духе. А по достижении желаемых целей (прежде всего упрочения положения нового строя и его руководства) от нее начали стремительно отказываться. Не в последнюю очередь потому, что выявились многочисленные недостатки воплощенного проекта — прежде всего управленческие, осложнявшие «прохождение сигналов» руководящих органов к нижестоящим. Оказалось, что столь пространственно обширные образования попросту плохо управляемы в рамках жестко централизованного режима, стремящегося к полному контролю над всеми сферами жизни общества. Как следствие, к середине 1940-х гг. следов реформы на карте СССР не осталось.

В последующие десятилетия представители научного сообщества неоднократно пытались актуализировать эту идею. Данное желание можно понять: послесталинское руководство страны регулярно создавало поводы для мечтаний — сначала совнархозовской реформой, затем лозунгами строительства коммунизма или развитого социализма (переход на новую стадию общественного развития требовал и новых форм, в том числе территориальной организации общества). Постоянно звучала и стимулировавшая поиски в этом направлении риторика обращения к «ленинскому наследию», важной (и едва ли не наиболее основательно проработанной) составляющей которого и являлось районирование. Однако всякий раз идеи приходились не ко двору. В советский период сигналы «гасли» в условиях идеологической монополии, предполагавшей, что все проекты переустройства должны исходить только от режима. Ученых — даже в периоды острых кризисов — могли выслушивать, но не более. В поздние и постсоветские же времена, в обстановке сначала ускоренного распада СССР, а затем страхов распада уже РФ, любые идеи, хотя бы намекавшие на создание чреватой дезинтеграционными процессами нестабильности, могли высказываться и даже достаточно широко дискутироваться, но на уровне структур власти отвергались неизменно и практически демонстративно.

В итоге получается, что воплощению идеи экономического районирования мешали сами ее основы, не говоря уже о конкретном содержании. Без сомнения, «на бумаге» эта идея выглядит весьма внушительно и солидно. Мысль о естественных, «гармонических» основах существования страны и организации жизни в ней очень привлекательна. Однако представляется, что в условиях столь крупной и обширной страны, как Россия, она, к сожалению, порождает не менее естественные

опасения, а при воплощении — и основания для распада. Любое политическое руководство будет стремиться к обратному — максимальному укреплению территориального единства, устранению всех угроз таковому. Подрывает позиции идеи и явно шаткое представление о том, что экономические районы — явление стабильное на длительном промежутке времени. Множество признаков указывает на обратное. Как следствие, воплощение принципа будет означать постоянное изменение границ, а значит, подрыв стабильности и управления, и общественно-политической жизни.

Тем не менее одно наследие экономического районирования осталось в практике территориального управления страны. Это увязка экономического и политического центров административно-территориальных единиц. Если до 1917 г. прямой связи такого рода не существовало, то большевики сделали ставку именно на этот сценарий. С точки зрения идеологии он выглядел оправданно: индустриальные центры — «повседневные скопления пролетариев» — выступали, казалось, естественными оплотами большевиков с их «диктатурой пролетариата», а также должны были влиять на крестьянскую округу, «заражая» ее «пролетарской идеей». Как следствие, именно туда переносились центры губерний, именно таковые становились столицами новых единиц управления (как «регулярных», так и этнических). С середины 1930-х гг., с началом отказа от системы «госплановских» краев и областей, именно вокруг промышленных городов группировались единицы обновляемого АТД. Фактически экономическая, хозяйственная (и прочая — вплоть до культурной) деятельность сосредотачивалась или стремилась в столицу области/края/республики. Однако на практике это вело к обеднению всех аспектов жизни региона, выстраиванию системы, при которой прочие города фактически низводились на уровень поставщиков ресурсов для главного города. Не раз это становилось причиной неудачи тех или иных новых областей (Великолукская, Каменская, Арзамасская, Балашовская и др.), центры которых из-за своей изначальной слабости и невозможности быстро сократить разрыв просто не выдерживали конкуренции с бывшими столицами, и вся округа вскоре возвращалась под контроль последних.

В научных публикациях последнего времени ставится проблема «вторых городов» — как правило, промышленных центров, значимых, но не являющихся центрами областей/краев, подчиняющихся более крупному или равновеликому центру, имеющему «столичный» статус¹⁵². Такие города, как Магнитогорск, Ковров, Нижний Тагил, Новокузнецк, Череповец, сумели сохранить особое значение благодаря вовремя приобретенному потенциалу, другие, типа Липецка, Кургана, Белгорода, смогли стать областными центрами и закрепиться в этом ранге. В то же время отмечается, что разрыв даже между первым и вторым городами той или иной единицы АТД, как правило, слишком большой. Как следствие, «второй город» почти никогда не в состоянии составить серьезную конкуренцию столице и само свое положение может поддерживать лишь при особых условиях.

Мировая практика между тем показывает, что разделение функций административного и хозяйственного (культурного и т. д.) центров между разными городами — не исключая и столицы государств — не просто возможно, но и желательно. Это позволяет рассредоточить политическую и экономическую активность, стимулирует культурное и интеллектуальное развитие, способствует обогащению всех сфер жизни страны и «стягивает» ее пространство гораздо эффективнее и прочнее. В нынешних условиях, когда индустриальная составляющая перестала играть определяющую роль, желательно отойти от устаревшей жесткой схемы советского периода, диктовавшейся дискредитированными ныне идеологическими соображениями.

Подводя итог, история последних десятилетий показала, что главенство «экономизма» как подхода к развитию государства и общества пагубно, стремление дотошно планировать и регулировать хозяйственную жизнь ведет к многочисленным негативным явлениям, а организация управления, исходящая прежде всего из ресурсно-производственных соображений, создает риски для сохранения пространственного единства. К тому же в условиях, когда в управленческой практике господствует принцип политической целесообразности, даже самые научные и точно просчитанные идеи и проекты неизбежно подвергаются искажению. А поскольку нарушение их цельности — залог неудачи воплощения, не приходится удивляться весьма скромным результатам,

¹⁵² Тургель И. Д., Власова Н. Ю. «Вторые» города Урала: от города-завода — к многофункциональным центрам // Региональные исследования. 2016. № 2. С. 43–54.

явно несообразным приложенным для их получения усилиям. Вместе с тем полагаю, что воплощение экономического районирования в управленческую практику явилось шагом в целом положительным, пусть хотя бы и потому, что выявило, в первую очередь, недостатки данного подхода.

REFERENCES

- Abalkin L. I. *Izbrannyye trudy: v 4 t.* [Selected works: in 4 vols.]. Moscow: Ekonomika Publ., 2000, vol. 3. (In Russian).
- Adamescu A. A. [Toward the improvement of the territorial and organizational structure of Russia]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian Economic Journal], 1993, no. 10, pp. 60–71. (In Russian).
- Adamescu A. A., Kistanov V. V. [A new form of territorial administration is needed]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' - Observer* [Scientific and analytical journal Obozrevatel - Observer], 1999, no. 9 (116), pp. 27–34. (In Russian).
- Administrativno-territorial'noye ustroystvo Rossii: istoriya i sovremennost'* [Administrative-territorial structure of Russia: history and modernity]. Moscow: OLMA-Press Publ., 2003. (In Russian).
- Administrativnyye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Administrative reforms in Russia: history and modernity]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (In Russian).
- Aganbegyan A. G. [On the combination of sectoral and territorial principles of economic management]. *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 1978, digest 109: Geographic Aspects of Management, pp. 12–24. (In Russian).
- Aganbegyan A. G. [The problem of combining sectoral and territorial management]. *Sistema upravleniya ekonomikoy razvitogo sotsializma. Tendentsii i problemy* [Management system of the economy of developed socialism. Trends and problems]. Moscow: Ekonomika Publ., 1982, pp. 223–224. (In Russian).
- Alampiev P. M. [On the objective basis of economic zoning and its prospective character]. *Voprosy razmeshcheniya proizvodstva i ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Issues of production location and economic zoning]. Moscow: Gosplanizdat Publ., 1960, pp. 239–253. (In Russian).
- Alampiev P. M. *Ekonomicheskoye rayonirovaniye SSSR* [Economic zoning of the USSR]. Moscow: Gosplanizdat Publ., 1959, book 1. (In Russian).
- Alampiev P. M. *Problemy general'nogo ekonomicheskogo rayonirovaniya SSSR na sovremennom etape* [Problems of the general economic zoning of the USSR at the present stage]. Leningrad: B. i., 1959. (In Russian).
- Alekseev P. V. *Revolutsiya i nauchnaya intelligentsiya* [Revolution and scientific intelligentsia]. Moscow: Politizdat Publ., 1987. (In Russian).
- Alekseev V. V. [From centralization to disintegration of Russia]. *Rossiya na rubezhe XXI veka. Oglyadyvayas' na vek minuvshiy* [Russia at the turn of the 21st century. Looking back at the past]. Moscow: Nauka Publ., 2000, pp. 7–25. (In Russian).
- Belousov I. I. [On the project of economic zoning of the USSR, composed by N. N. Kolosovsky]. *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 1957, digest 41: Economic geography, pp. 29–46. (In Russian).
- Belousov I. I. *Osnovy ucheniya ob ekonomicheskoy rayonirovani* [Fundamentals of the economic zoning doctrine]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1976. (In Russian).
- Bestuzhev-Lada I. V. [On the projects of the Russian Constitution]. *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993)* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993)]. Moscow: Wolters Kluwer Publ., 2008, vol. 2, pp. 853–856. (In Russian).
- Cadiot J. *Laboratoriya imperii: Rossiya/SSSR, 1890–1940* [The Empire's Laboratory: Russia/USSR, 1890–1940]. Moscow: Novoye lit. obozreniye Publ., 2010. (In Russian).
- Chebotareva V. G. *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki, 1917–1924 gg.* [People's Commissariat for National Affairs of the RSFSR: Light and Shadows of National Policy, 1917–1924]. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 2003. (In Russian).
- Chernitsova O. V. [Konstantin Stepanovich Veselovsky. To the 200th anniversary of the birth]. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], 2019, no. 1, pp. 119–127. (In Russian).
- Chetyrkin V. M. *Problemnyye voprosy ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Problematic questions of economic zoning]. Tashkent: Fan Publ., 1967. (In Russian).

Demichev E. V. *Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. v kontekste spetsifiki otechestvennoy istorii* [The reform of industry and construction management in 1957–1965 in the context of the specifics of national history]. Moscow: In-t biznesa i politiki Publ., 2008. (In Russian).

Edinyy narodno-khozyaystvennyy kompleks: sodержaniye i zakonomernosti razvitiya [A single national economic complex: the content and patterns of development]. Moscow: Mysl' Publ., 1985. (In Russian).

Ekonomicheskaya geografiya SSSR: uchebnik dlya ekonomicheskikh spetsial'nostey vuzov [Economic geography of the USSR: a textbook for economic specialties of universities]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1983. (In Russian).

Feldman M. A. *Vlast', uchenyye, rabochiye SSSR v gody nepa: problemy vzaimootnosheniy* [Power, scientists, workers of the USSR during the NEP years: problems of relationships]. Ekaterinburg: Ural'skiy institut upravleniya — filial RANKhIGS Publ., 2020. (In Russian).

Filonenko A. L. *VSNKh: ideya i real'nost'* [VSNKh: idea and reality]. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitog. gos. ped. in-ta Publ., 1998. (In Russian).

Gimpelson E. G. [Why was the NEP canceled?]. *NEP. Ekonomicheskiye, politicheskiye i sotsiokul'turnyye aspekty* [NEP. Economic, political and socio-cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, pp. 87–95. (In Russian).

Golubchik M. M. [Ideas of N. P. Ogarev on economic zoning and modern problems of the territorial division of labor in the Russian Federation]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Mordovia University Bulletin], 1997, no. 2/3, pp. 100–105. (In Russian).

Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii: sto let peremen [City and village in European Russia: a hundred years of changes]. Moscow: OGI Publ., 2001. (In Russian).

Hirsch F. *Imperiya natsiy. Etnograficheskoye znaniye i formirovaniye Sovetskogo Soyuz* [Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2022. (In Russian).

Islyayev R. A. *Administrativno-territorial'noye ustroystvo Sovetskoy Rossii i SSSR* [Administrative and territorial structure of Soviet Russia and the USSR]. Saint Petersburg: SPbGIEU Publ., 2002. (In Russian).

Ivanova E. A. *Administrativno-territorial'naya reforma v RSFSR i yeye vliyaniye na sotsial'noye, ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Zapadnoy oblasti (1918–1937)* [Administrative and territorial reform in the RSFSR and its impact on the social, economic and cultural development of the Western Oblast (1918–1937)]. Smolensk: Smolenskaya oblastnaya tipografiya im. V. I. Smirnova Publ., 2009. (In Russian).

Kalashnikova T. M. *Ekonomicheskoye rayonirovaniye* [Economic zoning]. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 1982. (In Russian).

Kappeler A. *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknoveniye, istoriya, raspad* [Russia is a multinational empire. Emergence, history, decay]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000. (In Russian).

Karelin E. G. [Formation and functioning of regional mechanism of government in regionalized West area of Russia in 1929–1937]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2008, no. 1 (6), pp. 42–49. (In Russian).

Karelin E. G. *Regional'nyy mekhanizm vlasti i upravleniya Zapadnoy oblasti Sovetskoy Rossii (1917–1937 gg.)* [Regional mechanism of power and administration of the Western Oblast of Soviet Russia (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014. (In Russian).

Khlevniuk O. V. [Nomenklatura revolution. Regional party leaders in the USSR, 1936–1939]. *Rossiiskaia Istorija* [Russian History], 2016, no. 5, pp. 36–52. (In Russian).

Khorev B. S. [Actual problems of management of the territorial organization of the Soviet society, socio-economic zoning and territorial planning]. *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 1978, digest 109: Geographic Aspects of Management, pp. 25–60. (In Russian).

Khorev B. S. *Regional'naya politika v SSSR (ekonomiko-geograficheskiy podkhod)* [Regional policy in the USSR (economic and geographical approach)]. Moscow: Mysl' Publ., 1989. (In Russian).

Kibalchich O. A. [Territorial and production complexes]. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1976, vol. 25, p. 508. (In Russian).

Kilin A. P. [Mixed Economic System as an Indicator of District Division Efficiency in the Urals (1923–1924)]. *Rossiyskiye ekonomicheskiye reformy v regional'nom izmerenii: sbornik materialov Vserossiyskoy nauch. konf., posvyashchennoy stoletiyu nachala NEPa (Novosibirsk, 16–17 sentyabrya 2021 g.)* [Russian

economic reforms in the regional dimension: collection of materials of the All-Russian Sci. Conf. dedicated to the centenary of the beginning of the NEP (Novosibirsk, September 16–17, 2021)]. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2021, pp. 373–382. (In Russian).

Kistanov V. V. [The state and territorial structure of Russia — on an economic basis]. *Ekonomist* [The Economist], 1993, no. 8, pp. 57–62. (In Russian).

Kistanov V. V. *Federal'nyye okruga Rossii: vazhnyy shag v ukreplenii gosudarstva* [Federal districts of Russia: an important step in strengthening the state]. Moscow: Ekonomika Publ., 2000. (In Russian).

Kolosovsky N. N. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Smolensk: Oikumena Publ., 2006. (In Russian).

Kruglov V. N. *Organizatsiya territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezul'taty* [Organization of the territory of Russia in 1917–2007: ideas, practice, results]. Moscow; Saint Petersburg: IRI RAN, Tsentrum gumanitarnykh initsiativ Publ., 2020. (In Russian).

Kudryasheva N. V. [Regional policy of the Bolsheviks and the definition of the principles of administrative-territorial reform (1920–1928)]. *Problemy istorii rossiyskoy tsivilizatsii* [Problems of the history of Russian civilization]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2007, iss. 3, pp. 127–132. (In Russian).

Kushnir A. G. [Reorganization of the political and administrative division of Russia as a means of capturing and retaining power (from the experience of the revolutionary transformations of 1917–1918)]. *Otechestvennaya istoriya XX veka: ekonomicheskaya, politicheskaya i sotsial'naya zhizn', prepodavaniye v vuze. Materialy mezhdunar. konf., posvyashchennoy 70-letiyu V. Z. Drobizheva* [Domestic history of the 20th century: economic, political and social life, teaching at the university. Proceedings of the international conf. dedicated to the 70th anniversary of V. Z. Drobizhev]. Moscow: Tsentrum teoret. problem ist. nauki ist. fak. MGU im. M. V. Lomonosova Publ., 2004, pp. 244–275. (In Russian).

Kushnir A. G. *Demokraticeskaya al'ternativa serediny 20-kh godov: reformy sistemy upravleniya v Sovetskoy Rossii* [Democratic alternative of the mid-20s: reforms of the government system in Soviet Russia]. Moscow: Izd-vo MPI Publ., 1989. (In Russian).

Limonova T. [Russia's paths to a territorial federation]. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' - Observer* [Scientific and analytical journal Obozrevatel' - Observer], 2004, no. 5 (172), pp. 121–127. (In Russian).

Loginovsky S. L. [Towards new territorial arrangement of Russia?]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1997, no. 5, pp. 140–145. (In Russian).

Loskutova M. V. ["Science on a regional scale:" the idea of natural regions in Russian geography and the origins of the local studies movement in the 1920s]. *Ab Imperio*, 2011, no. 2, pp. 83–121. (In Russian).

Lyutov L. N. *Obrechennaya reforma. Promyshlennost' Rossii v epokhu NEPa* [Doomed Reform. Russian industry in the era of the NEP]. Ulyanovsk: Ul'yan. gos. un-t Publ., 2002. (In Russian).

Malaya sovetskaya entsiklopediya [Small Soviet encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1937, vol. 5. (In Russian).

Malysheva E. P. [Soviet experience of administration]. *Administrativnyye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Administrative reforms in Russia: history and modernity]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, pp. 413–510. (In Russian).

Malysheva E. P. [Territorial structure of the Soviet state]. *Territoriya i vlast' v novoy i noveyshey istorii Rossiyskogo gosudarstva* [Territory and power in the modern and current history of the Russian state]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 147–173. (In Russian).

Martin T. *Imperiya "polozhitel'noy deyatelnosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The "affirmative action" empire. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (In Russian).

Materialy III s'yezda Geograficheskogo obshchestva SSSR po probleme ekonomicheskogo rayonirovaniya strany [Materials of the 3rd Congress of the Geographical Society of the USSR on the problem of economic zoning of the country]. Leningrad: B. i., 1961. (In Russian).

Meerovich M. G. ["Geneticists" and "teleologists": discussion concerning the zoning of the USSR]. *Arkhitkton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], 2012, no. 4 (40), pp. 63–79. Available at: http://archvuz.ru/2012_4/8/ (accessed: 01.05.2022). (In Russian).

Mezhevich N. M. *Osnovnyye napravleniya regional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: uchebnoye posobiye* [The main directions of the regional policy of the Russian Federation: a textbook]. Saint Petersburg: S.-Peterb. gos. un-t telekommunikatsiy Publ., 2005. (In Russian).

Nechipurnova N. S. *Partiynoye rukovodstvo opytным administrativno-khozyaystvennym rayonirovaniyem Severnogo Kavkaza* [Party leadership of the experimental administrative and economic zoning of the North Caucasus]. Ordzhonikidze: Ir Publ., 1968. (In Russian).

Neizvestnyye i maloizvestnyye stranitsy otechestvennogo rayonirovaniya [Unknown and little-known pages of domestic zoning]. Moscow: URSS Publ., 2006. (In Russian).

Nemtsev V. A. *Pravovyye i organizatsionnyye problemy administrativno-territorial'nogo deleniya soyuznoy respubliki (na materialakh Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka)* [Legal and organizational problems of the administrative-territorial division of the Union Republic (based on materials from Eastern Siberia and the Far East)]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta Publ., 1974. (In Russian).

Nozhenko M. V., Belokurova E. V. *Severo-Zapad Rossii: region ili regiony?* [North-West of Russia: a region or regions?]. Saint Petersburg: Norma Publ., 2010. (In Russian).

Pavlovsky R. S., Shafir M. A. *Administrativno-territorial'noye ustroystvo SSSR* [Administrative-territorial structure of the USSR]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1961. (In Russian).

Perchenok F. F. ["The case of the Academy of Sciences" and "the great break" in Soviet science]. *Tragicheskiye sud'by: repressirovannyye uchenyye Akademii nauk SSSR* [Tragic fates: repressed scientists of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 201–235. (In Russian).

Polyan P. M. *Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shanskiy, 1870–1942* [Veniamin Petrovich Semyonov-Tyan-Shansky, 1870–1942]. Moscow: Nauka Publ., 1989. (In Russian).

Popov G. Kh. [Management of the economy: some questions of theory and practice]. *Kommunist* [Kommunist], 1976, no. 19, pp. 70–81. (In Russian).

Rayonirovaniye SSSR: sbornik materialov po rayonirovaniyu s 1917 po 1925 god [The USSR zoning: a collection of materials on zoning from 1917 to 1925]. Moscow; Leningrad: Planovoye khozyaystvo Publ., 1926. (In Russian).

Rzhevsky V. A. *Territorial'naya organizatsiya Sovetskogo gosudarstva* [Territorial organization of the Soviet state]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo Publ., 1966. (In Russian).

Salomatkin A. S. *Administrativno-territorial'noye ustroystvo Rossiyskoy Federatsii. Voprosy teorii i praktiki* [Administrative and territorial structure of the Russian Federation. Questions of theory and practice]. Moscow: Manuscript Publ., 1995. (In Russian).

Saran A. Yu. *Bol'shaya Orlovshchina. Istoriya administrativnykh granits (1566–2012)* [The big Orlov region. History of administrative boundaries (1566–2012)]. Orel: Orel GAU Publ., 2013. (In Russian).

Saushkin Yu. G. *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic geography: history, theory, methods, practice]. Moscow: Mysl' Publ., 1973. (In Russian).

Shafir M. A. *Administrativno-territorial'noye ustroystvo Sovetskogo gosudarstva* [Administrative and territorial structure of the Soviet state]. Moscow: Nauka Publ., 1983. (In Russian).

Shishkov M. K. *Administrativno-territorial'noye ustroystvo i territorial'nyye osnovy mestnogo samoupravlениya sub'yektov Rossiyskoy Federatsii (na primere Samarskoy oblasti)* [Administrative-territorial structure and territorial foundations of local self-government of the subjects of the Russian Federation (on the example of the Samara region)]. Samara: Samarskiy munitsipal'nyy institut upravleniya Publ., 2004. (In Russian).

Shubin S. I. *Severnyy kray v istorii Rossii. Problemy regional'noy i natsional'noy politiki v 1920–1930-ye gg.* [Northern Krai in the history of Russia. Problems of regional and national policy in the 1920s–1930s]. Arkhangelsk: Pomor. gos. un-t im. M. V. Lomonosova Publ., 2000. (In Russian).

Shulgina O. V. *Istoricheskaya geografiya Rossii XX veka: sotsial'no-politicheskiye aspekty* [Historical geography of Russia in the 20th century: socio-political aspects]. Moscow: MGPU Publ., 2003. (In Russian).

Shumeiko V. F. *Rossiya: ot unitarnogo k federativnomu gosudarstvu. Istoricheskiye, mental'nyye i politicheskiye korni rossiyskogo federalizma: kurs lektsiy* [Russia: from a unitary to a federal state. Historical, mental and political roots of Russian federalism: a course of lectures]. Moscow: Natsional'nyy institut biznesa Publ., 2006. (In Russian).

Shuvalov V. E. [Economic zoning]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/4927286> (accessed: 01.05.2022). (In Russian).

Sigov I. I. *Regional'naya politika i upravleniye* [Regional policy and management]. Cheboksary: Assotsiatsiya sodeystviya vuzam Publ., 1997. (In Russian).

Sokolov V. N. [Democracy and borders]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], August 2, 1989, no. 31 (5253), p. 10. (In Russian).

Solovieva T. V. [The GOELRO plan and the administrative-territorial structure of the Urals in the 1920s]. *Shestytye Tatishchevskiy chteniya: tezis dokladov i soobshcheniy (Ekaterinburg, 20–21 aprelya 2006 g.)* [6th Tatishchev readings: abstracts of reports and messages (Ekaterinburg, April 20–21, 2006)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 2006, vol. 1, pp. 204–210. (In Russian).

Strekalov I. N. *Poslednyaya Konstitutsiya Sovet'skogo Soyuz: k voprosu o sozdanii* [The last Constitution of the Soviet Union: on the issue of creation]. Moscow: Algoritm Publ., 2018. (In Russian).

Strumilin S. G. *Ocherki ekonomicheskoy istorii Rossii i SSSR* [Essays on the economic history of Russia and the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1966. (In Russian).

Sukhopara F. N. [Unity of economic and administrative zoning in the USSR]. *Voprosy razmeshcheniya proizvodstva i ekonomicheskogo rayonirovaniya* [Issues of location of production and economic zoning]. Moscow: Gosplanizdat Publ., 1960, pp. 254–268. (In Russian).

Tarkhov S. A. [Changes in the administrative-territorial division of Russia in the 13th–20th centuries]. *Logos* [Logos], 2005, no. 1 (46), pp. 65–101. (In Russian).

Territoriya i vlast' v novoy i noveyshey istorii Rossiyskogo gosudarstva [Territory and power in the modern and current history of the Russian state]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012. (In Russian).

Turgel I. D., Vlasova N. Yu. [The "second" Urals cities: from the city-pant to the multifunctional centers]. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional studies], 2016, no. 2 (52), pp. 43–54. (In Russian).

Usyagin A. V. *Politicheskoye upravleniye i yego territorial'nyye aspekty: rossiyskiy opyt* [Political management and its territorial aspects: Russian experience]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta Publ., 2005. (In Russian).

Usyagin A. V. *Sistema territorial'nogo upravleniya Rossiyskoy Federatsii* [The system of territorial government of the Russian Federation]. Nizhny Novgorod: izd-vo Volgo-Vyatskoy akad. gos. sluzhby Publ., 2007. (In Russian).

Volynskaya B. N. [Problems of regional zoning (on the example of the RSFSR)]. *Voprosy geografii* [Questions of Geography], 1978, digest 109: Geographic Aspects of Management, pp. 189–199. (In Russian).

Vorobey A. P. [«Personnel Revolution» in the European North of Russia (1929–1930)]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2004, no. 6, pp. 67–73. (In Russian).

Vorobey A. P. [Transformation of administrative and territorial division in the Euro-Arctic region of Russia in the 1920s–1930s: objectives and results]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2013, no. 5, pp. 14–22. (In Russian).

Zayats D. V. [The beginning of a new administrative-territorial reform?]. *Geografiya* [Geography], 2000, no. 21, pp. 1–2. (In Russian).

Zotova Z. M., Salikov M. S. [Federative arrangement of Russia: two positions]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1998, no. 3, pp. 204–210. (In Russian).

ИСТОЧНИКИ

УДК 94 (571.122)"19":912.43

Яшков Иван Александрович

к.г.н., заместитель директора по научной работе, Музей геологии, нефти и газа (Россия, Ханты-Мансийск)

ORCID: 0000-0002-5212-5409

E-mail: zamnr@muzgeo.ru

Сурков Дмитрий Андреевич

заведующий отделом истории и этнографии, Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск)

ORCID: 0000-0002-9422-5029

E-mail: Surd85@mail.ru

Ханты-Мансийский автономный округ —

Югра в зеркале исторической географии: обзор тематических карт первой половины XX в. из коллекции Музея геологии, нефти и газа*

АННОТАЦИЯ. В статье дается краткий обзор коллекции из 14 тематических географических карт территории современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, относящихся к концу 20-х — 40-х гг. XX в. Эта коллекция электронных карт, поступившая в картографическую базу Музея геологии, нефти и газа в 2020 г., является уникальным картографическим источником, содержащим ценную историческую информацию о территории региона в разрезе экономики и природопользования, землепользования и землеустройства, экономической географии и геоурбанистики, а также геоботаники, экологической истории и других наук о Земле и смежных дисциплин. Карты выполнены вручную, с использованием оригинальных элементов оформления легенды и системы условных обозначений.

Представленные картографические произведения имеют большую научную ценность, прежде всего с точки зрения исторической географии. Подготовка карт осуществлялась в период, когда на территории Западной Сибири не производилось широких топографо-геодезических работ; не были повсеместными также экспедиционные работы и полевая съемка. В это время регион характеризовался преобладанием традиционных форм хозяйствования населяющих его коренных народов, развитием сельского хозяйства, рыбной промышленности и лесозаготовок переселенцами. Особое значение карты приобретают сегодня, так как дают информацию для проведения сравнительного анализа — с начала 1950-х гг. начинается масштабная индустриализация региона в связи с открытием крупнейших в стране запасов углеводородов и началом эксплуатации Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Этот новый этап развития региона, продолжающийся по настоящее время, основательно трансформировал все предыдущие формы хозяйственного использования территорий и кардинально изменил ход экологической истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, картография, историческая география, Музей геологии, нефти и газа.

* Авторы выражают благодарность кандидату технических наук Николаю Федоровичу Опышко, с разрешения которого картографические произведения изучаются в музее и печатаются. Благодарим за содействие в подготовке электронных копий карт Научно-аналитический центр рационального недропользования им. В. И. Шпильмана (г. Ханты-Мансийск) и лично Ольгу Николаевну Шаламову, заведующего лабораторией подготовки картографической и цифровой информации. За научные консультации по изучению тематических карт благодарим Институт географии РАН (г. Москва) и лично Александра Георгиевича Хропова, старшего научного сотрудника отдела картографии и дистанционного зондирования Земли.

SOURCES

UDC 94 (571.122)"19":912.43

Ivan A. Yashkov

candidate of geographical sciences, Deputy Director of the Museum of Geology, Oil and Gas (Russia, Khanty-Mansiysk)

ORCID: 0000-0002-5212-5409

E-mail: zamnr@muzgeo.ru

Dmitriy A. Surkov

head of the Department of History and Ethnography, Museum of Nature and Human (Russia, Khanty-Mansiysk)

ORCID: 0000-0002-9422-5029

E-mail: Surd85@mail.ru

**Khanty-mansi autonomous okrug — yugra in the mirror of historical geography:
a survey of the thematic maps of the first half of the 20th century
from the collection of the museum of geology, oil and gas**

ABSTRACT. The article gives a brief survey of a set of 14 thematic maps of the late 1920s–1940s representing the territory of the modern Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. This collection of electronic maps, which has been received by the Museum of Geology, Oil and Gas in 2020, is a unique cartographic source containing a valuable historical information on the region's territory as regards of economy and nature management, land use and land tenure system, economic geography and geourbanistics, as well as geobotany, environmental history and other earth sciences and related disciplines. The maps are hand-made with the use of original design of the legend and the system of symbolic designation. These cartographic products are also of great scientific value, first of all, in connection to the historical geography. The preparation of the maps had been fulfilled at a time when there were no extensive topographic and geodesic works on the territory of Western Siberia, and expeditionary works and field surveys were not widespread. At that period, the region was characterized by the predominance of traditional economic forms of its indigenous inhabitants, as well as the development of agriculture, fishery and logging by special settlers. Today, these maps are of particular importance as they provide information for comparative analysis — since the beginning of the 1950s, the large-scale industrialization of the region began in connection with the discovery of the country's largest hydrocarbon reserves and the start of exploitation of the West Siberian oil and gas province. This new period of the region's development, which is lasting up to the present day, to a large extent transformed all previous forms of economic use of territory and radically changed the course of environmental history.

KEYWORDS: Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, cartography, historical geography, Museum of Geology, Oil and Gas.

В исторической географии при изучении природных и природно-антропогенных процессов и явлений прошлого большую роль играют картографические источники информации. Карты выступают важным инструментом познания событий, которые разворачивались на территории в конкретные интервалы времени, а их анализ и сравнение с современными данными позволяют реконструировать ход различных процессов, связанных с хозяйственной деятельностью человека.

Именно таким потенциалом обладают тематические карты, поступившие в картографическое собрание Музея геологии, нефти и газа в 2020 г. Информация, представленная на тематических картах, имеет безусловный научный интерес. Крупный масштаб карт позволяет наглядно оценить специфику административно-территориального деления и политического устройства (туземные районы и советы), модели развития сети поселений и транспортной системы, характер землепользования населенных пунктов, а также различные его аспекты — геоботанический, гидрологический, ландшафтный, геоморфологический и т. п.

Землепользование обширной территории округа конца 20-х — 40-х гг. XX в. еще не было связано с той мощной техногенной нагрузкой, которая последовала вслед за крупнейшими геологическими открытиями нефтегазовых богатств на Севере Западной Сибири и индустриальным преобразованием территорий тайги и болот. В экономике региона доминировали сельское и промысловое хозяйство (животноводческие и оленеводческие совхозы, моторно-рыболовецкие станции и рыбоконсервные заводы, охотничьи хозяйства, леспромхозы и лесозаводы и пр.).

Коллекция рукописных, а теперь уже — электронных тематических карт, ставшая достоянием фонда Музея геологии, нефти и газа, является уникальной не только с точки зрения исторической географии, но и истории их создания. Конец 20-х — 30-е гг. XX в. стали для территории региона рубежными. 10 декабря 1930 г. Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) был образован Остяко-Вогульский национальный округ, в настоящее время — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Перед руководством округа стояли задачи создать практически с нуля новое административно-территориальное образование, определить границы не только округа, но и районов, сельских и туземных советов, а также определить рыбные участки, охотничьи угодья, пастбища, сенокосы, места сбора ягод и других дикоросов. При этом территория нового округа по большей части оставалась *terra incognita*. Работа по сплошной топографической съемке до 1930-х гг. не проводилась.

Коллекция позволяет провести детальное изучение топонимики региона, а именно — проследить изменение названий рек, урочищ и других географических объектов от первоначальных, данных коренным населением, до современных. Коллекция карт представляет огромный интерес с точки зрения изучения эволюции сети поселений и названий населенных пунктов. Отметим, что в настоящее время многие населенные пункты, обозначенные на картах, уже не существуют.

Насколько ценны и уникальны рассматриваемые тематические карты с точки зрения содержащейся в них информации (сведения по истории землепользования, земельно-водного устройства, развития первичной сети сельских поселений и т. п.), настолько же большую тревогу вызывает их состояние. К сожалению, сохранность большинства карт очень низкая. Карты выполнены на бумаге плохого качества, наблюдаются разрывы поверхности, много мест повторной склейки и использования дополнительной подложки, потертости, выгорание и т. п. Текущее хранение карт на момент знакомства с ними в 2020 г. также не отвечало стандартам — они лежали в скрученном виде на домашней мебели. Все это требовало скорейших мер по сохранению тематической коллекции для дальнейшего научного использования.

В связи с этим важно подчеркнуть, что сохранением этого историко-культурного наследия мы обязаны Николаю Федоровичу Опышко, который на протяжении нескольких последних лет собирал исторические карты и в 2020 г. любезно передал их в музей для сканирования и дальнейшего научного изучения. Позже весь комплект карт был оцифрован и принят в экспериментальный фонд музейного собрания.

Описание карт, приведенное ниже, не претендует на законченность; оно, скорее, только знакомит читателя с произведениями советской картографии первой половины XX в. Дальнейшая комплексная обработка коллекции позволит шире взглянуть на специфические вопросы истории

хозяйствования на территории региона. Всестороннее изучение карт, вероятнее всего, откроет новые страницы из истории многочисленных ведомственных и академических экспедиций, работавших в регионе в обозначенный период, — именно по материалам их полевых маршрутных исследований и составлялись карты.

Ниже для каждой карты из тематической коллекции приводится краткая легенда картографического документа, согласно требованиям методики издания исторических документов¹.

1. Карта земельно-водного устройства Остяко-Вогульского округа Омской области. Масштаб 1:1000000, на 1 л., 100,0 x 131,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-1 (рис. 1).

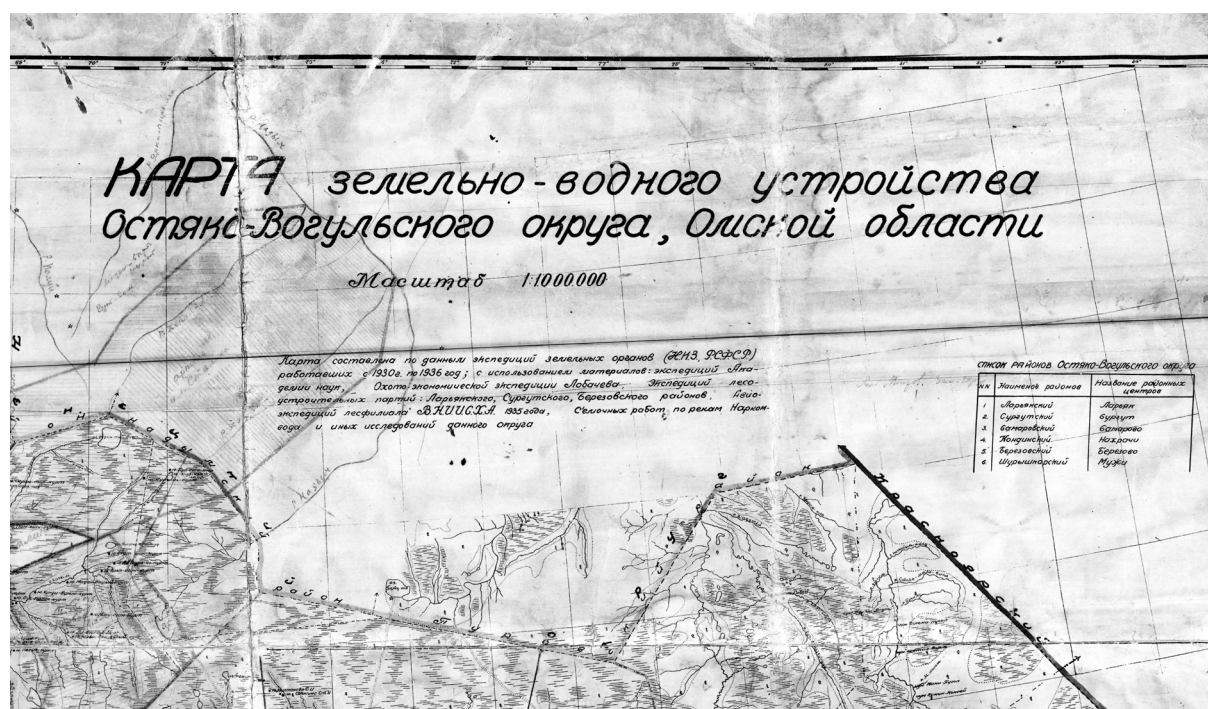

Рис. 1. Фрагмент карты земельно-водного устройства Остяко-Вогульского округа Омской области

Карта составлена в 1936 г. Отделом землеустройства и мелиорации Омского Облзу в равнопромежуточной конической проекции Делиля, на эллипсоиде Бесселя. Авторский коллектив: начальник отдела землеустройства Мехряков, редактор, старший инженер по северу Петров, составитель Виноградов, инспектор Чуднов.

Карта подготовлена по данным экспедиций земельных органов Народного комиссариата земледелия РСФСР, работавших с 1930 по 1936 г., с использованием материалов: экспедиций Академии наук, Охоты-экономической экспедиции Лобачева, экспедиций лесоустроительных партий Ларьяковского, Сургутского, Березовского районов, авиаэкспедиций лесофилиала ВНИИСХА 1935 г., съемочных работ по рекам Наркомвода и иных исследований географии округа.

Карта содержит обширный список наименований селений и юрт, информацию о границах области, округа, районов (в том числе проектных), сельских советов (в том числе проектных), конфигурации землепользования. Карта содержит указания на расположение зимников, участков гари, вырубок леса, различных типов лесов и болот.

2. Карта территории Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области. 1940-е гг.

Точный масштаб неизвестен, на 1 л., 100,0 x 147,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-2 (рис. 2).

¹ Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 1990.

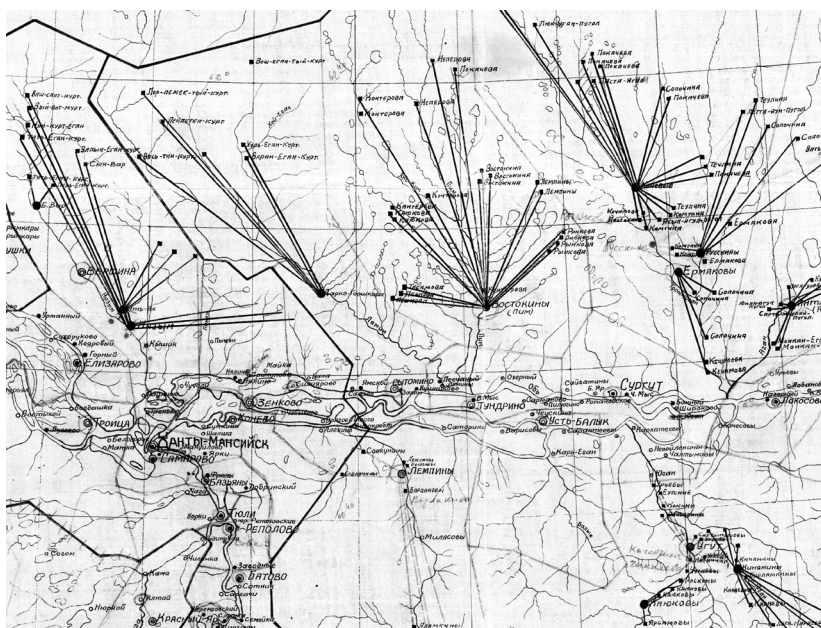

Рис. 2. Фрагмент карты территории Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области

Карта не сохранила масштаб. Представляет интерес с точки зрения анализа ситуации с процессом сселения национального кочевого и полукочевого населения округа, формированием укрупненной сети национальных колхозов.

3. Карта г. Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского района. После 1940 г.

Точный масштаб неизвестен, на 1 л., 153,0 x 170,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-3 (рис. 3).

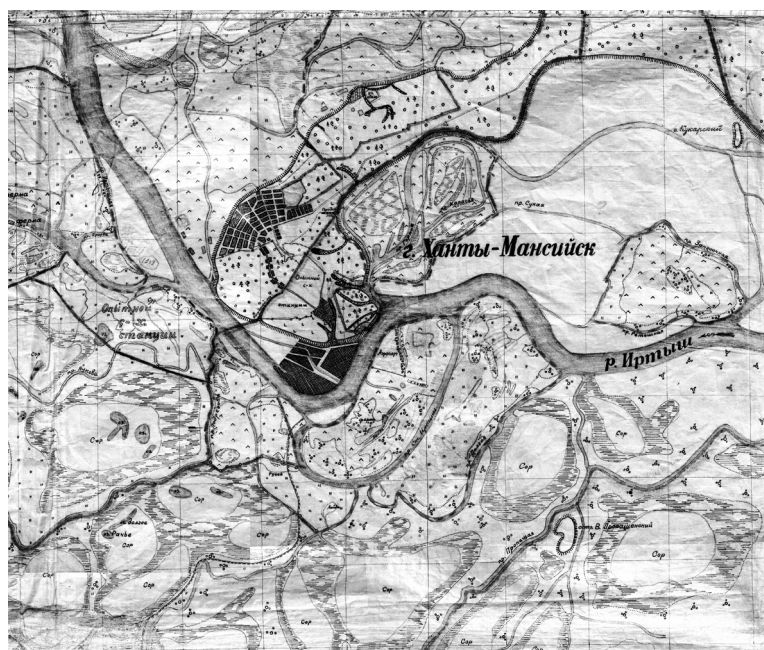

Рис. 3. Фрагмент карты г. Ханты-Мансийска и Ханты-Мансийского района

Карта не сохранила легенду и масштаб. Содержит информацию о сети населенных пунктов, гидрографической сети и типах растительности на территории в радиусе 30–50 км от Ханты-Мансийска.

4. Карта города Ханты-Мансийска и его окрестностей. После 1940 г.

Масштаб 1:50 000, на 1 л., 63,7 x 88,5 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-4 (рис. 4).

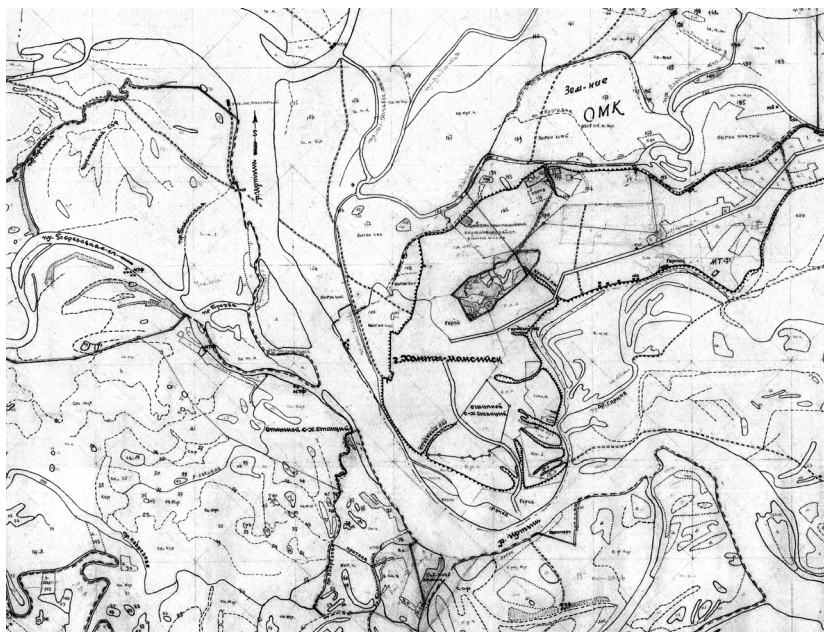

Рис. 4. Фрагмент карты г. Ханты-Мансийска и его окрестностей

Карта не сохранила легенду. Содержит информацию о сети населенных пунктов, гидрографической сети и типах растительности на территории в радиусе 20–30 км от Ханты-Мансийска.

5. Схематическая карта Самаровского района Остяко-Вогульского округа Уральской области с проектом распределения угодийпользований в порядке Положения ВЦИКа и СНК от 10 сентября 1930 г. о первоначальном земельно-водном устройстве северных окраин.

Масштаб 1:500 000, на 1 л., 65,0 x 95,3 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-5 (рис. 5).

Рис. 5. Фрагмент схематической карты Самаровского района
Остяко-Вогульского округа Уральской области

Составлена в 1930–1931 гг. в отделе Землеустройства Тобольского Окр. З. У. по данным экспедиции по организации территории Самаровского района, полученным в 1929–1930 гг. Экспедиция совершена в составе начальника экспедиции Ф. К. Новицкого, начальника охотоведческого отряда Ю. В. Костина и других специалистов под общим руководством зав. отделом организации территории Тобольского Окр. З. У. Г. К. Мальцева.

Карта содержит богатую информацию о сети населенных пунктов (в том числе сельсоветов и колонизационных участков), о границах района, сельсоветов, земельных обществ, колонизационных участков. На карте показаны ареалы функционирования охотхозяйств, охотугодий, зверопушных заказников и заказников водоплавающей дичи. Весьма интересным является указание на положение отдельных элементов гидросети — живунов, омутов, курьев, юровых ям, соров и болот. Традиционно отображены области распространения разных типов лесов.

6. Схематическая карта Самаровского земельного объединения Остяко-Вогульского округа Омской области. 1930–1934 гг.

Масштаб 1:50 000, на 2 л., № 1 — 30,0 x 92,3 см; № 2 — 72,0 x 92,3 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-6 (рис. 6).

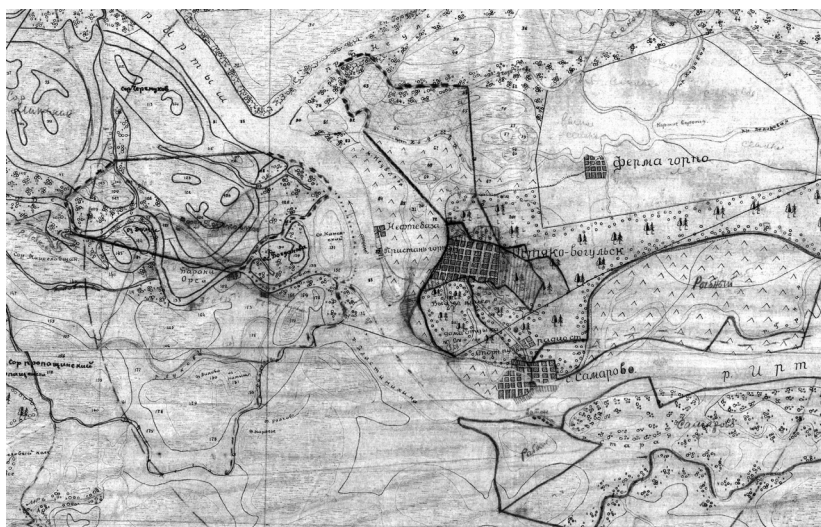

Рис. 6. Фрагмент схематической карты Самаровского земельного объединения Остяко-Вогульского округа Омской области

Содержит информацию о сети населенных пунктов, гидрографической сети и типах растительности на территории в радиусе 20–30 км от Ханты-Мансийска.

7. Геоботаническая карта землепользования сельхозартели «Красная звезда» селения Батова Батовского сельсовета Самаровского района Остяко-Вогульского округа Омской области. 1937 г.

Масштаб обследования 1:50 000, масштаб съемки 1:25 000, на 1 л., 63,0 x 80,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-7 (см. цв. вклейку, рис. 13).

Составлена в 1937 г. техником-геоботаником О. В. Петровой. Карта иллюстрирует размещение растительных сообществ в общей структуре землепользования сельхозартели (пахотные земли, сенокосы, леса и кустарники, болота и пр.).

8. Сборная карта на землепользование колхозов, обслуживаемых Реполовской МТС. 1938 г.

Масштаб 1:50 000, на 1 л., 238,0 x 87,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-8 (рис. 7).

Составлена Реполовской землеустроительной партией Омского областного отдела землеустройства. Карту изготовила чертежница Н. Горбунова. Карта отображает характер землепользования территории колхозов, обслуживаемых Реполовской машинно-тракторной станцией. В структуре землепользования выделяются пашни, сенокосы, выгоны, различные типы лесов и болот, транспортная сеть и усадьбы.

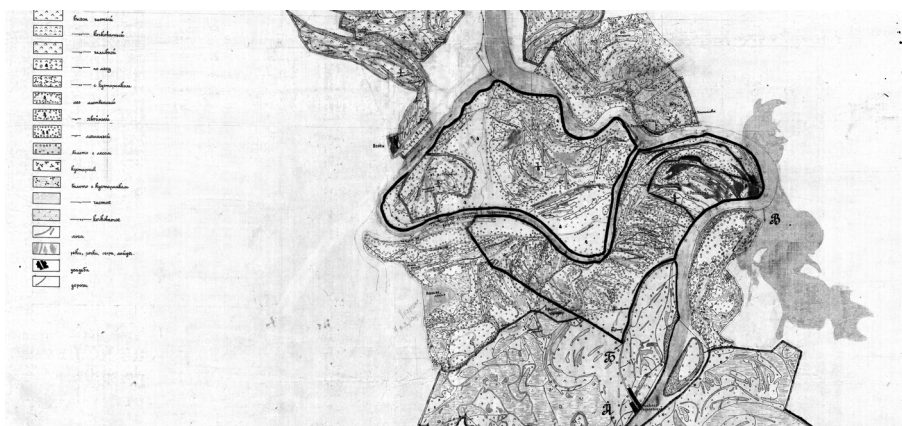

Рис. 7. Фрагмент сборной карты на землепользование колхозов, обслуживаемых Реполовской МТС

9. Карта Ларьякского туземного района Остяко-Вогульского округа Уральской области.

Масштаб 1:300 000, на 9 л., № 1 — 45,7 x 57,5 см; № 2 — 46,2 x 54,3 см; № 3 — 45,0 x 56,7 см; № 4 — 43,0 x 57,5 см; № 5 — 43,0 x 55,0 см; № 6 — 43,0 x 56,5 см; № 7 — 45,0 x 58,0 см; № 8 — 45,0 x 56,0 см; № 9 — 45,0 x 56,5 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-9 (рис. 8).

Составлена в 1931–1932 гг. при проведении земле-водноустроительных работ Нарымской партией с указанием территориальных границ, состава и структуры земельноводных пользований туземных советов этого района. Карта дает информацию о сети населенных пунктов, границах области, района, сельсоветов. На карту нанесены гидросеть, линии трактов и дорог, ареалы распространения видов землепользования (в том числе типы лесов, ягельники, кедровые угодья и пр.).

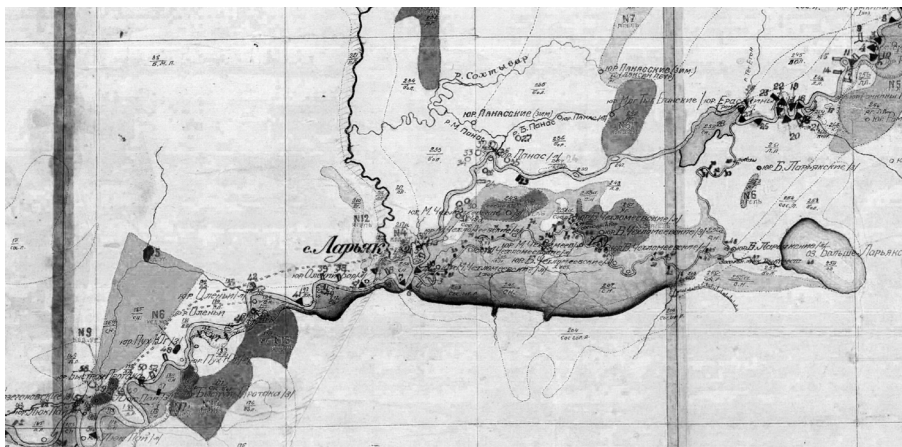

Рис. 8. Фрагмент карты Ларьякского туземного района Остяко-Вогульского округа Уральской области

10. Схематическая карта землевоустройства Шурышкарского района Остяко-Вогульского округа Уральской области, произведенного в 1932 г. на основании Постановления ВЦИК и Совнаркома от 10.09.1930 г. и инструкции Наркомзема РСФСР от 1932 г. экспедицией Урал Г.З.Т. (УралГосземтреста).

Масштаб 1:500 000, на 1 л., 71,5 x 88,2 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-10 (рис. 9).

Ориентировочное время выпуска карты — после 1937 г. Карта подготовлена при участии сотрудников Североустроительного отряда Г.З.Т. (Госземтреста) и Шурышкарской Североустроительной группы. Карта содержит информацию о сети населенных пунктов (в том числе туземных и сельсоветов), астропунктов, о границах области, района, туземных населенных пунктов и сельсоветов, земельных обществ.

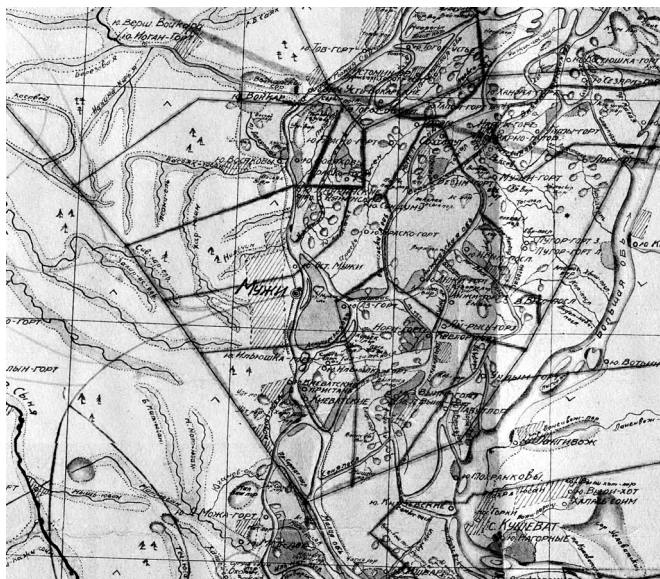

Рис. 9. Фрагмент схематической карты
землеустройства Шурышкарского района
Остяко-Вогульского округа Уральской области

На карте показаны маршруты зимних трактов и оленьих перегонов, ареалы охотничьих заказников и сезонных оленьих пастбищ, ареалы распространения различных видов землепользования.

11. Карта землеустройства Кондинского района Остяко-Вогульского округа Уральской области, произведенного в 1932 г. на основании Постановления ВЦИК и Совнаркома от 10.09.1930 г. и инструкции Наркомзема РСФСР 1932 г. экспедицией Урал ОблЗУ.

Масштаб 1:200 000, на 10 л. (один лист утрачен), № 1 — 45,5 x 60,2 см; № 2 — 44,9 x 59,6 см; № 3 — 45,0 x 58,0 см; № 4 — 45,8 x 61,2 см; № 5 — 44,2 x 61,3 см; № 6 — 45,4 x 60,4 см; № 7 — 45,1 x 60,3 см; № 8 — 45,1 x 60,3 см; № 9 — 43,1 x 60,1 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-11 (рис. 10).

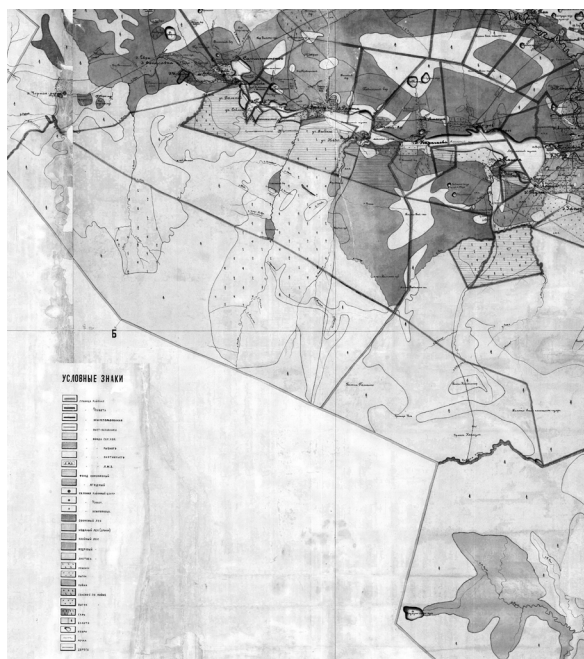

Рис. 10. Фрагмент схематической карты
землеустройства Кондинского района
Остяко-Вогульского округа Уральской области

Ориентировочное время выпуска карты — после 1937 г. Карта подготовлена при участии сотрудников Самарово-Кондинской экспедиции. Карта содержит информацию о сети населенных пунктов, о границах района, сельсоветов, землепользований, в том числе сельскохозяйственного, рыбного, охотничьего, сенокосного, ягодного фонда. На карте помещены ареалы охотничьих заказников, выгонов, гари, ареалы распространения видов землепользования (в том числе типы лесов). На карте зафиксированы границы не только между сельсоветами, но и между деревнями с их угодьями.

12. Карта землевоудоустройства Сургутского района Остяко-Вогульского округа Уральской области, произведенного в 1932–1933 гг. на основании Постановления ВЦИК и Совнаркома от 10.09.1930 г. и инструкции Наркомзема РСФСР 1932 г. экспедицией Урал Г.З.Т. (УралГосземтреста).

Масштаб 1:500 000, 1 л., 157,0 x 100,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-12 (рис. 11).

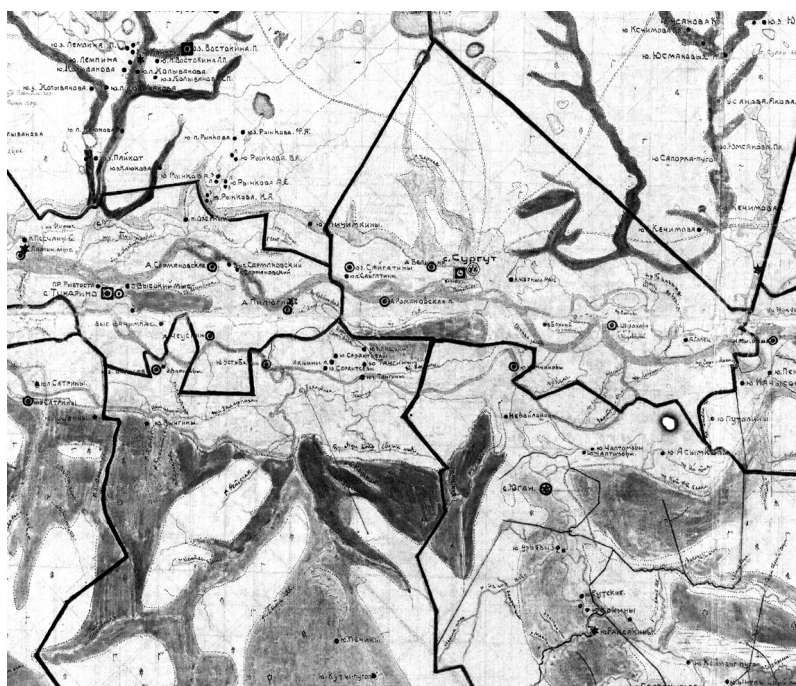

Рис. 11. Фрагмент схематической карты землевоудоустройства Сургутского района Остяко-Вогульского округа Уральской области

Карта содержит информацию о сети населенных пунктов (в том числе туземных и сельсоветов), астропунктов, о границах сельских и туземных советов. На карте показаны маршруты зимних дорог; пункты размещения кооперативов и их отделений, торговых точек кооперативов и Союзпушнины; области распространения разных типов лесов.

13. Схематическая карта Приобской части Сургутского района Остяко-Вогульского округа Омской области. 1932 г.

Масштаб 1:200 000, 1 л., 727 x 190,0 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-13 (рис. 12).

Карта содержит информацию о сети населенных пунктов, о границах сельсоветов, земельных обществ, колонизационных участков. Показаны ареалы фонда животноводческого значения, сенокосного фонда и фонда доприселения. Особый интерес представляют указания на положение отдельных элементов гидросети — рыболовных песков и кос, соров, истоков, курьев, затонов, урьев, стариц, живцов, станковых ям, запоров и полов. Традиционно отображены области распространения разных типов лесов.

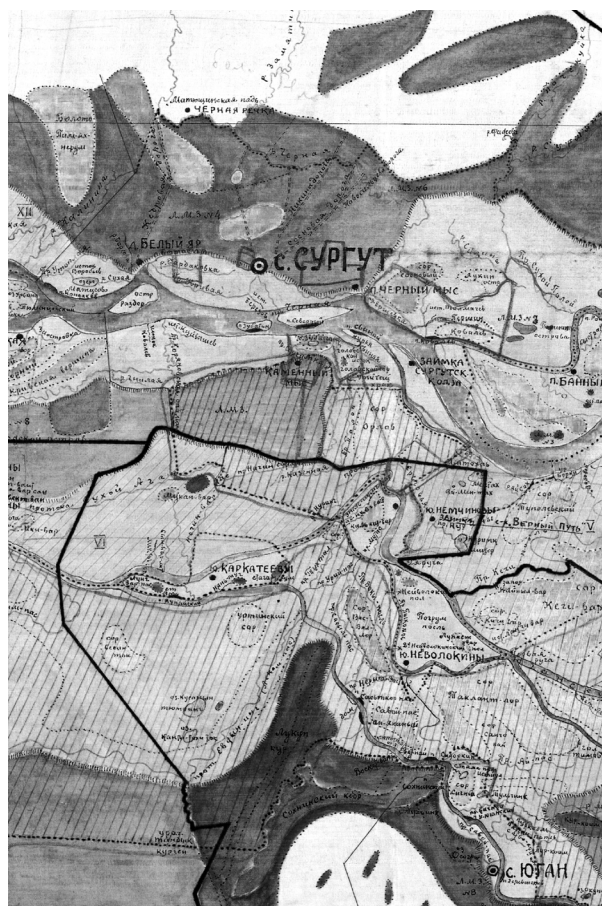

Рис. 12. Фрагмент схематической карты
Приобской части Сургутского района
Остяко-Вогульского округа Омской области

14. Карта района тяготения Гаринского тракта по обследованию в 1929 г. техником В. К. Степановым.

Точный масштаб неизвестен, на 1 л., 80,5 x 61,3 см, рукописная копия, полноцвет. Номер по Книге поступлений экспериментального фонда: МГНГ-ЭФ-14 (рис. 13).

Рис. 13. Фрагмент карты района тяготения Гаринского тракта

На карте представлена информация об элементах гидросети, рельефа, населенных пунктах и зимовках, маршрутах трактов и зимних дорог, границах района и ареалов распространения разных типов лесов.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос об оригинальности карт. Не исключено, что подлинники, дубликаты или копии публикуемых карт могут находиться в Государственном архиве ХМАО — Югры. Авторам точно известно, что «Схематическая карта землевоустройства Кондинского района Остяко-Вогульского округа Уральской области» отсутствует в Государственном архиве Югры. В учреждении хранятся только описания водо- и охотоугодий и списки по деревням в текстовом варианте.

Не исключено, что некоторые карты могут храниться в архивах Тюменской, Омской или Свердловской областей. Причина тому — сложная система административно-территориальной подчиненности округа в разное время, быстрые темпы административных преобразований, а также известная небрежность в формировании архивных фондов. Так, с 1930 по 1934 г. регион входил в Уральскую область с центром в Свердловске; следующие десять лет — с 1934 по 1944 г. — находился в составе Омской области, а с 1944 г. по сегодняшний день находится в структуре Тюменской области.

Данный комплект карт открывает перспективу для глубокого междисциплинарного изучения, итогом которого в будущем может стать иллюстрированный каталог или атлас-путеводитель.

УДК 94(571.17)"1918"

Михеев Михаил Викторович

к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

Баев Олег Валериевич

к.и.н., доцент Кафедры истории России Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

ORCID: 0000-0001-6280-5873

E-mail: baev-ov@rambler.ru

**К истории Урало-Кузбасса: записка Кузнецкого каменноугольного
и металлургического акционерного общества
Высшему совету народного хозяйства РСФСР от 18 мая 1918 г.**

АННОТАЦИЯ. Публикация вводит в научный оборот записку Кузнецкого каменноугольного и металлургического акционерного общества, направленную в Высший совет народного хозяйства РСФСР 18 мая 1918 г., а также приложенную к ней справку о деятельности Общества на территории Кузнецкого каменноугольного бассейна в 1912–1917 гг. Накануне Первой мировой войны Общество приступило к разработке каменного угля в Алтайском горном округе. К началу революционных событий Обществу удалось наметить перспективы создания в Западной Сибири комплексного угольно-металлургического производства, предусматривавшего плавку железных руд Тельбесского рудника на коксующихся углях Кольчугинских и Кемеровских копей. Обществом активно велось строительство железнодорожной инфраструктуры для решения этих задач. Правление Общества не прекратило свою работу даже после Октябрьской революции. Весной 1918 г., после оккупации Германией доминировавшего в России Донецко-Криворожского угольно-металлургического района, деятельность Общества оказалась востребована государством. Оно не было национализировано и даже получало в 1918 г. правительственные ссуды для продолжения своей деятельности. В условиях возникшего кризиса промышленности, советское правительство рассматривало схожие с планами Общества проекты по реорганизации территориального размещения производительных сил в азиатской части России. К концу 1920-х гг. они эволюционировали в проект Урало-Кузбасса. Публикуемый документ может представлять интерес для специалистов по истории предпринимательства, советской и позднимперской экономики, а также Гражданской войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Западная Сибирь, Кузнецкий угольный бассейн, горнозаводской Урал, Копикуз, ВСНХ, Урало-Кузбасс, Транссибирская магистраль.

UDC 94(571.17)"1918"

Mikhail V. Mikheev

candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

ORCID: 0000-0001-8097-4953

E-mail: mikheeviiiiauroran@yandex.ru

Oleg V. Baev

candidate of historical sciences, associate professor, Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

ORCID: 0000-0001-6280-5873

Email: baev-ov@rambler.ru

**On the history of the ural-kuzbass:
A report from the kuznetsk coal and metallurgical joint-stock company
to the supreme council of the national economy of the RSFSR**

ABSTRACT. The publication introduces into scientific circulation the report of the Kuznetsk Coal and Metallurgical Joint-Stock Company, sent to the Supreme Council of the National Economy of the RSFSR on May 18, 1918, as well as the note attached to it on the activities of the Company on the territory of the Kuznetsk coal basin in 1912–1917. On the eve of the First World War, the company began to develop coal in the Altai mining district. By the beginning of the revolutionary events, the Society managed to outline the prospects for creating a huge complex of coal and metallurgical production, which included smelting of the iron ores of the Telbes mine on the coking coals of the Kolchuginsky and Kemerovo mines. The Company actively carried out the construction of railways to solve these problems. The Board of the Company did not stop its work even after the October Revolution. In the spring of 1918, after the German occupation of the Donetsk-Krivoy Rog coal and metallurgical region, which dominated Russia, the activities of the Company turned out to be in demand by the state. It was not nationalized and even received government loans in 1918 to continue its activities. In the conditions of the industrial crisis, the Soviet government considered projects for the reorganization of the territorial distribution of productive forces in the Asian part of Russia similar to the plans of the Society. By the end of the 1920s, these projects evolved into the Ural-Kuzbass project. Publishing document is of interest to specialists in the history of business, the Soviet and late imperial economy, and the civil war as well.

KEYWORDS: Western Siberia, Kuznetsk coal basin, mining Urals, Kopikuz, Supreme Council of the National Economy, Ural-Kuzbass, Trans-Siberian Railway.

Первые попытки промышленного освоения открытых в 1721 г. ископаемых углей Кузнецкого бассейна относятся к 1720-м — 1790-м гг. Вплоть до конца XIX в. они носили эпизодический характер. Ситуация изменилась с началом ввода в эксплуатацию Среднесибирского участка Транссибирской магистрали (1899 г.)¹. Железная дорога стала главным потребителем западносибирского угля, добывавшегося в основном на Анжерских казенных коях и Судженских коях Л. А. Михельсона (61 % и 37 % от общей добычи в Кузнецком бассейне в 1911 г. соответственно)². При этом оставались не востребованы угольные месторождения Кузбасса, не попавшие в зону влияния Транссиба и находившиеся в собственности Кабинета его императорского величества Министерства императорского двора Российской Империи.

Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество (Копикуз) было основано в 1912 г. с целью поиска и разработки каменного угля на землях Кабинета, расположенных в Алтайском горном округе и ограниченных с запада и севера течением реки Оби, с востока границами округа и с юга широтой села Ильинское на реке Томь, а также на отдельных территориях к югу, вплоть до течения реки Бия. Уставной капитал Общества составил шесть миллионов рублей, до 1 января 1917 г. Обществу предоставлялось исключительное право на добычу угля, а до 1 января 1925 г. преимущественное³.

Правление Общества размещалось в Санкт-Петербурге, главная контора в Томске. Во время Первой мировой войны в собственности Общества находились Кемеровский, Кольчугинский, Богатско-Шестаковский, Прокопьевский, Осинковский и Тельбесский рудники, Абашевские, Крапивинские копи, а также Гурьевский металлургический завод⁴. Наряду с этим Обществом проводились работы по строительству Кемеровского коксохимического завода. Первый опыт эксплуатации угольных месторождений (преимущественно Кемеровского и Кольчугинского рудников) Кузбасса показал большие перспективы. По данным геологоразведки, запасы каменного угля в этой местности достигали 24,5 млн тонн, что гарантировало деятельность копей на пятьдесят лет вперед минимум. На 74 % это был коксующийся уголь высочайшего качества, с успехом находивший сбыт на рынке⁵. К 1916 г. его добывалось до 213 тыс. тонн в год (рис. 1).

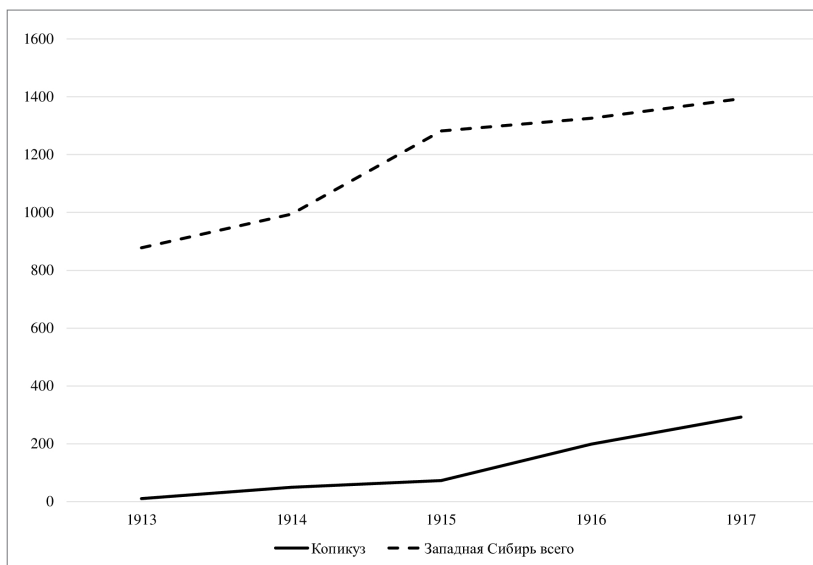

Рис. 1. Добыча угля в Западной Сибири в 1913–1917 гг. (тыс. тонн). Составлено по: РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 484. Л. 11; Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 138–140; Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 176

¹ См.: Угольная промышленность Кузбасса. 1721–1996 / под. ред. К. А. Заболотской. Кемерово, 1997. С. 30–45.

² Рассчитано по: Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 138–140.

³ См.: Баев О. В. Иностраный капитал в промышленности Кузнецкого бассейна (конец XIX — начало XX в.). Кемерово, 2004. С. 140–171.

⁴ Там же.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 682. Л. 13.

В число первоочередных задач Общества входило строительство транспортной инфраструктуры региона, соединение его с Транссибирской железнодорожной магистралью. С этой целью учредителями Общества было организовано Акционерное общество Кольчугинской железной дороги (фактически подчиненное Копикузу), которое в 1916 г. завершило строительство и ввод в эксплуатацию железнодорожных путей по направлению Кольчугино — Юрга (Кольчугинская железная дорога) протяженностью в 200 км (см. цв. вклейку, рис. 11).

В ходе сооружения линии Кольчугино — Юрга правление Акционерного общества Кольчугинской железной дороги признало перспективным расширение своей деятельности путем постройки и эксплуатации трех новых линий: Кольчугино — Кузнецк, Кузнецк — Барнаул и Кузнецк — Тельбесс общей протяженностью 612 км (см. цв. вклейку, рис. 11). Особое значение придавалось линии в сторону Тельбесса, около которого были расположены богатейшие месторождения железной руды. Процент содержания металлического железа в местных залежах магнитного железняка колебался от 56 % до 64 %. Одновременно была достигнута договоренность с правлением Алтайской железной дороги о предоставлении через нее доступа строящейся железнодорожной сети к пристаням реки Обь⁶.

Соединение железной дорогой месторождений коксующегося угля с месторождениями железной руды создавало возможность строительства в Западной Сибири собственной металлургии, подразумевавшей плавку тельбесских руд на кузнецких углях. Одновременно выход Кольчугинской железной дороги на линию Транссиба создавал перспективы для развития металлургических заводов Урала. К началу XX в. этот промышленный район испытал упадок. Центр металлургического производства сместился на Юг России. С вводом в эксплуатацию Екатеринбургской железной дороги (1886 г.), здесь оказались соединены залежи железной руды Кривого Рога с коксующимся углем Донбасса. Организация плавки с опорой на минеральное топливо демонстрировала внушительные результаты (табл. 1).

Таблица 1

**Производство основных видов продукции черной металлургии
на Урале и Юге России в 1887–1913 гг.***

	Чугун				Железо и сталь			
	1887 год		1913 год		1887 год		1913 год	
	тыс. тонн	%%	тыс. тонн	%%	тыс. тонн	%%	тыс. тонн	%%
Урал	389,9	65,9	914,0	19,7	257,1	44,1	668,3	16,5
Юг	68,8	11,6	3107,2	67,0	54,1	9,3	2309,6	57,2
Россия всего	591,3	100,0	4635,5	100,0	583,1	100,0	4039,4	100,0

* Составлено по: Народное хозяйство в 1913 году. Пг., 1914. С. 372, 380–381.

Если в 1887 г. доля Юга в общероссийском металлургическом производстве находилась на уровне 10 %, то к 1913 г. она достигала 57–67 %. В то же время доля Урала упала с 44–65 % до 10 %. Это было связано с двумя лимитирующими факторами уральской промышленности, первым из которых была ее ориентация на древесноугольное топливо, что означало полную зависимость от количества лесных ресурсов в регионе. Попытки замены древесного топлива минеральным натывались на другую проблему, а именно неразвитость железнодорожной инфраструктуры, невозможность обеспечить регулярные поставки каменного угля в большом количестве⁷. В этой связи желание Копикуза ориентировать собственное металлическое производство на тельбесские западносибирские руды выглядело обоснованным. Тем не менее вплоть до революции

⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 682. Л. 4–21.

⁷ Народное хозяйство в 1913 году. Пг., 1914. С. 373–374.

промышленные разработки Тельбесса так и не были начаты, в то время как угледобыча на копях Общества достигла 665 тыс. тонн. Отметим, что планируемое Обществом развитие транспортной инфраструктуры предусматривало комплексную эксплуатацию и снабжение региона. От 36 % до 26 % вывозимых и ввозимых по новым линиям грузов должны были составлять хлеб, масло, мясо, скот, колониальные товары, сельскохозяйственные машины, мануфактура, галантерея и бакалея⁸.

Ситуация изменилась в 1918 г. После заключения Брестского мира южные губернии оказались оккупированы австро-германскими войсками, а их производительные силы потеряны для страны. В этой связи перспективы развития металлургии на востоке приобретали существенное значение уже для советского правительства. 28 апреля газета «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина «Очередные задачи советской власти», в которой председатель Совнаркома среди прочего отмечал: «Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»⁹. По воспоминаниям Л. Д. Троцкого, в личных беседах В. И. Ленин выражался более откровенно: «Отступим дальше, на восток, на Урал... Кузнецкий бассейн богат углем. Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь... Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширимся и вернемся в Москву и Петербург»¹⁰. Аналогичные соображения В. И. Ленина отразились в «Наброске плана научно-технических работ», подразумевавшем «рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта», что, по мнению главы советского правительства, гарантировало «наибольшее обеспечение теперешней Российской советской республики (без Украины и без занятых немцами областей) возможности самостоятельно снабдить себя всеми главнейшими видами сырья и промышленности»¹¹.

В это время правление Кузнецкого каменноугольного и металлургического акционерного общества продолжало находиться в Петрограде. Начавшаяся кампания по национализации промышленности пока что его не коснулась. Весной 1918 г. национализация, как правило, носила вынужденный характер, она затрагивала преимущественно те предприятия, чьи владельцы либо покинули страну, либо откровенно поддерживали противников советской власти, отказываясь вступать в какие-либо контакты с ней. О Копикузе этого сказать было нельзя. Даже после Октябрьской революции правление Общества не только продолжило перечислять деньги для поддержания работы своих рудников, но даже получало ссуды от советского правительства в размере 5 млн рублей в апреле — мае 1918 г.¹²

18 мая 1918 г. представители правления Общества направили в Высший совет народного хозяйства РСФСР публикуемую записку с приложением программы дальнейшего развития своих предприятий. Последняя предполагала в последующие девять лет не только увеличить добычу угля до 3,6 млн тонн в год, но также организовать ежегодную добычу 982 тыс. тонн железной руды, выплавку 491 тыс. тонн чугуна и выжег 1,2 млн тонн кокса. Условиями для выполнения этой программы были названы гарантии советского правительства о ненационализации Общества, введение Обществом на своих предприятиях трудовой дисциплины, разрешение привлекать к деятельности Общества иностранные инвестиции (в первую очередь из США) с реализацией выпусков акционерного капитала. Наряду с этим Общество весьма недвусмысленно намекало ВСНХ о желании получить в свое распоряжение уже национализированные Судженские копи,

⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 682. Л. 21.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. М., 1952. С. 228.

¹⁰ Цит. по: Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 25.

¹¹ Ленин В. И. Указ. соч. С. 288.

¹² Баев О. В. Указ. соч. С. 152.

угольные месторождения Экибастуза и правого берега реки Томь. Интересны осторожные предостережения Общества о необходимости сохранения в Советской России «частной инициативы и предприимчивости», способных помешать вырождению государственной промышленности в «паразитическое предприятие, не интересующееся результатами работ»¹³.

«Предприимчивость» руководителей Копикуза давала определенные плоды. Общество не было упомянуто в декрете Совнаркома от 28 июня 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий». Тем временем предприятия Копикуза оказались на территории, подвластной белым правительствам. В 1919–1920 гг. Общество получало недостаточные во время войны ссуды от белого правительства на сумму около 33 млн рублей¹⁴. Обстоятельства Гражданской войны способствовали упадку производства. В 1918 и 1919 гг. добыча угля на предприятиях Копикуза составила 131 и 191 тыс. тонн соответственно (рис. 2). К зиме 1920 г. в Западной Сибири вновь была установлена советская власть. 19 февраля 1920 г. постановлением Урало-Сибирской комиссии ВСНХ рудники Копикуза, как и все угольные предприятия Западной Сибири, были объявлены собственностью государства¹⁵.

В конце 1919 — начале 1920 гг., с разгромом армии А. И. Деникина, на Украине и Юге была восстановлена советская власть. Таким образом, Россия вернула под свой контроль Донецко-Криворожский район. После Гражданской войны большая часть производительных мощностей советской черной металлургии продолжала концентрироваться на Юге (табл. 2).

Таблица 2

**Производство основных видов продукции черной металлургии
по экономическим районам СССР в 1923/24 г.***

Вид продукции	Единица измерения	Экономический район		СССР всего
		Юг	Урал	
Чугун	тыс. тонн	3459,6	70,65	4860,6
	%%	71	24	100
Сталь	тыс. тонн	3112,2	1218,4	5226,9
	%%	60	23	100
Прокат	тыс. тонн	2599,6	870,1	4193,3
	%%	62	21	100

* Составлено по: Народное хозяйство СССР за 1923–24 год (IV Статистико-экономический ежегодник). М., 1924. С. 334.

Из приведенных данных видно, что к 1925 г. от 60 % до 70 % произведенной продукции черной металлургии выпускалось в районе Юга; там же добывалось до 72 % угля¹⁶. Для советского правительства такое положение вещей выглядело недопустимым как по экономическим, так и по геостратегическим соображениям. С одной стороны, концентрация металлургических производств на Юге препятствовала сбалансированному развитию его экономики, делала невозможным широкомасштабную эксплуатацию гигантских природных ресурсов азиатской части России, с другой,

¹³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 484. Л. 1 об.

¹⁴ Баев О. В. Указ. соч. С. 163.

¹⁵ Там же. С. 168.

¹⁶ Народное хозяйство СССР за 1923–24 год (IV Статистико-экономический ежегодник). М., 1924. С. 306.

расположение большей части производительных сил вблизи западных советских границ делало СССР уязвимым перед внешней агрессией. Таким образом, вопрос о реконструкции металлургии Урала сохранил свою актуальность, при этом основным источником минерального топлива для нее продолжал оставаться Кузнецкий каменноугольный бассейн.

На протяжении 1920-х гг. советская власть последовательно наращивала добычу угля в Кузнецком бассейне (рис. 2).

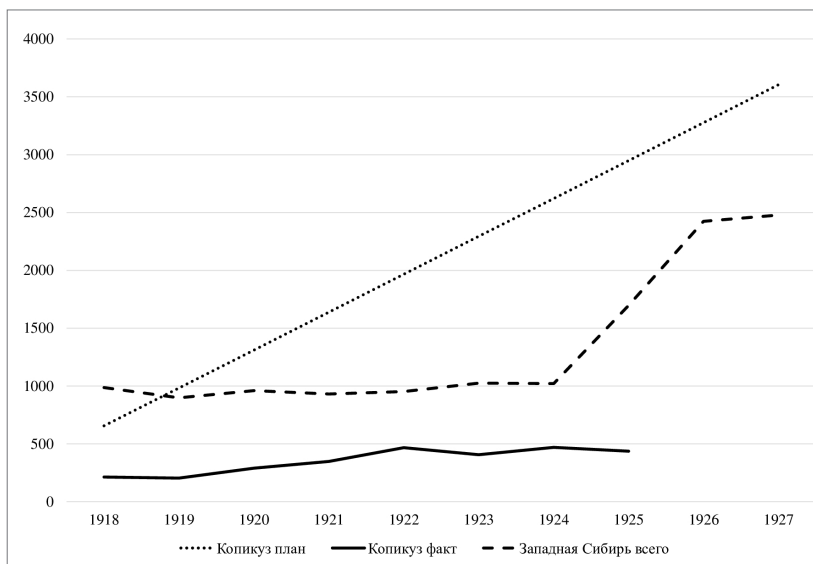

Рис. 2. Добыча угля в Западной Сибири в 1918–1927 гг. (тыс. тонн). Составлено по: РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 484. Л. 11; Джаксон М. Н., Флёров А. Н. Сборник статистических сведений по горной и горнозаводской промышленности СССР за 1911–1924/25 гг. Л., 1928. С. 138–140; Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 242

К 1925 г. количество угля, добытого на бывших шахтах Копикуза, достигло 435,5 тыс. тонн, увеличившись в полтора раза в сравнении с показателями 1917 г., пиковыми за все время существования компании (рис. 1, 3). При этом темпы восстановления дореволюционного уровня добычи на копикузовских шахтах опережали западносибирские, что может свидетельствовать об успешной работе руководства компании в деле минимизации ущерба производству от Гражданской войны. Многократное отставание этого производства от запланированного (рис. 2), на наш взгляд, объясняется простым желанием компании в 1917 г. впечатлить имперское, а позже и советское правительство большими цифрами для получения финансирования. В 1924 г. 124 тыс. тонн западносибирского каменного угля было вывезено на Урал. Продолжали складываться предпосылки для экономической интеграции двух регионов в рамках единого Урало-Кузнецкого комбината.

В 1930 г. правительство приняло окончательное решение в пользу строительства Урало-Кузнецкого комбината. Принятое ЦК ВКП(б) постановление «О работе Уралмета» гласило: «Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири... Запасы уральских железных руд, превышающие 1 млрд т, сочетание их с сибирскими и кизеловскими углями и лесными массивами, благоприятное географическое положение создают все необходимые предпосылки для развития на Урале технически передового, крупного комбинированного хозяйства для превращения Урала в новый крупный металлургический центр»¹⁷. Летом 1930 г. это решение было одобрено XVI съездом ВКП(б), подтвердившим необходимость «создания в ближайший период новой мощной угольно-

¹⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1967. Т. 2. С. 202.

металлургической базы в виде Урало-Кузнецкого комбината»¹⁸. Началась активная работа по сдвигу индустрии страны на восток.

К 1940 г. удельный вес Урала и Западной Сибири по добыче угля вырос до 36 %, выплавки стали — до 32 %, чугуна — до 29 % и проката — до 32 % (табл. 3).

Таблица 3

**Производство основных видов продукции черной металлургии
по экономическим районам СССР в 1940 г.***

Вид продукции	Единица измерения	Экономический район			Всего
		Юг	Урал	Зап. Сибирь	
Чугун	тыс. тонн	9642,0	2714,3	1535,9	14 902
	%%	64,7	18,2	10,3	100,0
Сталь	тыс. тонн	8938,2	3924,4	1869,5	18 317,2
	%%	48,8	21,4	10,2	100,0
Прокат	тыс. тонн	6519,5	2815,5	1369,0	13 113,1
	%%	49,7	21,4	10,4	100,0

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1222. Л. 40, 49, 51, 53, 54.

Следует отметить, что схема размещения производства Уралокузбасса отличалась от проектировок директоров Копикуза и строилась на «маятниковых перевозках» угля из Сибири на Урал и железной руды из Урала в Сибирь, составивших в 1940 г. 7,5 млн тонн и 2,3 млн тонн соответственно (табл. 4). В то время как правление Копикуза планировало организовать западносибирскую металлургию за счет внутрирегиональной разработки тельбесских руд.

Таблица 4

**Обмен между Уралом и Западной Сибирью каменным углем и железной рудой в 1924–1940 гг.
(тысяч тонн, в числителе — отправлено с Урала в Западную Сибирь,
в знаменателе — поступило из Западной Сибири на Урал)***

	каменный уголь	железная руда
1923/24 операционный год	$\frac{1,7}{124,0}$	$\frac{0,0}{0,0}$
1940 год	$\frac{27,0}{7428,0}$	$\frac{2265,6}{0,1}$

* Составлено по: Материалы по статистике путей сообщения. М., 1926. Вып. 48. Ч. 2. С. 2–3, 71, 192; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 11. Д. 2128. Л. 2, 17.

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 4. 1927–1931 гг. М., 1970. С. 398.

Советский вариант реконструкции металлургии азиатской части России, безусловно, был гораздо масштабней описанных в публикуемых материалах идей. Консолидация в руках государства всех ресурсов промышленности позволила добиться впечатляющих результатов, заметно превзойти самые смелые проектировки предпринимателей дореволюционного времени. Но тем не менее перевозки угля и руды позже, за время Великой Отечественной войны, станут слабым местом проекта. Эвакуация и вынужденное наращивание производств на востоке (на Урале располагались от 85 % до 100 % всех металлургических агрегатов, введенных в строй за время войны на востоке СССР), по сути, приведя к безусловному доминированию производств УМК в регионе, ставило под угрозу перспективу сохранения территориально-экономического единства государства. По данным статистики МПС, в 1940 г. 39,2 % грузов, отправленных и принятых железными дорогами Урала и Сибири, составлял каменный уголь, а в 1945 г. его доля возросла до 51,8 %. Темпы увеличения количества перевезенного угля опережали общее увеличение грузоперевозок в регионе вплоть до второй половины 1950-х гг.¹⁹ Высокая доля перевозимого угля означала лимитирование для перевозок других грузов через географический центр страны. Перемещение каждого нового тонно-километра каменного угля означало невозможность отправки или получения восточными регионами любой иной промышленной либо сельскохозяйственной продукции из Европейской части СССР в аналогичном размере.

Публикуемый документ, таким образом, представляет научный интерес как источник по одному из ярчайших периодов отечественной истории. Они зафиксировали то, как в 1918 г. осколок старого мира в лице Кузнецкого каменноугольного и металлургического акционерного общества пытался сохранить себя в мире новом, возникавшем в результате побед социалистической революции. Эти попытки, предпринятые в разгар интервенции, на фоне мировой войны и за несколько дней до начала войны гражданской, говорят о преданности их авторов своему делу, страсть к которому двигала ими сильнее заурядной тяги капиталиста к сверхприбыли.

Документ находится на хранении в Объединенном фонде высших советов народного хозяйства СССР и РСФСР Российского государственного архива экономики. Текст документа передается в соответствии с современными правилами орфографии. Сокращенно написанные слова воспроизведены полностью, восстановленная часть слов заключена в квадратные скобки.

Подчеркивание элементов текста документа передано полужирным шрифтом. При археографической обработке текста документа допускалась коррекция, связанная с устранением опечаток автора, опечаток, орфографических ошибок. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Документ публикуется полностью и снабжен нашими комментариями.

**ЗАПИСКА КУЗНЕЦКОГО КАМЕННОУГОЛЬНОГО И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА
ВЫСШЕМУ СОВЕТУ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РСФСР ОТ 18 МАЯ 1918 Г.**

Кузнецкое Каменноугольное и металлургическое о[бществ]о,
[город] Петроград, [улица]Троицкая, [дом] 1.
Москва, Фроловский пер[еулок], [дом] 4. кв[артира] 18¹⁾.

Мая 18-го 1918 года²⁾

Высшему совету народного хозяйства

Представляемая при сем «Справка о кузнецком бассейне и действующем при нем Кузнецком каменноугольном и металлургическом обществе» является программой развития Кузнецкого о[бществ]а, намеченной в апреле 1917 года, когда правление О[бществ]а, располагая для осуществления строительства необходимой финансовой организацией, заключало с Временным

¹⁹ Подробнее об этом см.: Бедель А. Э., Михеев М. В. Генеральные хозяйственные планы СССР 1930-х — 1940-х гг. (проблема Урало-Кузбасса) // Вопросы истории. 2019. № 12-2. С. 119–122.

правительством договор о постройке рельсопрокатного завода^I. Из этой программы видно, что, опережая нормально развивающийся спрос на уголь, О[бщест]во считало возможным к 1927 году поднять добычу до 220 миллионов пудов^{II} в год, оборудовав для этого 10–12 рудников с производительностью от 20 до 25 миллионов пудов каждый.

Ныне, когда вследствие изменившейся промышленной конъюнктуры к Кузнецкому бассейну предъявляются требования снабжения коксом и коксовыми углями всей Уральской металлургической промышленности, для чего потребуется до 400 миллионов пудов угля в год, программа развития должна быть удвоена. Это нисколько не страшит Кузнецкое общество, даже более того, Общество рассчитывало на такую возможность и, планомерно покрывая территорию бассейна рудниками, намечало их первоначальную производительность лишь в 20 миллионов пудов каждый, имея в виду в случае надобности поднимать годовую производительность любого из них до 40 миллионов пудов.

Таким образом, Обществу придется оборудование всех намеченных своих рудников довести до сорокамиллионной производительности, являющейся вполне нормальной мощностью хорошо оборудованного рудника. В первую очередь необходимо будет развить добычу на действующих уже рудниках, Кольчугинском^{III} и Кемеровском^{IV}, а затем оборудуемые рудники: Богатско-Шестаковский^V, Прокопьевский^{VI}, Осинковский^{VII}, Абашевский^{VIII}, Крапивинский^{IX}, а также и намеченные рудники: Плотниковский^X, Киселевский^{XI}, Афонинский^{XII}, Бунгурский^{XIII} и Ерунаковский^{XIV} сразу необходимо проектировать и строить каждый для годовой производительности от 30 до 50 миллионов пудов.

^I Рельсопрокатный завод — запроектированный учрежденным при Копикузе Акционерным обществом Алтайского металлургического завода рельсопрокатный и металлургический завод в Кузнецком бассейне, близ станции Куштулень Кольчугинской железной дороги (в наст. время г. Калтан Кемеровской области). Инициатива о постройке завода была выдвинута в конце января 1916 г. Его производительность в 1920 г. ориентировочно должна была составить 139 тыс. тонн железнодорожных рельс, 25 тыс. тонн железнодорожных креплений, 49 тыс. тонн сортового и кровельного железа, 8 тыс. тонн чугуна для литья.

^{II} 1 пуд равен 16,38 кг.

^{III} Кольчугинский рудник (после 1917 г. Ленинский) — принадлежавший Копикузу угольный рудник близ деревни Кольчугино Томской губернии (в наст. время г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области). Объем добычи в 1913 г. — 7 тыс. тонн.

^{IV} Кемеровский рудник — принадлежавший Копикузу угольный рудник близ деревни Кемерово Томской губернии (в наст. время г. Кемерово). Объем добычи в 1913 г. — 10 тыс. тонн.

^V Богатско-Шестаковский рудник (после 1917 г. Суховаровский) — заложенный Копикузом угольный рудник, расположенный к югу от села Бачаты Томской губернии (в наст. время поселок городского типа Бачатский Кемеровской области). Пущен в эксплуатацию в 1918 г., объем добычи 1,5 тыс. тонн.

^{VI} Прокопьевский рудник — заложенный Копикузом угольный рудник, расположенный близ села Прокопьевское Томской губернии (в наст. время город Прокопьевск Кемеровской области). Пущен в эксплуатацию в 1917 г., объем добычи 5 тыс. тонн.

^{VII} Осинковский (Осинниковский) рудник — заложенный Копикузом угольный рудник, расположенный близ деревни Осинки Томской губернии (в наст. время город Осинники Кемеровской области). Пущен в эксплуатацию в 1917 г., объем добычи 472 тонны.

^{VIII} Абашевский рудник — принадлежавший Копикузу угольный рудник близ г. Кузнецка Томской губернии (в наст. время г. Новокузнецк Кемеровской области). Объем добычи в 1914 г. — 628 тонн.

^{IX} Крапивинский рудник — принадлежавший Копикузу угольный рудник, расположенный в районе села Крапивино Томской губернии (в наст. время поселок городского типа Крапивинский Кемеровской области). В 1914 г. объем добычи 609 тонн.

^X Плотниковский рудник — запроектированный Копикузом угольный рудник, расположенный в районе деревни Плотниково Томской губернии (в наст. время деревня Плотниково Кемеровской области). Пущен в эксплуатацию в 1919 г., объем добычи 131 тонна.

^{XI} Киселевский рудник — заложенный Копикузом угольный рудник, расположенный близ деревни Черкасово Томской губернии (в наст. время город Киселёвск Кемеровской области). Пущен в эксплуатацию в 1917 г., объем добычи 2,3 тыс. тонн.

^{XII} Афонинский рудник — заложенный Копикузом угольный рудник, расположенный близ деревни Афоново Томской губернии (в наст. время город Киселёвск Кемеровской области). При вводе в эксплуатацию объединен с Киселёвским рудником.

^{XIII} Бунгурский рудник — запроектированный Копикузом угольный рудник, расположенный в районе деревни Бунгур Томской губернии (в наст. время село Бунгур Кемеровской области).

^{XIV} Ерунаковский рудник — запроектированный Копикузом угольный рудник, расположенный в районе деревни Ерунаково Томской губернии (в наст. время поселок при станции Ерунаково в Кемеровской области). Пущен в эксплуатацию в 1919 г., объем добычи 115 тонн.

Для осуществления годовой добычи угля до 400 милл[ионов] пудов при выжиге до 200 милл[ионов] пудов кокса нужно будет затратить не менее 300 милл[ионов] рублей и на постройку завода не менее 290 милл[ионов] рублей.

Программу эту Кузнецкое общество полагает возможным выполнить за десять лет при наличии следующих условий:

- 1) Подтверждения центральной власти, что Кузнецкое о[бщест]во национализации не подлежит.
- 2) Разрешения реализовать выпуски акционерного капитала с привлечением иностранных финансовых групп, каковые уже дали нам согласие на участие.
- 3) Разрешения получения необходимого количества иностранной валюты для оплаты по заграничным заказам.
- 4) Установление благоприятных условий транспорта и в частности исполнение работ и условий по Кольчугинской жел[езной] дороге, указанных в докладной записке нашей отделу по топливу от 11-го апреля с[его] г[ода].
- 5) Незамедлительное введение рабочими организациями трудовой дисциплины при широком использовании сдельных оплат труда во всех отраслях производства и строительства. Наряду с этим организация управления делом по типу, указанному в декрете об управлении национализированными предприятиями, и наличие последующего контроля со стороны рабочих организаций.
- 6) Признание всех работ Кузнецкого общества работами первой государственной важности и оказание им как государственными, так и областными и местными органами власти полного содействия.

Позволяем себе указать, что если Высший совет народного хозяйства считает нужным ускорить усиление добычи сибирских углей и полагает, что это возможно выполнить при государственном ведении хозяйства, то в его распоряжении уже имеются:

- 1) Экибастузский район^{xv}, выгоднее расположенный в тарифном отношении, чем Кузнецкий.
- 2) Богатейший Анжеро-Судженский район^{xvi}, хорошо обслуживаемый железнодорожными путями.
- 3) Район правого берега [реки] Томи, где национализированное Богословское общество^{xvii} уже сделало все необходимые подготовительные работы для широкого развития угольной добычи.

Таким образом, не убивая частной инициативы и предприимчивости, В[ысший] [совет] народного хозяйства может развить по примеру Германии^{xviii} государственную промышленность, которая, регулируя рынок, устанавливая цены, сама должна будет следить за успехами техники и не выродится в паразитическое предприятие, не интересующееся результатами работ.

Представители Кузнецкого о[бщест]ва
А. [Е.] Калистратов^{xix}И. [И.] Федорович^{xx; 3)}

При сем «Справка о Куз[нецком] Бассейне»⁴⁾.

^{xv} Экибастузский угольный бассейн — крупное угольное месторождение, расположенное вблизи озера Экибастуз. С 1913 г. эксплуатировалось Киргизским акционерным горнопромышленным обществом. В 1917 г. добыта 81 тыс. тонн угля. Национализировано 11 мая 1918 г.

^{xvi} Анжерские казенные копи и Судженские угольные копи Л. А. Михельсона — до 1917 г. крупнейшие угольные копи Кузнецкого бассейна. Уровень добычи 1913 г. 340 тыс. тонн и 422 тыс. тонн соответственно. Судженские копи национализированы 11 мая 1918 г.

^{xvii} Богословское горнозаводское акционерное общество — общество, созданное в 1896 г. для эксплуатации Богословского горного округа Верхотурского уезда Пермской губернии. До 1917 г. активно приобретало в Сибири каменноугольные копи для производства кокса. Национализировано 10 февраля 1918 г.

^{xviii} Имеется в виду внедрение плановых начал в германскую военную экономику в 1914 г., предпринятое В. Ратенау и Ф. Габером в начале Первой мировой войны.

^{xix} Калистратов Александр Ефимович (?—?) — с 1912 г. заместитель председателя правления Копикуза, с 1917 г. директор правления Копикуза.

^{xx} Федорович Иосиф Иосифович (1875–1937) — горный инженер, с 1912 г. директор-распорядитель Копикуза, с 1918 г. — председатель временного правления Копикуза, в 1920 г. — заведующий Горно-техническим отделом треста «Сибуголь». В апреле 1928 г. арестован по «шахтинскому делу», в 1930 г. осужден на 10 лет лишения свободы на «Процессе Промпартии». Повторно арестован 20 января 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной террористической диверсионной организации, проводившей вредительскую работу, направленную на сдерживание темпов развития Карагандинского угольного бассейна». Расстрелян.

**СПРАВКА О КУЗНЕЦКОМ БАСЕЙНЕ И ДЕЙСТВУЮЩЕМ В НЕМ
КУЗНЕЦКОМ КАМЕННОУГОЛЬНОМ И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Акционерное общество кузнецких каменноугольных копей, ныне переименованное в Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество, возникло в 1912 году и действует на основании двух договоров:

- 1) заключенного 19 Октября 1913 года учредителями Общества с бывшим Кабинетом и дополнительной надписи на договоре, сделанной на основании особого постановления Временного правительства Министерством торговли и промышленности 29 апреля 1917 года и
- 2) заключенного Обществом с Министерством торговли и промышленности 29 апреля 1917 года.

На основании этих договоров Обществу предоставляется право разведывать каменноугольные и железнорудные месторождения в пределах Кузнецкого уезда Томской губернии. Разведанные и отведенные площади передаются Обществу в пользование впредь до выработки месторождений, при условии оплаты по два рубля в год с десятины^{xxi} отведенных земельных площадей и по 0,5 коп[еек] с пуда добытого угля и от 0,5 коп[еек] — до 2 коп[еек] с пуда выплавленного чугуна.

Получив в свое распоряжение обширный, но неисследованный и необслуживаемый путями сообщения каменноугольный и железнорудный бассейн, Кузнецкое общество, прежде всего, озабочилось созданием на свои средства независимого Общества Кольчугинской железной дороги, которая, являясь дорогой общего пользования, имеет главным своим назначением обслуживание промышленных предприятий Кузнецкого бассейна.

В 1916 году закончена постройка железной дороги от ст[анции] Юрга Томской дороги до ст[анции] Кольчугино (187 верст^{xxii}), с кемеровской ветвью в 36 верстах.

Второй задачей Общества была организация широких, планомерных исследований каменноугольных и рудных месторождений района. Для изучения каменноугольных месторождений была приглашена группа геологов под руководством Л. И. Лутугина^{xxiii}, а руководство разведками железных руд было поручено проф[ессору] П. П. Гудкову^{xxiv}. Произведенными геологическими изысканиями, целью которых является создание геологической пластовой карты бассейна, установлено, что Кузнецкий бассейн располагает запасами коксовых углей в значительно большем количестве, чем Донецкий; суммарная мощность Кузнецких угольных пластов, залегающих в шести свитах, составляет 90 метров, против 18 метров общей мощности пластов Донецкого бассейна.

Первоначальный план Общества состоял в организации добычи до 40 миллионов пудов угля в год, из которых 15 миллионов предполагалось перерабатывать на кокс, для снабжения им Урала, а 25 миллионов пудов угля представлялось возможным разместить на местном рынке.

После предварительной разведки Общество в 1913 году приступило к оборудованию двух основных рудников: Кольчугинского и Кемеровского, каждый для добычи 20 миллионов пудов угля в год. Вывоз угля водою производился уже в 1913 году, а транспорт по Кольчугинской железной дороге начался с сентября 1915 года:

Год	Добыто в пудах	Отправлено		
		Водой	По железной дороге	Всего
1913	618 000	300 000	—	300 000
1914	3 019 000	1 683 000	—	1 683 000
1915	4 420 000	1 600 000	1 683 000	3 238 000
1916	12 123 000	821 000	11 574 000	12 395 000
1917*	12 928 000	664 000	11 136 000	11 800 000

* За первые 9 месяцев.

^{xxi} 1 десятина равна 1,0975 га.

^{xxii} 1 верста равна 1,07 км.

^{xxiii} Лутугин Леонид Иванович (1864–1915) — геолог, профессор, с 1913 г. по поручению Копикуза занимался составлением геологической карты Кузнецкого бассейна.

^{xxiv} Гудков Павел Павлович (1881–1955) — геолог, профессор Томского технологического института, в 1913–1916 гг. вел разведки Тельбесского месторождения, в 1918 г. министр торговли и промышленности Сибирского правительства.

На Кольчугинском руднике разрабатываются четыре пологопадающие пласта в 1, 2 и 4 метра, мощностью пламенного угля, а на Кемеровском руднике разрабатываются пласты коксового угля, из них: один в 10 мет[ров], один в 4 метра и два в 2 метра мощности, с углом падения в 45°. В настоящее время добыча на Кольчугинском руднике доведена до 40–45 тысяч пудов, а на Кемеровском — до 30–35 тысяч пудов за сутки.

При Кемеровском руднике заканчивается постройка коксовых печей для выжига 10 миллионов пудов кокса в год, с улавливанием побочных продуктов перегонки и получением каменноугольной смолы, масел, сернокислого аммония, бензола и толуола. Последние два, по договору, запроданы Главному артиллерийскому управлению.

Кроме главных рудников, Общество ведет добычу на вспомогательных коях в Абашево, Крапивино и Горлово.

В 1913 году, когда возникло Акционерное общество кузнецких каменноугольных копей, потребность в угле в Западной Сибири можно было исчислять в 100 миллионов пудов в год, из которых 75 миллионов потребляли железные дороги, а 25 миллионов пудов — города и промышленные предприятия.

Эта потребность удовлетворялась в количестве 50 миллионов пудов углем, добываемым на казенной Анжерской копи и на [Судженских] коях Л. А. Михельсона, остальные 50 миллионов получались с Урала и из Черемховского района. На долю нового предприятия выпадала необходимость лишь вытеснять из местного рынка привозные из краевых бассейнов угли худшего, чем Кузнецкие угли, качества и вести все свои расчеты, базируясь на коксе.

Война и вызванный ею острый недостаток в топливе показали, что Кузнецкие угли с успехом могут обслуживать Уральские металлургические заводы, но количество доставляемого сюда топлива нормируется загруженностью Сибирских железных дорог.

Последний вопрос, под влиянием американской миссии^{xxv}, находит разрешение в изменении порядка снабжения Сибирских дорог топливом. До сего времени дороги пользовались в значительном количестве Черемховским углем, добыча которого за время войны поднялась до 75–80 миллионов пудов. Передвигая с востока на запад громадные количества топлива для своей потребности, на расстояние 1500–3000 верст, дороги в значительной степени заполняют свою провозоспособность хозяйственными перевозками.

Принятое решение снабжать дороги углями, передвигающимися с запада на восток, предъявляет к Кузнецкому бассейну требование увеличения добычи. Необходимость развития добычи подсказывается также и желанием, помимо удовлетворения возрастающей местной потребности в топливе, создать экспорт его на Урале, при посредстве запроектированных железных дорог.

Особым совещанием, под председательством товарища министра путей сообщения г[осподина] [И. Н.] Борисова^{xxvi}, намечено к осуществлению в Сибири 9100 верст железнодорожных путей, из которых 5800 верст отнесены к первой очереди, т[о] е[сть] к постройке в пятилетие 1917–1921 г[одов], 1400 верст отнесены во вторую очередь, т[о] е[сть] к постройке в пятилетие 1922–1926 г[одов], и 1900 верст к одной из последующих очередей.

Если прибавить к этому 1600 верст Северо-Сибирской линии, намеченной Сибирским бюро к осуществлению в первую очередь, 750 верст линии, соединяющей горнопромышленный и скотоводческий районы Сибири со Средним Уралом и Россией и 400 вер[ст] линии, соединяющей Кузнецкий район с Минусинским краем, то получим, что местные копи должны будут снабжать углем железные дороги следующего протяжения:

в первое пятилетие (1917–1922 г[одов]) — 14 100 вер[ст]

во второе пятилетие (1923–1927 г[одов]) — 15 900 вер[ст]

в третье пятилетие (1928–1932 г[одов]) — 17 800 вер[ст].

^{xxv} Имеется в виду американская чрезвычайная миссия во главе с бывшим государственным секретарем сенатором Э. Руттом в ранге чрезвычайного посла в мае — июне 1917 г. Одной из задач миссии было всемерное содействие Временному правительству в реорганизации железнодорожного транспорта и специально Транссибирской магистрали.

^{xxvi} Борисов Иван Николаевич (1858–1928) — инженер путей сообщения. В 1911–1917 гг. управляющий эксплуатационным отделом, начальник управления железных дорог, товарищ министра путей сообщения. С 1916 г. председатель междудеятельственной комиссии по выработке плана железнодорожного строительства.

Это будет отвечать потреблению угля дорогами в 165 миллионов, 180 миллионов и 220 миллионов пудов ежегодно в последующие пятилетия.

Если предположить, что промышленность и население в пятилетие будут удваивать свою потребность, то необходимая производительность копей Западной Сибири определяется:

в 1917–1922 г[одах] в 215 000 000 пуд[ов]

[в] 1923–1927 г[одах] [в] 280 000 000 [пудов]

[в] 1928–1932 г[одах] [в] 420 000 000 [пудов].

На долю Кузнецкого Общества предназначается по тарифным соображениям удовлетворять $\frac{1}{4}$ этой потребности, т[о] е[сть] по 50 000 000, 60 000 000 и 100 000 000 [пудов] ежегодно.

Если предположить, что к 1921 году будет закончена строящаяся Южно-Сибирская магистраль и осуществится к 1925 году постройка запроектированной Северо-Сибирской магистрали, то Кузнецким коксовым углем и коксу облегчится возможность широко проникнуть на Урал, и к концу десятилетия, т. е. к 1928 году, производительность доменных заводов Урала может быть удвоена, т[о] е[сть] доведена до 100 миллионов пудов чугуна, из которых 30 миллионов будут выплавлены на древесном угле, 70 миллионов на Кузнецком топливе.

В настоящее время дороги Западной Сибири ([Алтайская, Кольчугинская и Южно-Сибирская]) объединены в одну мощную группу, которая вместе с тем финансирует и Кузнецкое каменноугольное и металлургическое акционерное общество. Протяжение построенных дорог: Алтайской — 750 в[ерст] и Кольчугинской — 225 в[ерст]. На осуществление их было затрачено:

первой — 70 миллионов рублей [,]

второй — 19 миллионов рублей. Длина разрешенных правительством и строящихся дорог этой группы: Кольчугинской — 550 верст и Южно-Сибирской — 2325 верст. Необходимые для их постройки капиталы: первый в 150 миллионов рублей и второй в 450 миллионов руб[лей], из которых уже реализовано внутри России: для первой 76 миллионов рублей и для второй 100 миллионов рублей. К этому необходимо добавить, что эта же группа имеет разработанный план осуществления развития дорог в Сибири, с выходами к южнорусским портам — около 1000 верст, к Среднему Уралу — 750 верст, на соединение Алтайского округа с Минусинским краем — 400 [верст], тоже на соединение с Семиречьем — 1100 верст, к границе Монголии — 500 вер[ст], с возможным продвижением последней линии через Китай до одного из портов Великого океана^{xxvii}. Из вышеизложенного ясно, что в руках этой группы сосредоточены все возможности использования мощного развития промышленности в Сибири. Пользуясь этим обстоятельством, в связи с повышенным спросом на топливо, недостатком в стране металла и наличия благоприятных естественных условий, значительно расширена программа развития Кузнецкого общества. Программа эта осуществляется в полном соответствии с развитием сети дорог.

Одновременно с постройкой Алтайских линий Кузнецкое общество ведет подготовку оборудования ряда рудников, с производительностью каждый от 20 до 25 миллионов пудов в год, предназначенных для снабжения отдельных районов.

По линии Кольчугино — Кузнецк разведаны и подготовлены два месторождения: Киселевское и Прокопьевское; по линии Кузнецк — Тельбесс разведано и начато эксплуатацией Осиновское месторождение коксового угля: по линии Кузнецк — Барнаул разведываются два месторождения: Березовское и Бунгурское.

Для обслуживания Гурьевского завода организована добыча угля на Бочатском месторождении.

В отношении развития железно-рудной добычи и металлургического дела вопрос находится в следующем состоянии: произведенными разведками четырех главных месторождений магнитного железняка, находящихся в Тельбесском районе, установлено только до глубины 40 метров наличие 1 700 000 000 пудов руды. Кроме этих разведанных месторождений, имеется в районе еще целый ряд обследованных геологически, что указывает на значительное богатство района. Кроме того, обнаружено и разведано значительное количество месторождений бурого железняка и сферосодеритов, кварца, известняка и огнеупорных глин, что вполне обеспечивает существование крупного металлургического завода.

^{xxvii} Великий океан — устаревшее название Тихого океана.

Место для постройки завода избрано на берегу р[еки] Кондомы, у ст[анции] Туштулень Кольчугинской железной дороги. Необходимая для постройки земельная площадь, в количестве 1000 десятин, постановлением Временного правительства отчуждена для надобностей завода.

Приняв решение приступить к постройке металлургического завода для первоначальной выплавки 17–20 миллионов пудов чугуна и до 15 миллионов пудов прокатного металла, Кузнецкое общество при проектировании имеет в виду четырехкратное расширение завода. Для обеспечения деятельности столь крупного завода Общество считало необходимым и добилось получения правительственного заказа, обеспечивающего первые годы существования завода.

По договору от 21 июня 1917 года с Министерством путей сообщения, Общество обязано, начиная с 1921 года, в течение 10 лет поставлять по 7,5 миллиона пудов рельсов и 1,2 миллиона пудов скреплений ежегодно.

Цена на рельсы и скрепления по договору устанавливается периодически Правительством, на общем основании, как для других русских заводов.

За рельсы и скрепления, изготовленные на заводе до 31 декабря 1925 года, Министерство приплачивает Обществу премию в размере 10 коп[еек] с пуда, причем если определенная установленным порядком цена будет ниже средней цены для южнорусских заводов, то плата за рельсы и скрепления производится по средней цене для южнорусских заводов с приплатой о 10 коп[еек] за пуд.

В настоящее время приступлено уже к подготовительным работам по постройке завода, производится заготовка леса, строительных материалов, приглашен технический персонал, который занят разработкой проектов постройки.

Ввиду затруднительности получения в настоящее время металлов, Общество переустраивает имеющийся в его распоряжении старый Гурьевский завод, который должен служить для оборудования большого завода. Приступлено к ремонту доменной печи, прокатных устройств и постройке небольшой мартеновской печи. Выплавка чугуна начнется в январе 1918 года, но удовлетворить постоянную громадную потребность в разнообразном металле Гурьевский завод не сможет, поэтому приходится озаботиться приобретением его на Юге России и на Урале. Что касается механической стороны оборудования, то Общество полагает возможным получить все необходимое лишь из [Соединенных Штатов] Америки.

Как только у Кузнецкого общества появятся собственные чугун и железо, Общество считает необходимым приступить к постройке большого механического, паровозостроительного завода в ближайшем к городу Кузнецку районе, где для того уже избрана необходимая площадь.

До настоящего времени Кузнецкое общество на организацию концессии, разведки угольной и рудной, оборудование двух рудников для добычи 40–50 миллионов пудов угля и постройки коксовых печей с химическим заводом истратило около 24 миллионов рублей, по предварительным сметам, постройка металлургического завода в пределах первоначальной программы обойдется не менее 100 миллионов рублей. Расширение деятельности завода в ближайшее десятилетие и доведение выплавки чугуна до 30 миллионов пудов, а в связи с этим и поднятие добычи угля до 220 миллионов пудов, потребует затраты большого капитала, что находится в полном соответствии с мощностью концессии и благоприятнейшими условиями залегания минеральных богатств.

Вся исполненная и намеченная программа развития Кузнецкого общества представлена в нижеследующей таблице:

Год	Добыча угля фактическая и предполагаемая	Выжиг кокса	Добыча железной руды	Выплавка чугуна	Прокатка рельсов	Прокатка накладок сортового железа	Количество задолженных рабочих
1913	618 000						500
1914	3 019 000						1000
1915	4 420 000						3000
1916	12 123 000						4000
1917	20 000 000		1 000 000				6000

Продолжение Таблицы

1918	40 000 000	10 000 000	2 000 000	200 000		50 000	8000
1919	60 000 000	10 000 000	10 000 000	5 000 000		100 000	12 000
1920	80 000 000	300 00 000	20 000 000	10 000 000	1 000 000	1 000 000	15 000
1921	100 000 000	40 000 000	30 000 000	15 000 000	7 500 000	4 000 000	18 000
1922	120 000 000	50 000 000	35 000 000	17 000 000	7 500 000	4 000 000	20 000
1923	140 000 000	60 000 000	40 000 000	20 000 000	10 000 000	5 000 000	24 000
1924	160 000 000	60 000 000	50 000 000	25 000 000	10 000 000	5 000 000	28 000
1925	180 000 000	70 000 000	60 000 000	30 000 000	10 000 000	5 000 000	32 000
1926	200 000 000	70 000 000	60 000 000	30 000 000	10 000 000	10 000 000	33 000
1927	220 000 000	70 000 000	60 000 000	30 000 000	10 000 000	10 000 000	35 000

С появлением на Сибирском рынке собственного черного металла и обильного количества минерального топлива, нет сомнения, возникнет в сфере влияния Кузнецкого общества целый ряд промышленных предприятий. В первую очередь должны появиться механические заводы и, прежде всего, заводы сельскохозяйственных машин. Можно уверенно сказать, что кто первый осуществит здесь постройку крупного завода сельскохозяйственных машин, тот будет иметь преобладающее экономическое влияние в Сибири, стране по преимуществу сельскохозяйственной, широко применяющей уже и в настоящее время машинную обработку земли.

Нарождается вопрос о создании текстильной промышленности и приступлении к организации свеклосахарного производства и заводов для обработки древесины. Цементное дело требует значительного расширения, т[ак] к[ак] имеющийся в районе единственный завод не удовлетворяет растущего спроса.

На основании всего изложенного видно, что Кузнецкое общество, планомерно развивая свои главные производства — добычу горючего и металла, дает основание и способствует развитию края и приготавливает его к широкому промышленному будущему, которое ясно рисуется как по соображениям общей политико-экономической ситуации, так и на основании громадных естественных богатств Алтая.

РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 484. Л. 1–12. Машинопись. Подлинник.

- 1) Кузнецкое Каменноугольное и металлургическое о[бществ]о, [город] Петроград, [улица] Троицкая, [дом] 1. Москва, Фроловский пер[еулок], [дом] 4, кв[ртира] 18 — вписано от руки чернилами.
- 2) 1918 года — вписано от руки чернилами.
- 3) Представители Кузнецкого о[бществ]а А. [Е.] Калистратов И. [И.] Федорович — вписано от руки чернилами.
- 4) При сем «Справка о Куз[нецком] Бассейне» — вписано от руки чернилами.

REFERENCES

Baev O. V. *Inostranny kapital v promyshlennosti Kuznetskogo basseyna (konets XIX — nachalo XX v.)* [Foreign capital in the industry of the Kuznetsk basin (late 19th — early 20th century)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. (In Russian).

Bedel A. E., Mikheev M. V. [General economic plans of the USSR in the 1930s — 1940s (Ural-Kuzbas problem)]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2019, no. 12-2, pp. 115–124. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi33. (In Russian).

Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa. 1721–1996 [Coal industry of Kuzbass. 1721–1996]. Kemerovo: AO "Kemerovskoye kn. izd-vo" Publ., 1997. (In Russian).

Zubkov K. I. [Geopolitical motivation and implementation of the Ural-Kuzbass project]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 1 (30), pp. 22–27. (In Russian).

СООБЩЕНИЯ

УДК 061.3: 930:910

Вторая научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге

30 января — 5 февраля 2022 г. в Екатеринбурге проходила Вторая научная школа по исторической географии. Мероприятие стало логичным продолжением занятий Первой научной школы (14 сентября — 9 октября, Екатеринбург), основной задачей которой являлось формирование у слушателей общих теоретических и методических навыков использования географических методов в исторических исследованиях. Для них были подготовлены обучающие курсы «Методы физической и экономической географии в исторических исследованиях» и «Геоинформационные технологии в исторических исследованиях»¹.

В этот раз организаторы сделали упор на практическую работу в части историко-пространственных исследований. С этой целью программа школы была сведена к полевым занятиям, связанным с практическими основами полевого картографирования территории, а также серии тематических коллоквиумов, посвященных отдельным сюжетам, связанным с исторической географией. Для удобства слушателей, обладавших различным уровнем изначальных знаний, оргкомитетом был опубликован онлайн-курс «Геоинформационные технологии в исторических исследованиях», где в доступной форме были изложены основные принципы работы в геоинформационных системах².

Автор этого курса, старший преподаватель кафедры биогеоценологии и охраны природы географического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета Д. Н. Слащёв, также руководил проведением практических занятий школы на всем протяжении мероприятия. Разработанная им программа «Практические основы полевого картографирования территории» позволила слушателям в полной мере «прочувствовать» процесс переноса географического объекта на карту, что важно для историка, в особенности при работе с картографическими источниками разных эпох.

Под руководством Д. Н. Слащёва участники школы осваивали принципы компоновки карты, типы, виды и свойства пространственных данных. Ими изучались сущность картографической генерализации, основные факторы, определяющие ее характер и степень, а также виды и методы сбора картографической информации, отбор и обобщение количественных и качественных характеристик. Проведенная работа позволила участникам освоить технику самостоятельного составления картографического материала, а также ознакомиться с многообразием исследовательских задач, решаемых на основе топографических и тематических карт.

Серию тематических коллоквиумов школы 31 января открыла лекция «Планы городов России XVI–XX вв.: создание, виды и практики использования», с которой выступила и.о. директора Государственного архива Пермского края к.и.н. Ю. А. Кашаева. Она рассказывала о дискурсе власти в создании городских планов, о целях картирования городов и их эволюции на протяже-

¹ См.: Бородин Е. В., Михеев М. В. Научная школа по исторической географии в городе Екатеринбурге // Уральский исторический вестник. 2020. № 4. С. 148–150.

² Геоинформационные технологии в исторических исследованиях. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EMj4DL2kQFk&list=PLyaA2Jaxt1__ENzi41A2gT47128mJDhaN (дата обращения: 01.07.2022).

нии нескольких веков. Особое внимание было уделено видам городских планов, их визуальным особенностям в зависимости от времени создания. Еще одним важным вопросом стало обсуждение мест хранения и проблем сохранности картографических источников. В практической части занятия участники школы получили навыки работы по научному описанию планов городов, в том числе определению их датировки, поиску мест их хранения. Обсуждались практики использования этих источников в исторических, географических, а также междисциплинарных проектах. Занятие сопровождалось просмотром на экране планов российских городов разного времени. В тот же день на практикуме «Межевые карты: создание, землемеры, возможности использования» были рассмотрены особенности картографических материалов, созданных в ходе различных видов межевания — коштного, генерального, специального. Были показаны картографические источники территории Урала, хранящиеся в Государственном архиве Пермского края. На основе анализа кейсов по архивным материалам был рассмотрен комплекс документов, создаваемых в процессе межевания. Со слушателями обсуждался вопрос использования карт межеваний и перспективы их введения в научный оборот. Деятельность землемеров была продемонстрирована на примерах из архивных документов.

1 февраля состоялись лекция и практическое занятие научного сотрудника отдела социально-экономической географии Института географии РАН к.г.н. А. В. Шелудкова. Лекция представляла собой обзор основных направлений общественной географии (или исследовательских программ, по И. Лакатосу) — времени появления, различий во взгляде на предмет и задачи науки, ключевых работ, с фокусом на историко-географические и экономико-географические проблемы. За более чем столетний срок география прошла путь от преимущественно описательной науки, ориентированной на накопление знаний о жизни стран и народов, к поиску универсальной логики развития пространственных феноменов и идеям о производстве социального пространства. Сегодня география в разной пропорции сохраняет в себе элементы этих направлений, при этом ядро науки сосредоточено вокруг исследования вопросов городского развития, мобильности, а также социальных и экономических механизмов воспроизводства пространственного неравенства на разных масштабных уровнях — от города до мира в целом. Представление о пространственных феноменах и различные объяснительные модели, применяемые к ним в географии, не ограничены современностью, но могут быть перенесены на исторический материал. Практическое занятие познакомило участников школы с рабочим процессом анализа и визуализации пространственных данных на открытом языке программирования R. Будучи создан учеными и для ученых, R имеет более легкий по сравнению с другими языками порог входа для новичков и развитое сообщество энтузиастов. Широкую популярность языку обеспечили наличие специализированных статистических пакетов, возможности автоматизации рутинных процессов обработки данных и визуального представления результатов анализа, включая разные типы карт и графиков.

2 февраля руководитель отдела научно-справочного аппарата и поисковых систем, и.о. заместителя директора Российского государственного архива древних актов А. А. Голубинский предложил слушателям поразмышлять над историей проникновения европейских географических научных знаний и технологических новшеств в Россию, проследить судьбу европейских ученых на российской службе, появление и происхождение отечественных землемерных кадров. Представленные лектором материалы были посвящены особенностям возникновения отечественных картографических источников от чертежей XVI–XVII вв. к рукописным и гравированным материалам и планам дач Генерального межевания, губернским и уездным картам и атласам. В ходе лекции обсуждались приоритетные направления географических изысканий в XVIII в., создание формуляров описаний территорий в рамках Географического департамента Академии наук, Шляхетного корпуса, Межевой экспедиции. Слушатели получили представление о точности картографических материалов, разной в отношении планов дач и обобщающих межевых материалов. Немаловажное внимание было уделено опыту применения информационных технологий при создании публикационных и исследовательских ГИС.

3 февраля заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией Вятского государственного университета А. О. Кайсин познакомил слушателей школы с «SAS.Планетой», бесплатно распространяемой навигационной программой, объединяющей в себе возможность загрузки и просмотра карт и спутниковых фотографий земной поверхности большого количества

картографических онлайн-сервисов. На приведенных им примерах были показаны возможности добавления пользовательских меток, путей и полигонов, а также их удаление и изменение. Это наиболее простой вариант визуализации географических данных в гуманитарных исследованиях. Кроме этого, под руководством А. О. Кайсина были рассмотрены возможности конвертации данных «SAS.Планеты» в свободную кроссплатформенную геоинформационную систему Quantum GIS. Были показаны варианты работы с космоснимками в QGIS, возможностями создания 2,5D-моделей географического пространства. Другим важным направлением практических занятий стало преобразование табличных данных Excel в QGIS. Табличные данные играют большую роль в отображении больших данных, используемых как при археологических, так и при общеисторических исследованиях. Их правильный перевод в географическую локацию позволяет быстро получить визуальное отображение и уже на начальном этапе исследований наметить предварительные выводы.

Школа завершилась 4 февраля. В этот день состоялись занятия сотрудников лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета. Старший научный сотрудник к.и.н. Ф. С. Корандей осветил современные тренды страноведческих описаний, где сочетание приемов, сила писательского мастерства и уровень погружения в краеведческий материал делают исследование по-настоящему убедительным. По мнению спикера, таким подходом выгодно отличаются современные зарубежные книги и статьи по исторической географии, для которых свойственен отказ от жестких исследовательских рамок и границ (П. Фассел, П. Адамс, Дж. Клиффорд, М. Маккини и мн. др.)³.

Старший научный сотрудник к. и. н. И. Н. Стась рассказал о рождении и развитии историографического направления «историческая урбанистика» (Urban History), которая в западном научном сообществе постоянно вела тесный методологический диалог с социальными науками. Первоначально в 1930–1950-е гг. американская урбан-история формировалась как ветвь национальной истории и основывалась на достижениях чикагской школы социологии. Большинство таких научных работ являлись традиционными «биографиями» городов. В 1960-е гг., в эпоху городского кризиса, историки-урбанисты стали участниками больших междисциплинарных дискуссий о генерализации метода и номотетическом подходе в изучении урбанизации. Но со второй половины 1960-х гг. они выступили с резкой критикой социальных наук (социологии, географии, демографии), которые не учитывали темпоральные и контекстуальные измерения в эволюции городов. Они предложили собственный оригинальный подход к ретроспективному изучению городских феноменов, который акцентировал внимание на реконструкции исторического контекста и физического пространства в истории урбанизации (новая социальная история, новая городская история, британская городская история). Эта традиция получила название «городское как среда/пространство». Сегодня она продолжает оставаться наиболее востребованной для зарубежной урбан-истории.

Во Второй научной школе по исторической географии приняли участие 20 слушателей из девяти регионов России и Беларуси. При этом организаторам поступило 140 заявок для участия в мероприятии из 20 регионов РФ и зарубежных стран. Учитывая большой интерес в научном сообществе к историко-географической школе, оргкомитет планирует проведение Третьей школы в феврале 2024 г.

Вторая научная школа по исторической географии была организована АНО «НИЦ «Молодые историки Урала» совместно с Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН, Пермским государственным национальным исследовательским университетом, Научным издательством «Большая российская энциклопедия», Уральским федеральным университетом, Советом молодых ученых Уральского отделения РАН. Мероприятие проводится при поддержке Фонда-оператора президентских грантов по развитию гражданского общества. Проект № 21-2-002276.

Преподаватели школы и оргкомитет

³ См.: Корандей Ф. О теории краеведения. URL: <https://gorky.media/books-collection/5-knig-o-tom-kak-ustroena-literatura-puteshestvij/>; <https://gorky.media/context/my-bolshe-ne-v-komi-permyatskom/> (дата обращения: 01.07.2022).

УДК 061.3: 902

Первая открытая ГИС база по археологическим работам на территории российского города*

15 марта 2022 г. Федеральной службой по интеллектуальной собственности было выдано Свидетельство о регистрации «Геоинформационной базы археологических исследований г. Кирова». Авторами базы являются сотрудники научно-исследовательской археологической лаборатории и кафедры фундаментальной математики Вятского государственного университета: Борисова Анна Михайловна, Глазырина Маргарита Кирилловна, Кайсин Алексей Олегович, Марков Роман Владимирович, Чупраков Дмитрий Вячеславович.

База данных предназначена для хранения и предоставления интерактивного доступа к информации об археологических работах на территории Кирова. Также может использоваться историками-краеоведами, археологами для уточнения сведений об археологической изученности Кирова. Кроме того, может быть полезна органам государственной охраны объектов культурного наследия для предоставления охраны историческим частям Кирова, а также для получения заключений Государственной историко-культурной экспертизы.

Геоинформационная база объединяет в себе результаты археологических работ, осуществлявшихся в городе в различное время. Несмотря на то, что раскопки в Кирове проводились регулярно, их отчеты зачастую оставались недописанными. По множеству объективных и субъективных причин научное сообщество до сих пор вынуждено иметь дело либо с техническим отчетом, либо с дневниковыми записями, либо с просто описью находок, причем даже в случае столь важных объектов, как территория Хлыновского кремля. В этой связи отсутствует общая картина археологической изученности города, работы археологов не связаны между собой. Предлагаемая база является первой попыткой осмысления археологического изучения Кирова и важна для разработки и реализации проекта городской охранно-археологической зоны.

База размещена на сайте Вятского государственного университета². Участниками ее презентации, которая состоялась 17 ноября 2021 г. в пространстве коллективной работы «Точка кипения» ВятГУ, стали археологи, музейные работники, специалисты в области охраны объектов культурного наследия. Обсуждение прошло неформально и с большой пользой для создателей первой платформы такого рода.

На презентации было отмечено, что на карте отражена территория Кирова в его современном виде, — в этих границах новый геоинформационный ресурс предоставляет данные о 172 археологических работах, осуществленных с 1935 по 2019 г. под руководством 22 археологов. На данный момент в базу внесено более 90 % произведенных в городе археологических работ. Созданная междисциплинарной командой платформа пока является единственной в своем роде. Это первая база археологических изысканий по конкретному городу — важно, что подобный кейс можно тиражировать, применяя его к другим городам европейской части России.

Изначально база археологических изысканий г. Кирова была создана на базе API Яндекс.Карты.

* Работа выполнена в рамках проекта «Культурный код россиянина» программы развития ФГБОУ «ВятГУ» «Приоритет_2030».

¹ Геобазы археологических изысканий г. Кирова. URL: <https://geobase.vyatsu.ru/#/> (дата обращения: 05.04.2022).

Этот вариант имеет открытый доступ с личным паролем. При нажатии на любой объект археологических исследований можно получить краткую справку о годе проведения работ и их руководителе, мощности культурного слоя и площади объекта.

Внизу карты имеется временной маркер — лента времени, которая позволяет распределять археологические работы по годам и десятилетиям. Сейчас объекты в базе данных имеют привязку на карте. Есть разделение по цветам, обозначающим мощность слоя, при нажатии на объекты можно получить краткие сведения. Есть возможность увидеть тепловую карту археологических работ, показывающую их интенсивность и частоту в разных районах города. Также имеется спутниковый вариант карты.

Кроме того, для ГИС-базы по представленным данным архитекторы сделали наложение разновременных построек на современную карту города, с обозначениями утраченных и сохранившихся зданий. Эта карта представлена как один из слоев.

Интерфейс базы будет поделен на две части: для любителей и профессиональных археологов и историков. В первом варианте, нажимая на любой объект, где проводились археологические работы, можно будет получить краткую справку: в каком году проведена работа, кто являлся руководителем, какова мощность и площадь объекта. Лента времени, являющаяся одним из маркеров, позволяет выделять археологические работы по годам и десятилетиям. Во втором варианте дополнительно к стандартной информации можно будет получить точные координаты и внешний вид места проведения археологических работ. При этом база может быть дополнена любым новым модулем. Новый вариант обеспечит доступ к отсканированным отчетам по проведенным исследованиям.

В настоящее время база переносится на свободную геоинформационную систему QGIS Desktop, где помимо стандартной информации можно узнать номер кадастрового участка и наложить практически любой вариант топографической или геологической карты, включая инвертируемые космоснимки. Объект будет привязан в виде полигонов, а не одной точкой, как на данном этапе разработки. В последующем опыт будет применяться для создания интерактивной археологической карты всей Кировской области.

Новшество, предложенное учеными ВятГУ, получило высокую оценку профессионалов.

Андрей Леонидович Кряжевских, директор научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области: «Безусловно, проделана большая работа по сбору информации об археологических изысканиях на территории Кирова. Из года в год такие работы ведутся, появляется новая информация. База дает возможность обобщения результатов проводимых исследований. При этом важно отметить, что она будет полезна не только специалистам, но и всем кировчанам, интересующимся историей своего города».

Роман Леонидович Старков, генеральный директор археологической компании «Экспедиция»: «Карта действительно полезна: она дает обширную информацию для всех жителей Кирова. Ведь на самом деле очень важно знать, что непосредственно на данной территории есть культурный слой — это формирует понимание необходимости ее охраны. База имеет мощный потенциал — он может быть реализован вплоть до привлечения самих археологов к участию в проекте, его дополнению, совершенствованию. И, конечно, это очень удобно — иметь всю информацию в одном месте и в систематизированном виде».

Участницей встречи стала проректор по развитию на основе анализа данных ВятГУ Екатерина Митягина. Она пояснила: «Все вместе мы задействованы в стратегическом проекте «Гармоничная личность» Программы развития ВятГУ на 2021–2030 годы, в данном случае — в его подпроекте «Культурный код россиянина»: представленная работа вписана именно в его рамки. У нас есть многочисленные данные различных наук относительно культурного кода личности — мы сейчас активно думаем о том, как их объединить. Основа в виде карты — это оптимальное решение. Наши археологи стали заниматься этим самыми первыми и представили впечатляющие результаты проделанной работы»³.

В дальнейшем карта будет дополняться новыми записями: фотографиями находок и видами раскопок, наложенными на планы города разных лет. Местоположение объектов будет уточняться и отражаться в виде полигонов. Кроме того, археологи ВятГУ ведут активную работу по созданию цифровой археологической карты Кировской области, рассматривая варианты открытого доступа к данной базе.

Кайсин А. О. Вятский государственный университет

³ Уникальная геоинформационная база археологических изысканий, созданная в ВятГУ, представлена профессиональному сообществу. URL: <https://www.vyatsu.ru/special/main/detail.php?ID=40329> (дата обращения: 05.04.2022).

Сокращения

- АКР — Археологическая карта России.
АРГ — Акты Русского государства.
АСЗ — Акты служилых землевладельцев.
АТД — административно-территориальное деление.
ВНИИСХА — Всесоюзный научно-исследовательский институт сельскохозяйственной и лесной авиации.
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДМЛ — Дела молодых лет (РГАДА. Ф. 1209).
ДСЛ — Дела старых лет (РГАДА. Ф. 1209).
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.
МРА — Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
Тобольский ОкрЗУ — Тобольское окружное земельное управление.
ТПК — территориально-производственный комплекс.
УКК — Урало-Кузнецкий комбинат.
УралГЗТ — Уральское отделение Государственного треста по организации территории и подготовке переселенческих земельных фондов Наркомата земледелия РСФСР (УралГосземтрест).
ЦПО — Центрально-промышленная область.

Научное издание
Историческая география. 2022. Т. 1. № 2

Главный редактор
М. В. Михеев

Корректор
Т. А. Качалова

Верстка
Н. Р. Хамидулова

Ретушь иллюстраций
В. Р. Рудаков

Формат 60×84/8. Бумага ВХИ 80 гр./м². Гарнитура Calibri
Уч.-изд. л. 14,8. Усл. печ. л. 16,74
Тираж 120 экз. Заказ № 15936
Дата выхода в свет 08.08.2022 г. Цена свободная

Макет подготовлен и отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа-Принт»
620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж
тел. 8 800 300-16-00

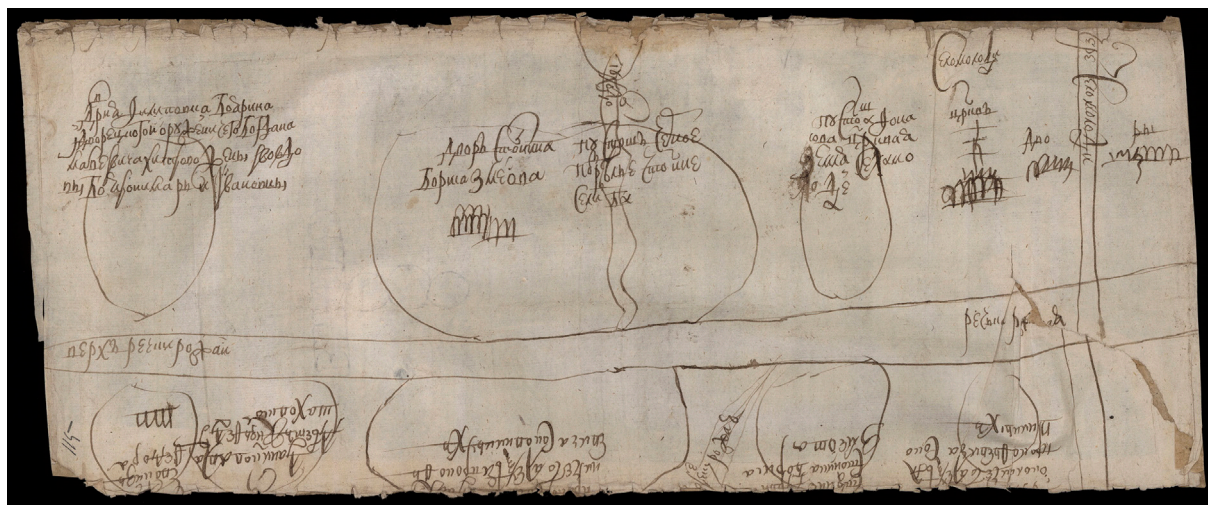

Рис. 1. Чертёж спорных земель по речке Рожайке у с. Молоди Московского уезда 1688 г.
(РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Москва. Ед. хр. 32759. Л. 115).

Рис. 2. Фрагмент ландкарты Московского уезда. 1720-е – 1730-е гг.
(РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Московской губ. Ед. хр. 2. Ч. 1).

Рис. 6. Фрагмент военно-топографической карты «одноверстки» 1840-х г. (РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Д. 3641. Ч. 3. Л. 20).

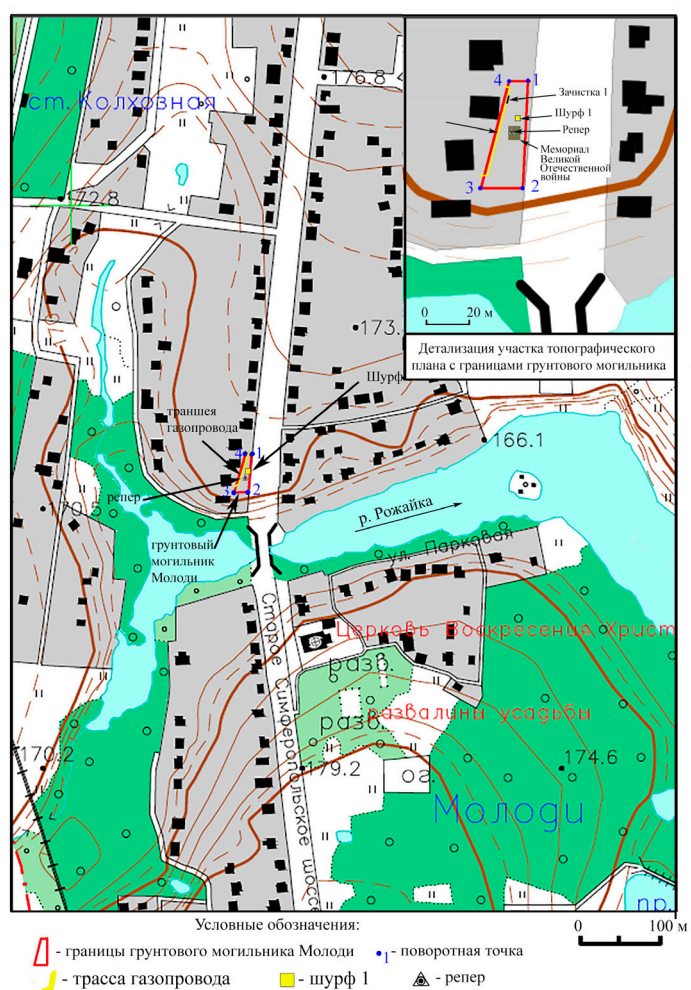

Рис. 7. Московская область, г. о. Чехов, с. Молоди. Грунтовый могильник Молоди. Топографический план с нанесением границ могильника, установленных в 2018 г. Сечение горизонталей 2,5 м.

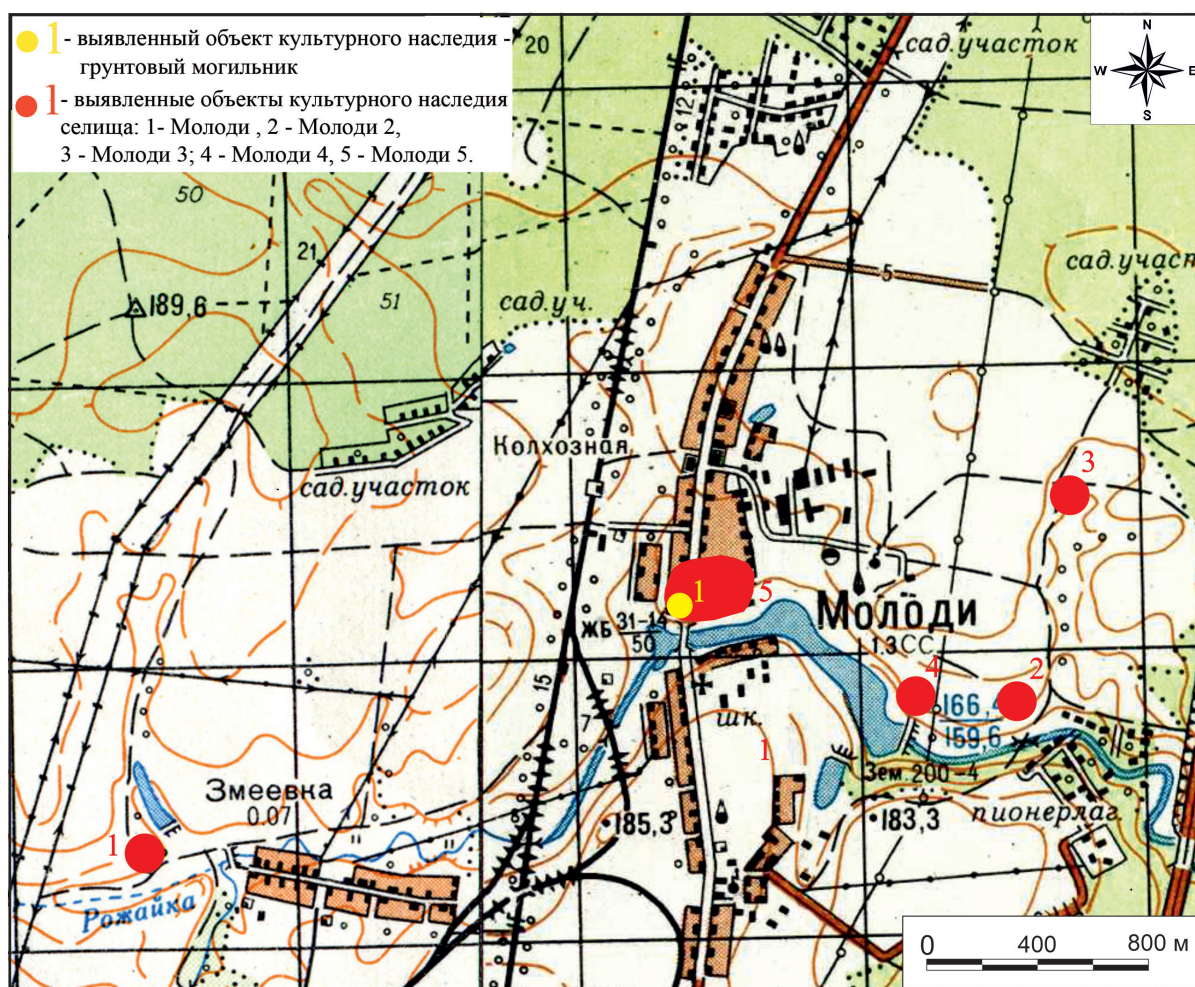

Рис. 8. Карта-схема выявленных объектов культурного наследия — памятников археологии:
селища Молоди 1, 2, 3, 4, 5 и грунтовый могильник Молоди

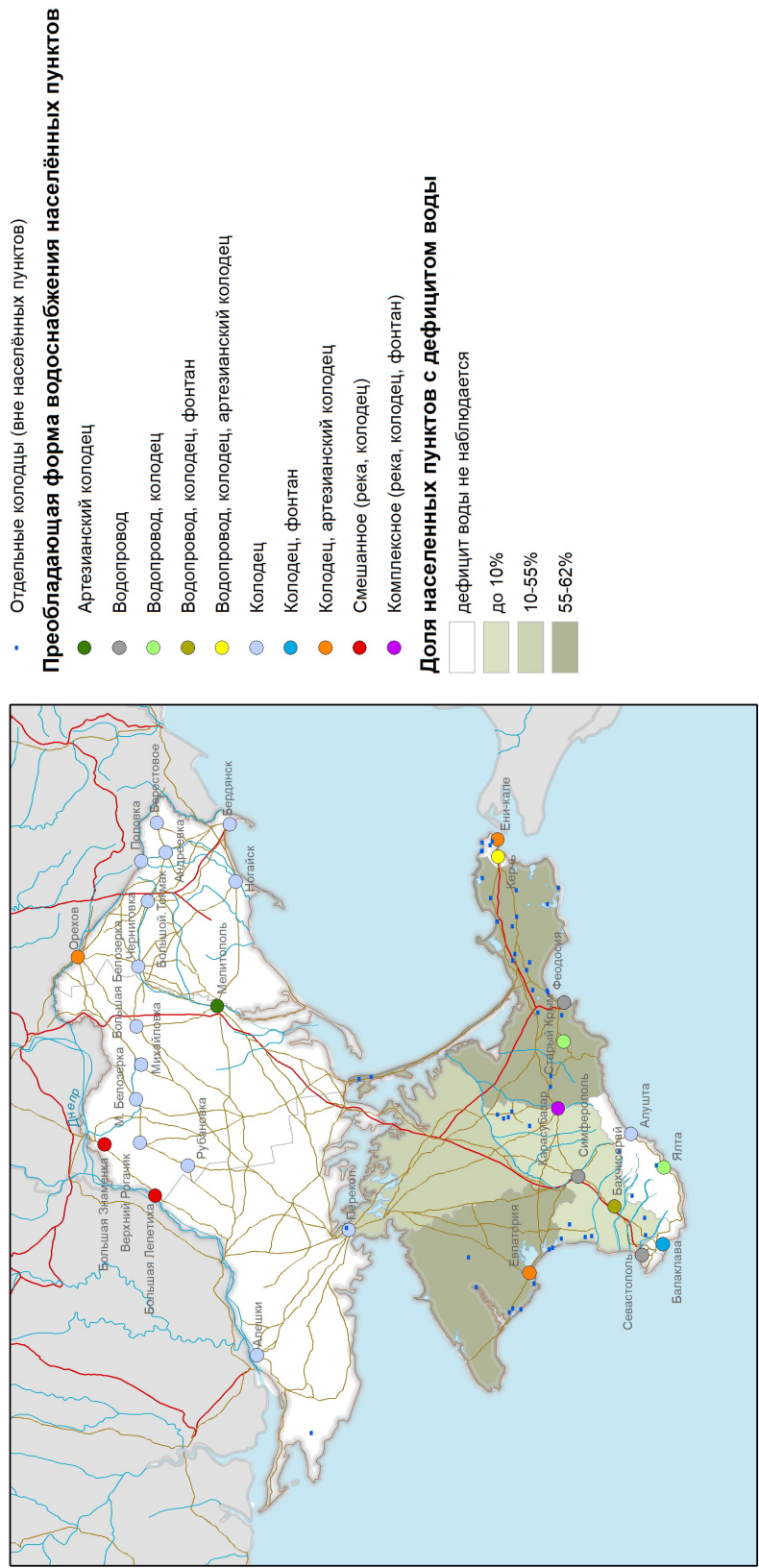

Рис. 9. Схема водоснабжения Таврической губернии

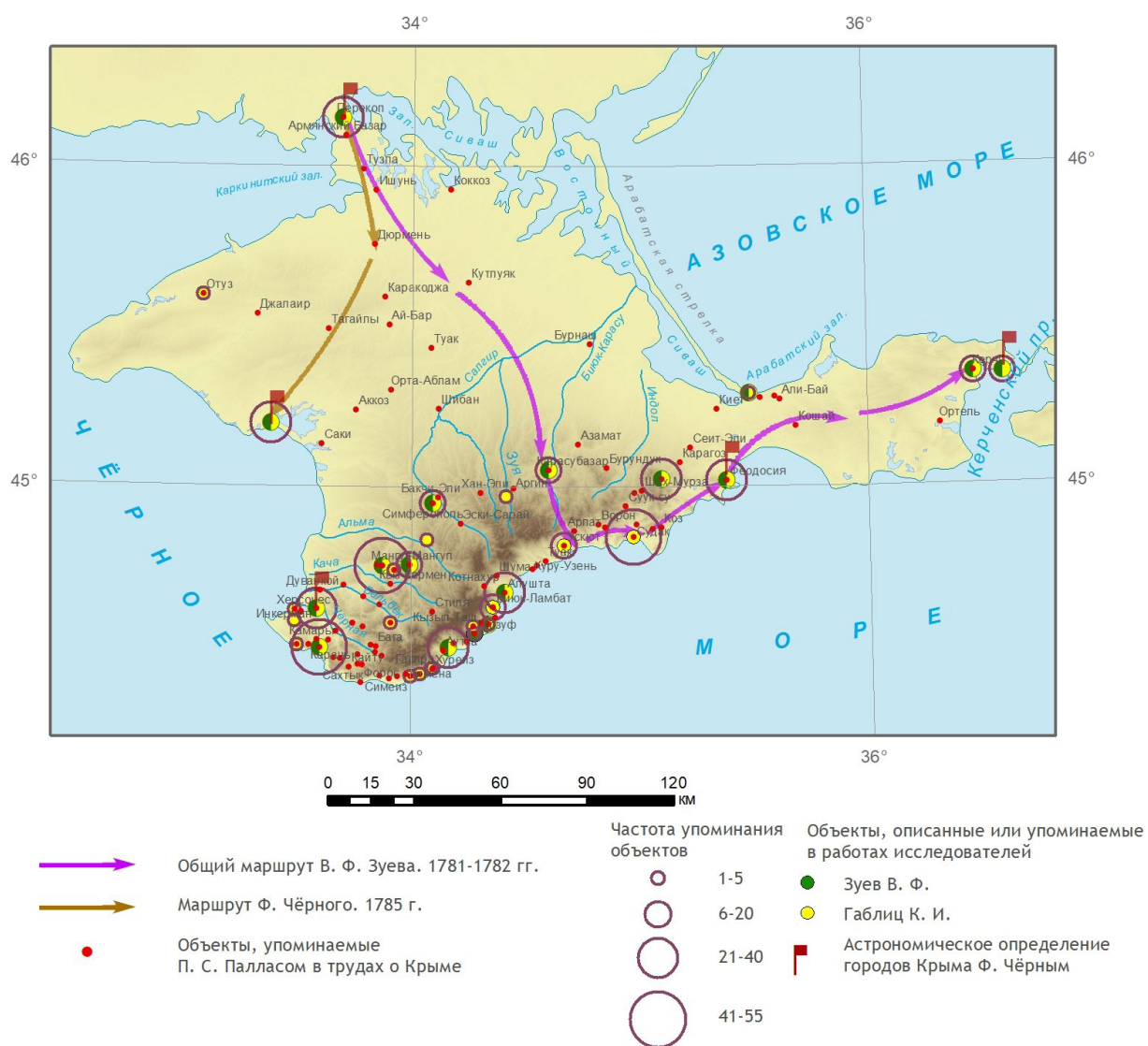

Рис. 10. Карта изученности Крыма в последней четверти XVIII в.

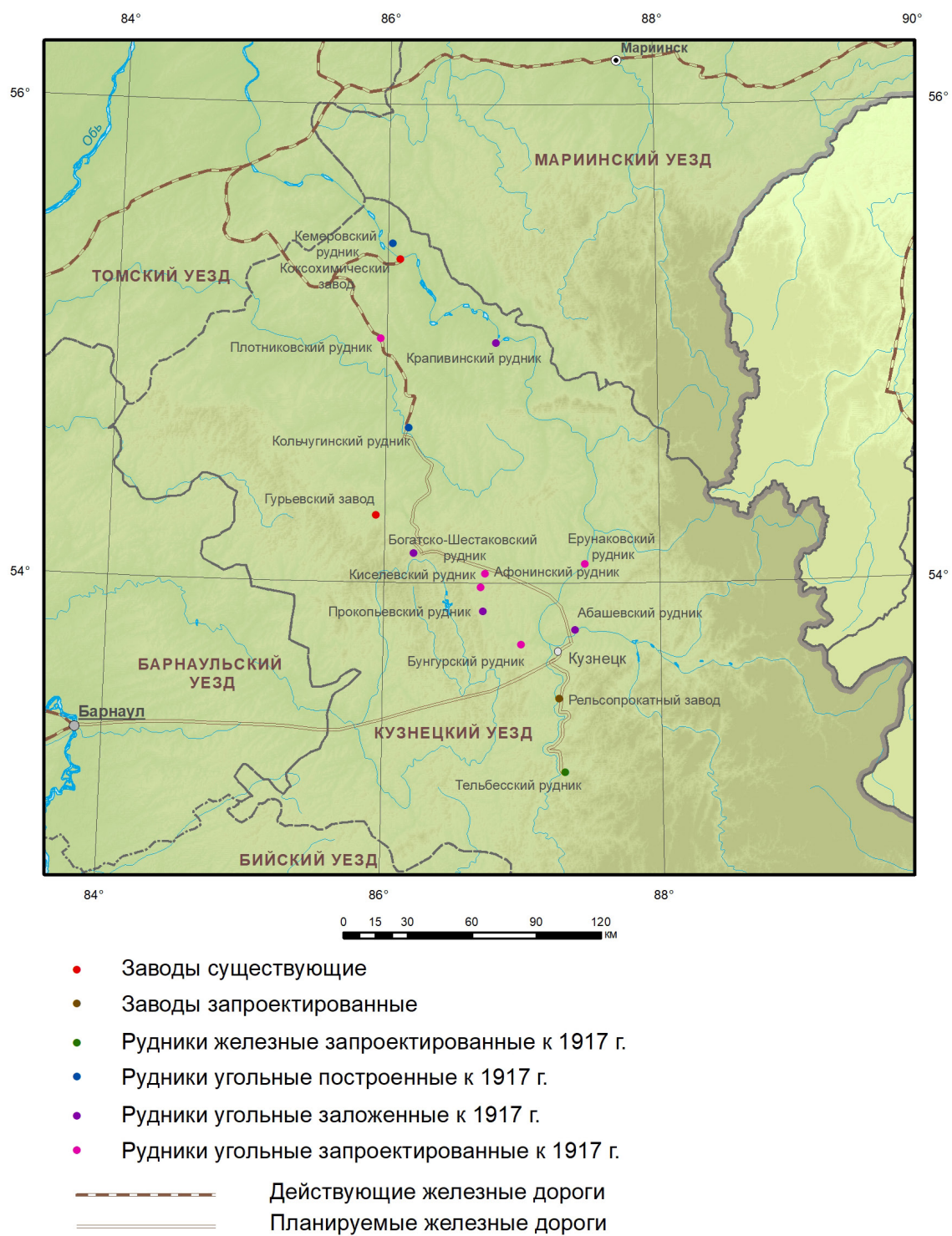

Рис. 11. Карта размещения производительных сил Кузнецкого каменноугольного и металлургического общества в 1917 г.

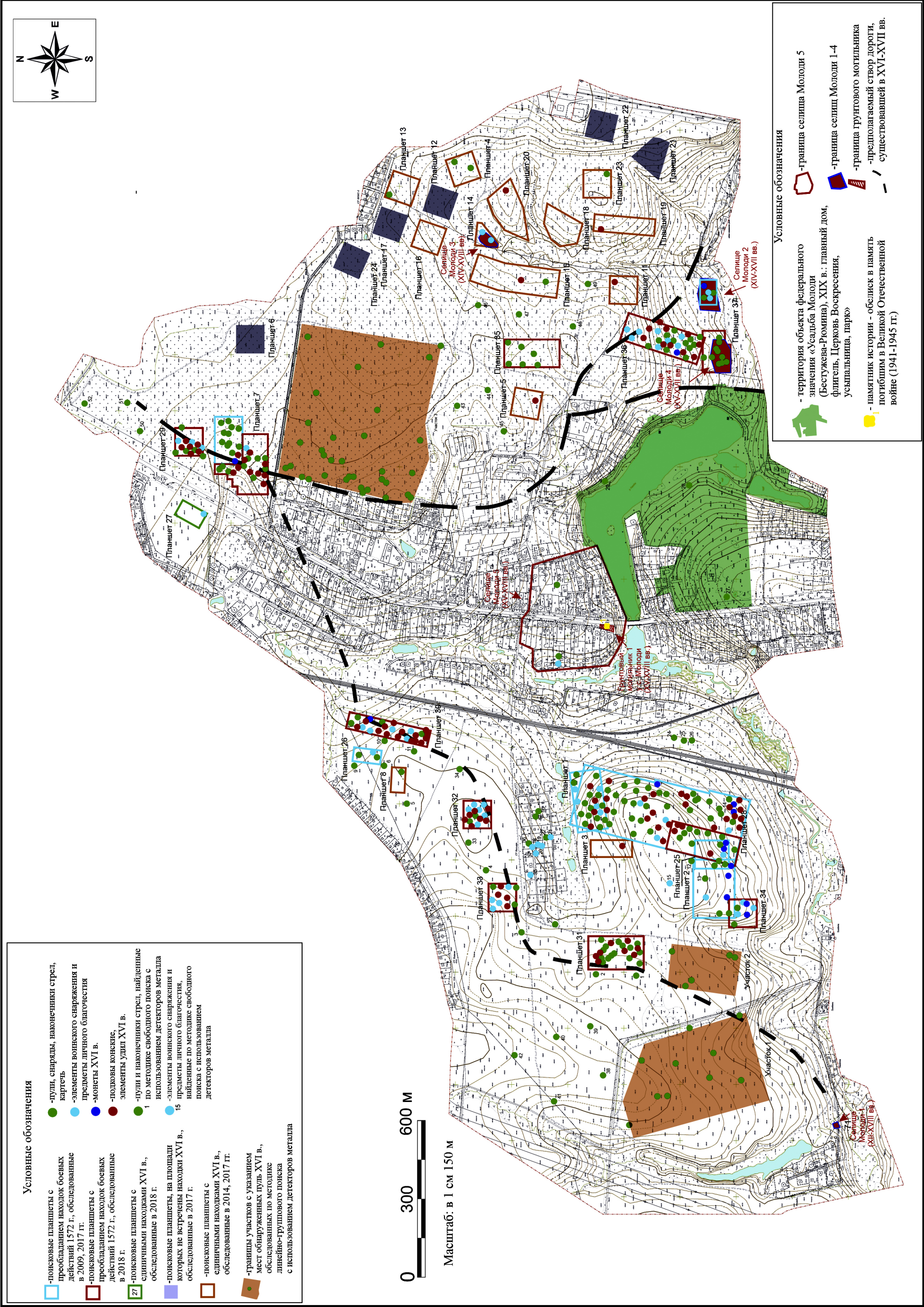

Рис. 12. Московская область, г. о. Чехов, с. Молоди. Сводный план результатов археологических исследований с указанием объектов археологического наследия и участков найденных артефактов времени Молодинской битвы

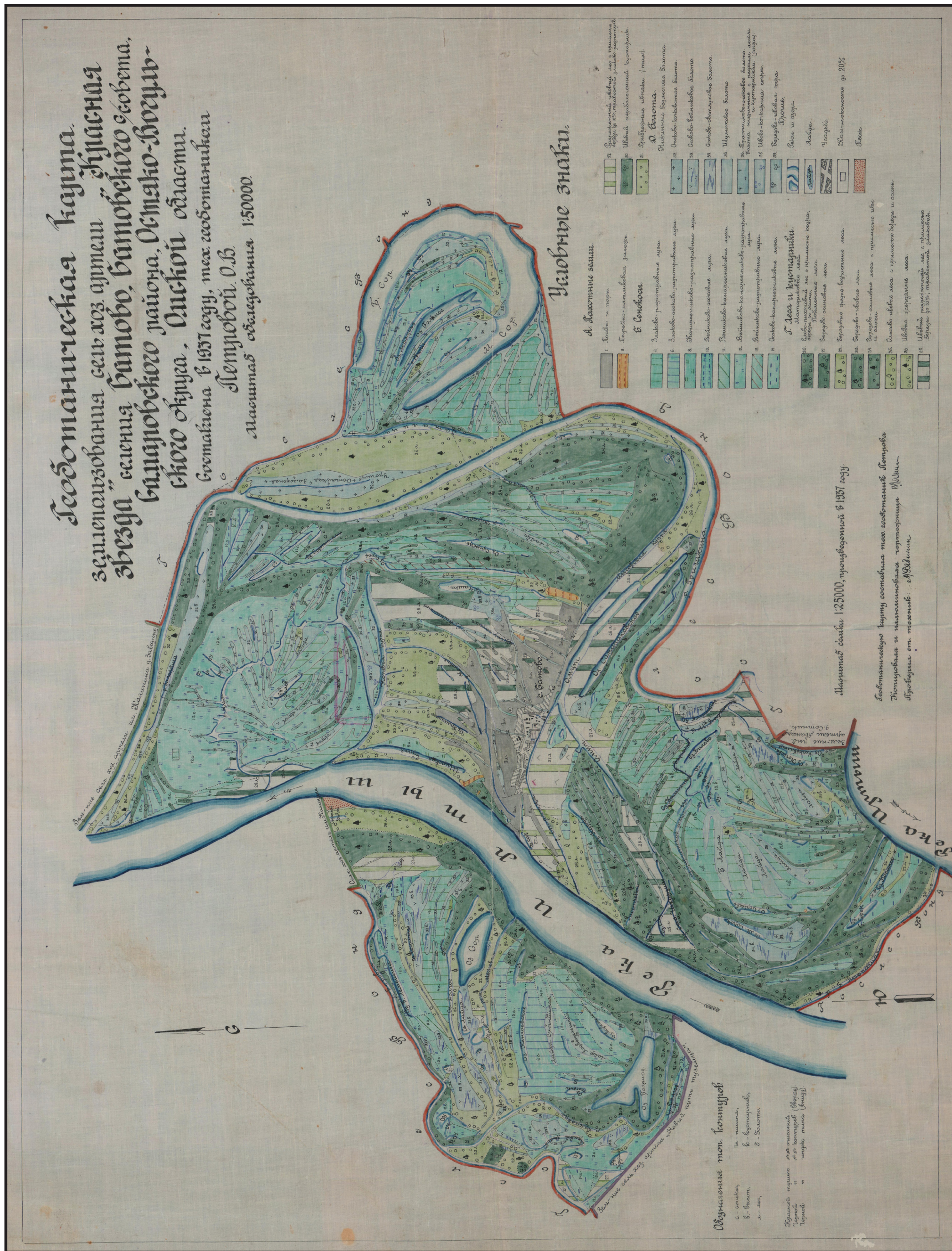

Рис. 13. Геоботаническая карта землепользования сельхозартели «Красная звезда» селения Батово Батовского сельсовета Самаровского района Остяко-Вогульского округа Омской области

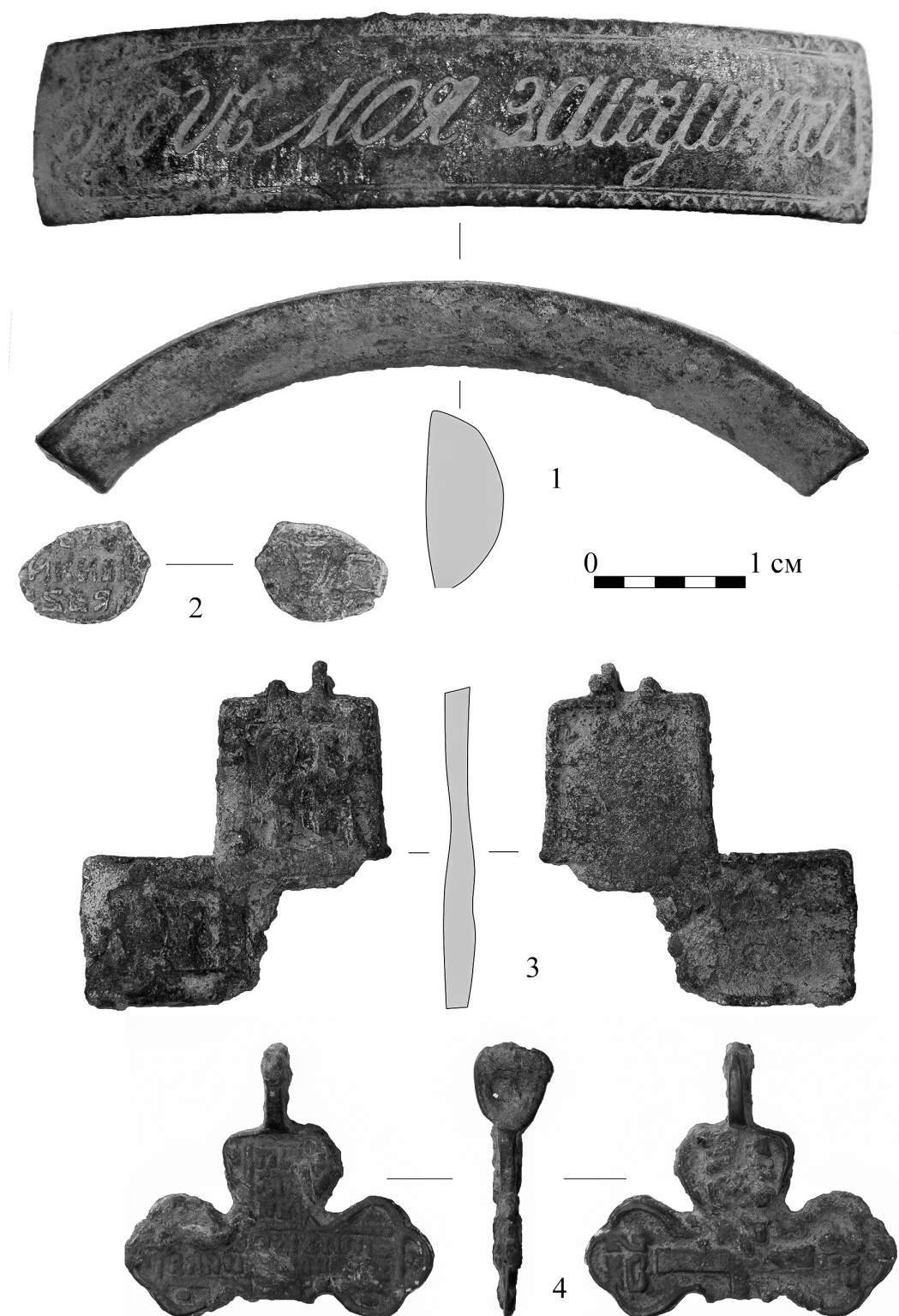

Рис. 1. Индивидуальные находки из культурного слоя грунтового могильника XVI-XIX вв. в с. Молоди, г. о. Чехов, Московской области. 1, 3-5 — из отвалов траншеи для газопровода, 2 — из шурфа 1. 1 — фрагмент бронзового браслета с надписью: «Бог — моя защита». 2 — нательный крест из медного сплава. 3, 5 — фрагменты нательных крестов из медного сплава. 4 — медная монета-«чешуйка» середины XVII в.

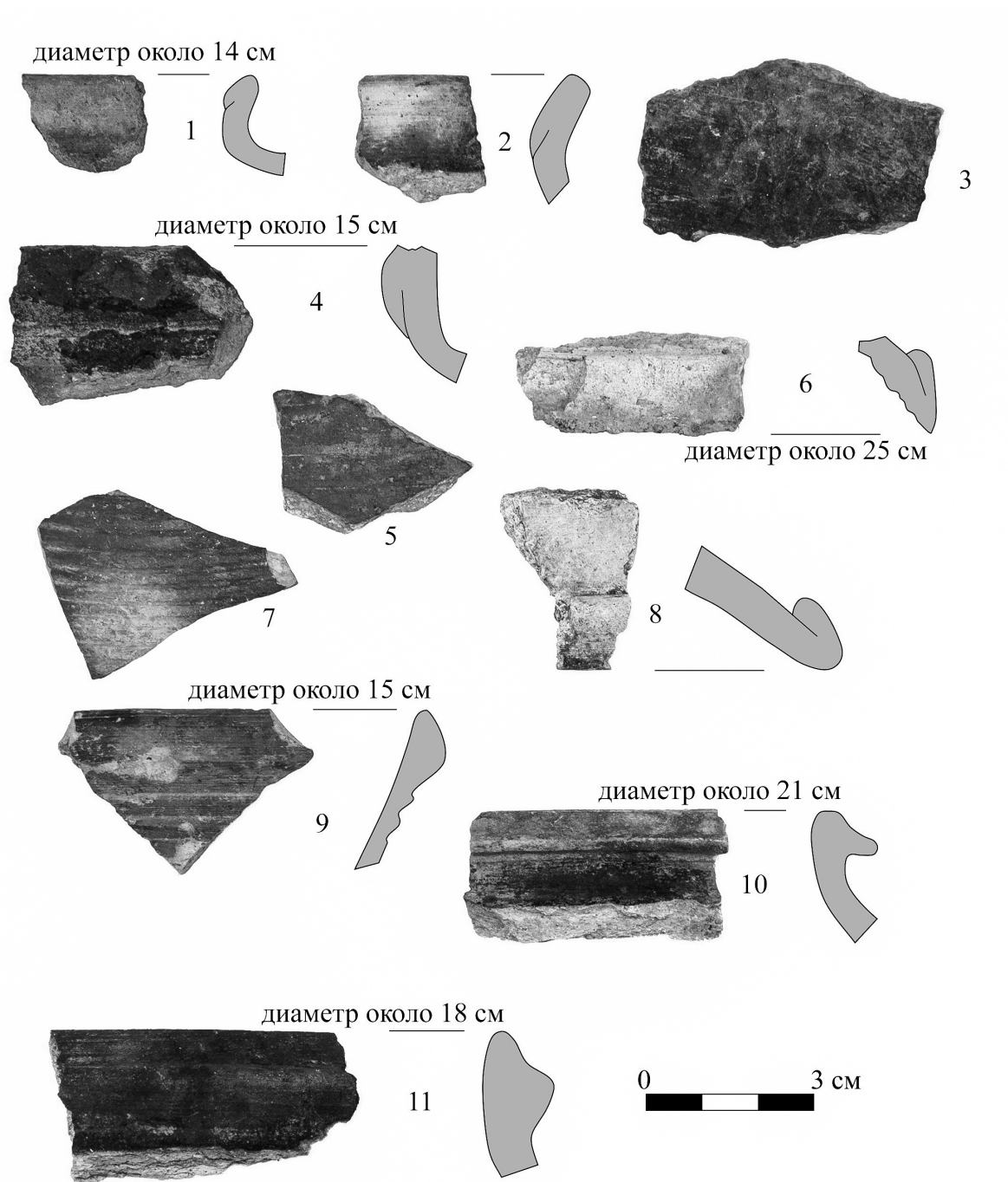

Рис. 2. Фрагменты круговой керамической посуды из пласта 1 шурфа 1 грунтового могильника XVI-XIX вв. в с. Молоди, г. о. Чехов, Московской области. 1 – красноглиняной с песком; 2, 4 – серо-чёрного цвета с песком; 3 – белоглиняной без примесей; 5, 7 – чернолощёной; 6, 8, 10, 11 – белоглиняной с песком в формовочных массах; 9 – морёной.

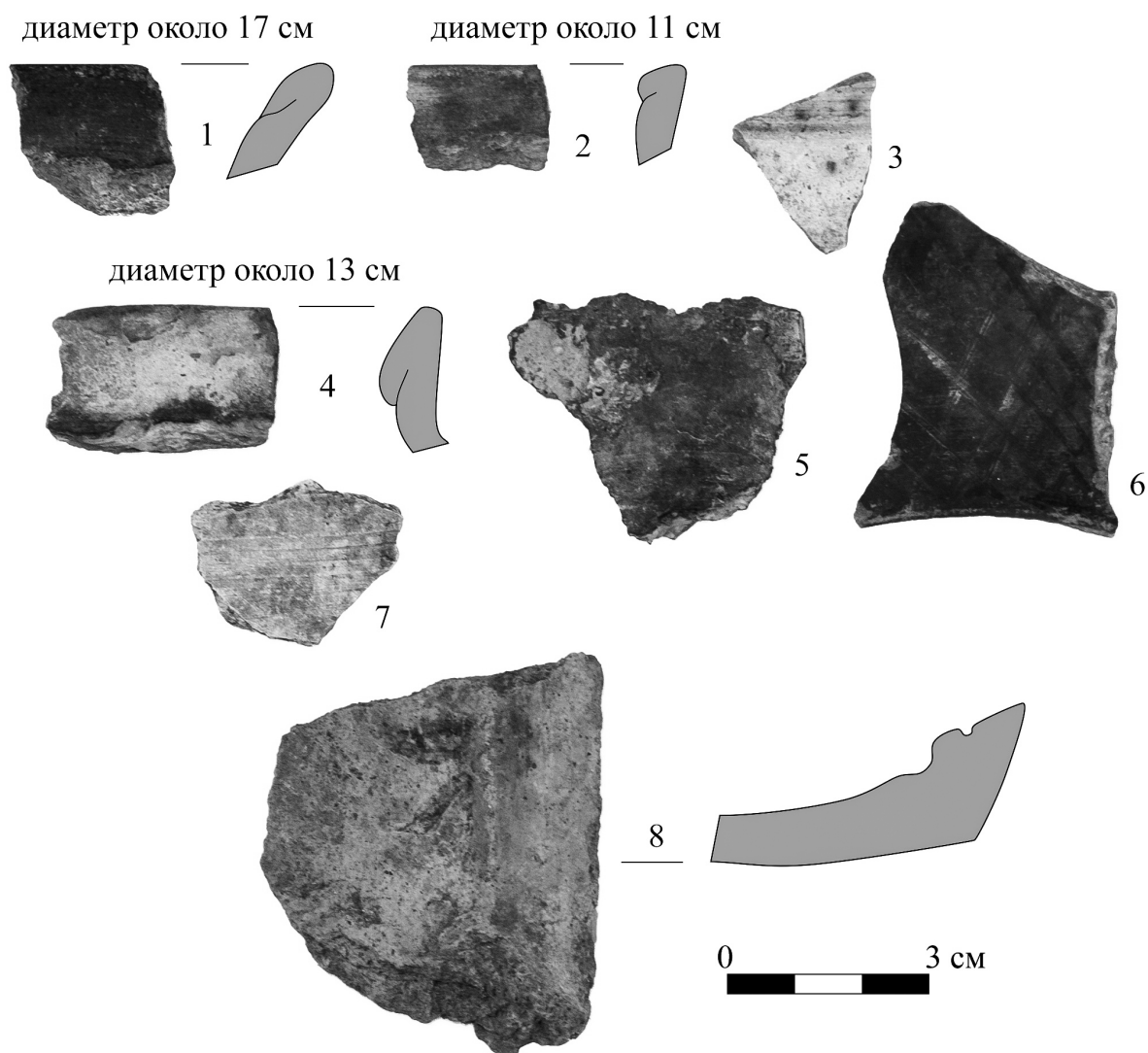

Рис. 3. Фрагменты круговой керамической посуды: 1–3, 5, 6 – из отвалов траншеи для газопровода; 4, 7–16 – из шурфа 1 грунтового могильника XVI–XIX вв. в с. Молоди, г. о. Чехов, Московской области.

2–4, 6 – фрагменты сосудов серо-чёрного цвета с песком в формовочной массе.

1, 9, 10, 13, 15, 16 – фрагменты белоглиняных сосудов с песком в формовочной массе.

11 – фрагмент красноглиняного сосуда с песком в формовочной массе.

12 – фрагмент сосуда из слабообожжённой глины с песком в формовочной массе.

5, 7, 8, 14 – фрагменты чернолощёных сосудов.

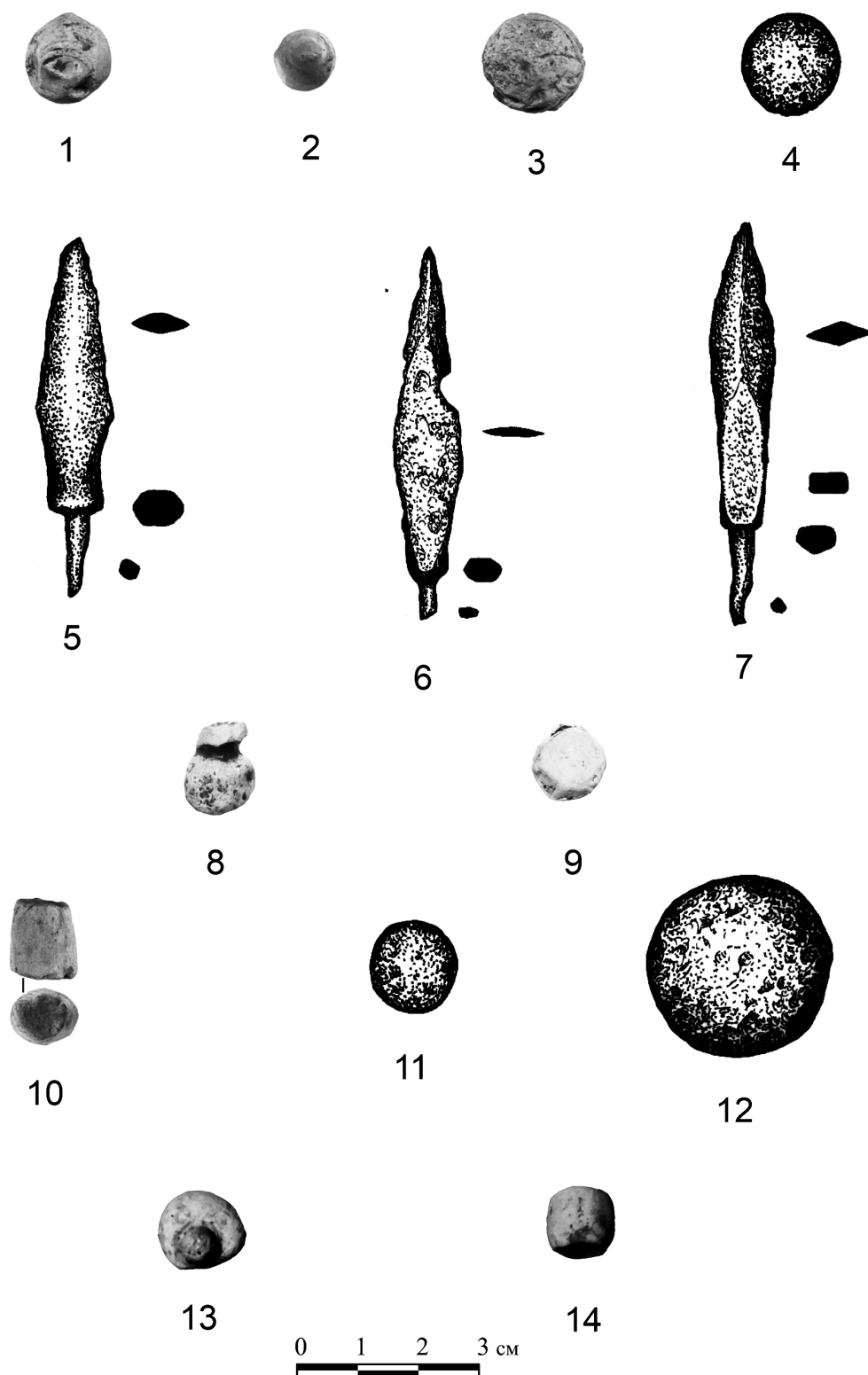

Рис. 4. 1–5 — планшет 36; 6–9 — планшет 37; 10–12 — планшет 35; 13, 14 — участок свободного поиска к востоку от села. 1–3, 8–10, 13, 14 — пули свинцовые; 4, 11, 12 — снаряды железные; 5–7 — универсальные железные наконечники стрел

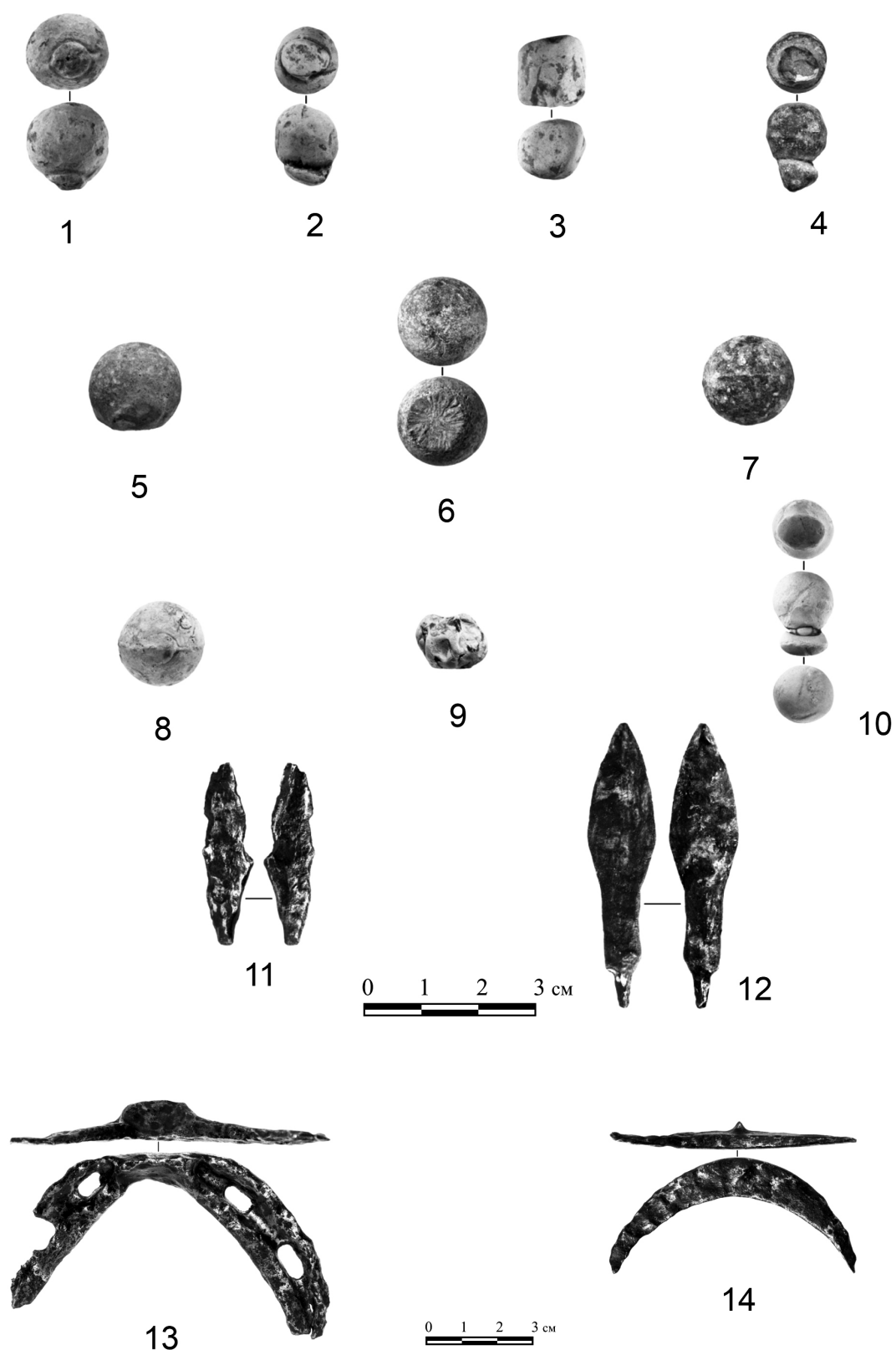

Рис. 5. 1–7 — участок линейно-группового поиска № 3; 8, 9, 11–14 — планшет 7; 10 — планшет 29
 1–10 — пули свинцовые; 11, 12 — универсальные железные наконечники стрел; 13 — подкова
 конская с передним шипом; 14 — бодкова обувная врезная.

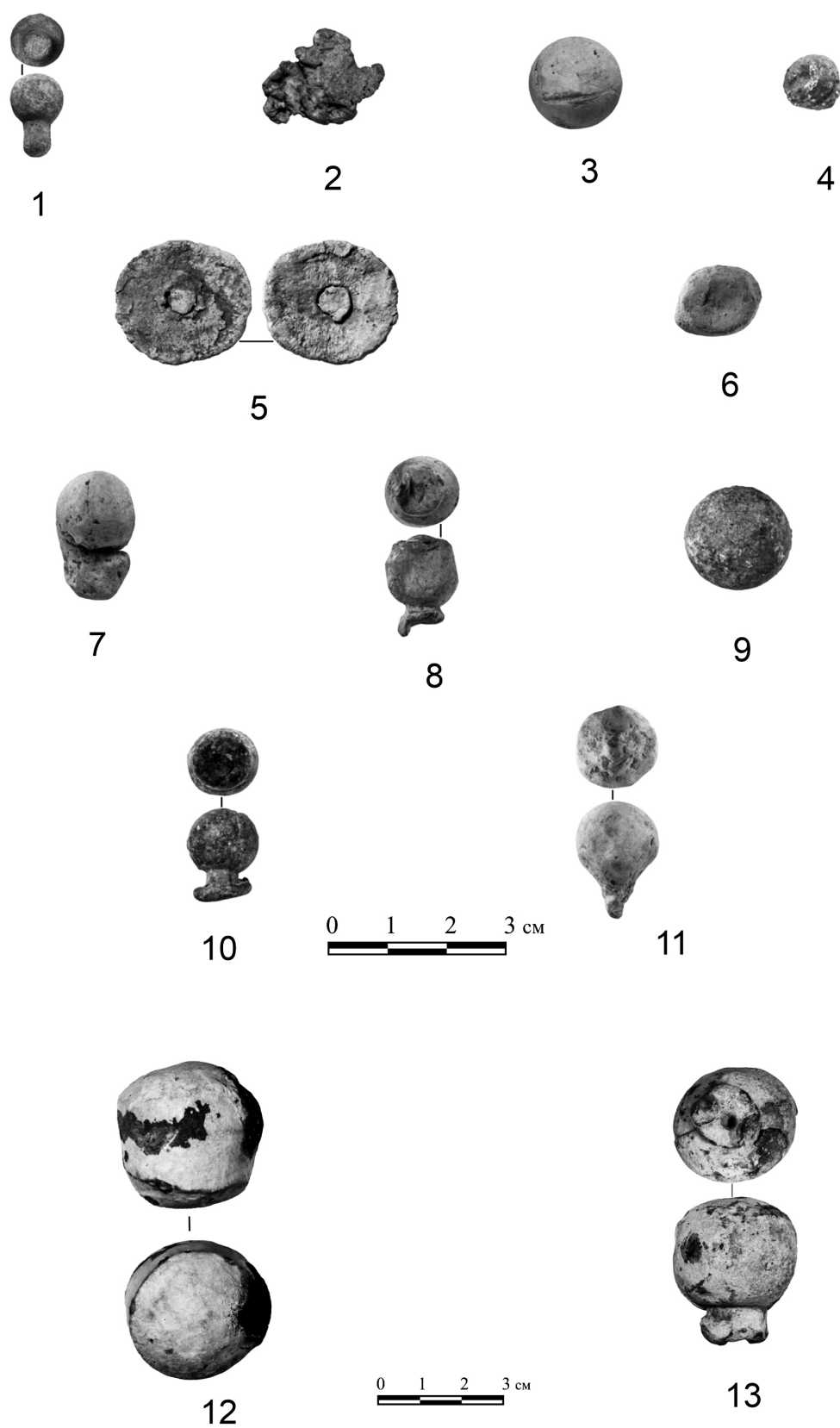

Рис. 6. 1–6 — планшет 31; 7–11 — участок линейно-группового поиска № 1; 12–13 — участок свободного поиска к западу от планшета 31. 1–11 — пули свинцовые; 12, 13 — снаряды свинцовые

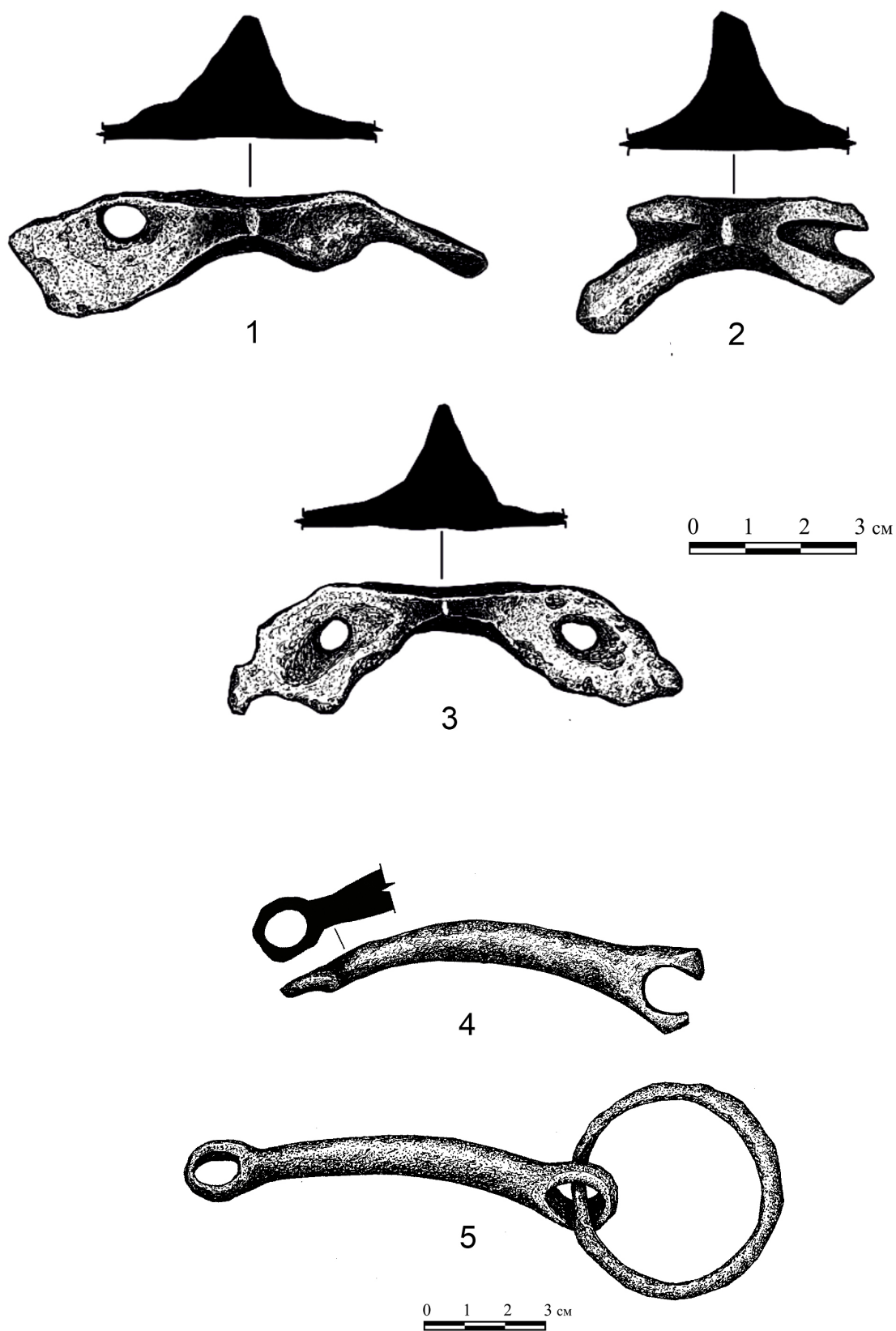

Рис. 7. 1–5 — планшет 28. 1–3 — фрагменты конских подков с передним шипом; 4 — грызло удила; 5 — грызло удила с кольцом

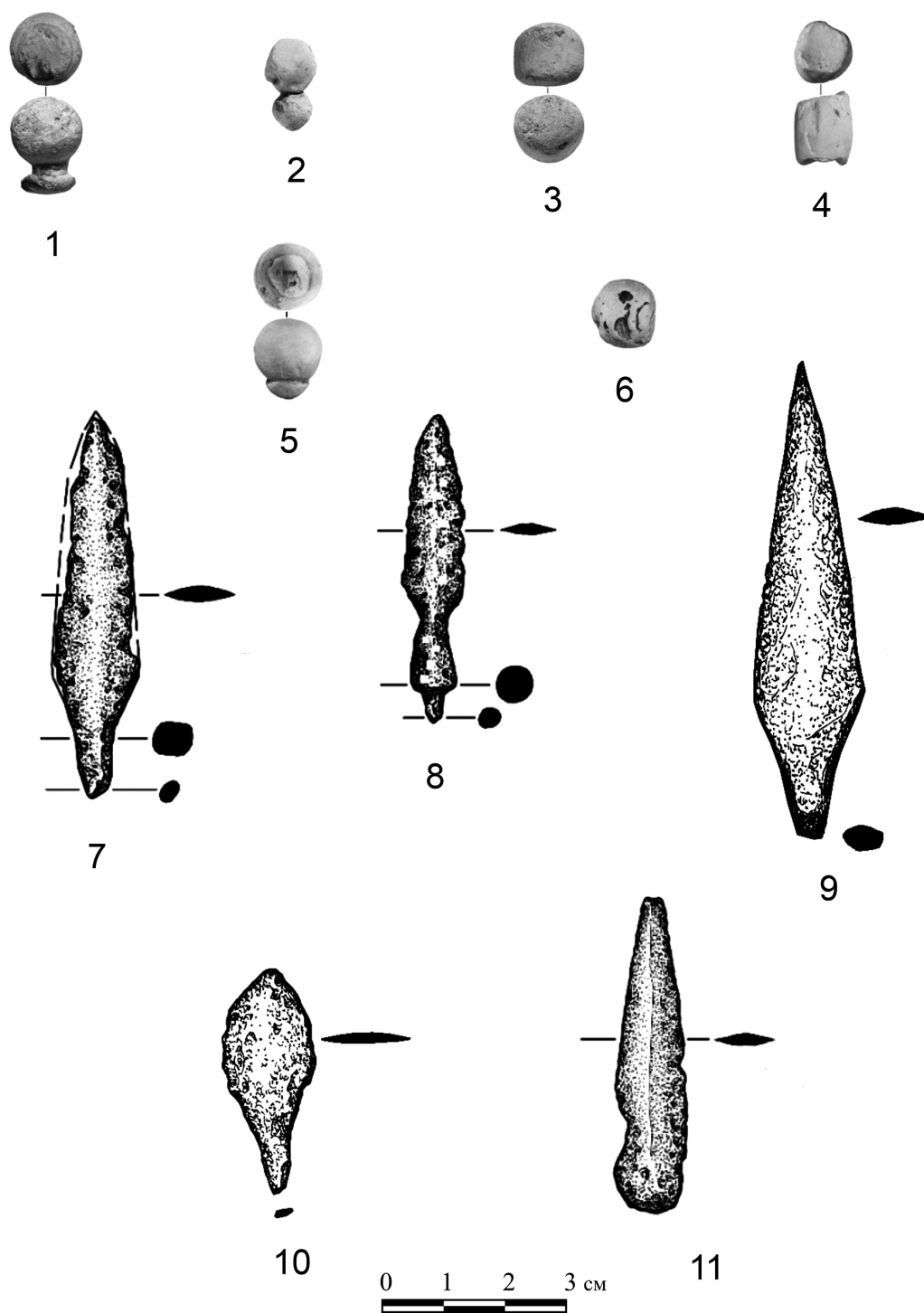

Рис. 8. 1–9 — планшет 28; 10 — планшет 34; 11 — планшет 25. 1–6 — пули свинцовые;
7–11 — универсальные железные наконечники стрел

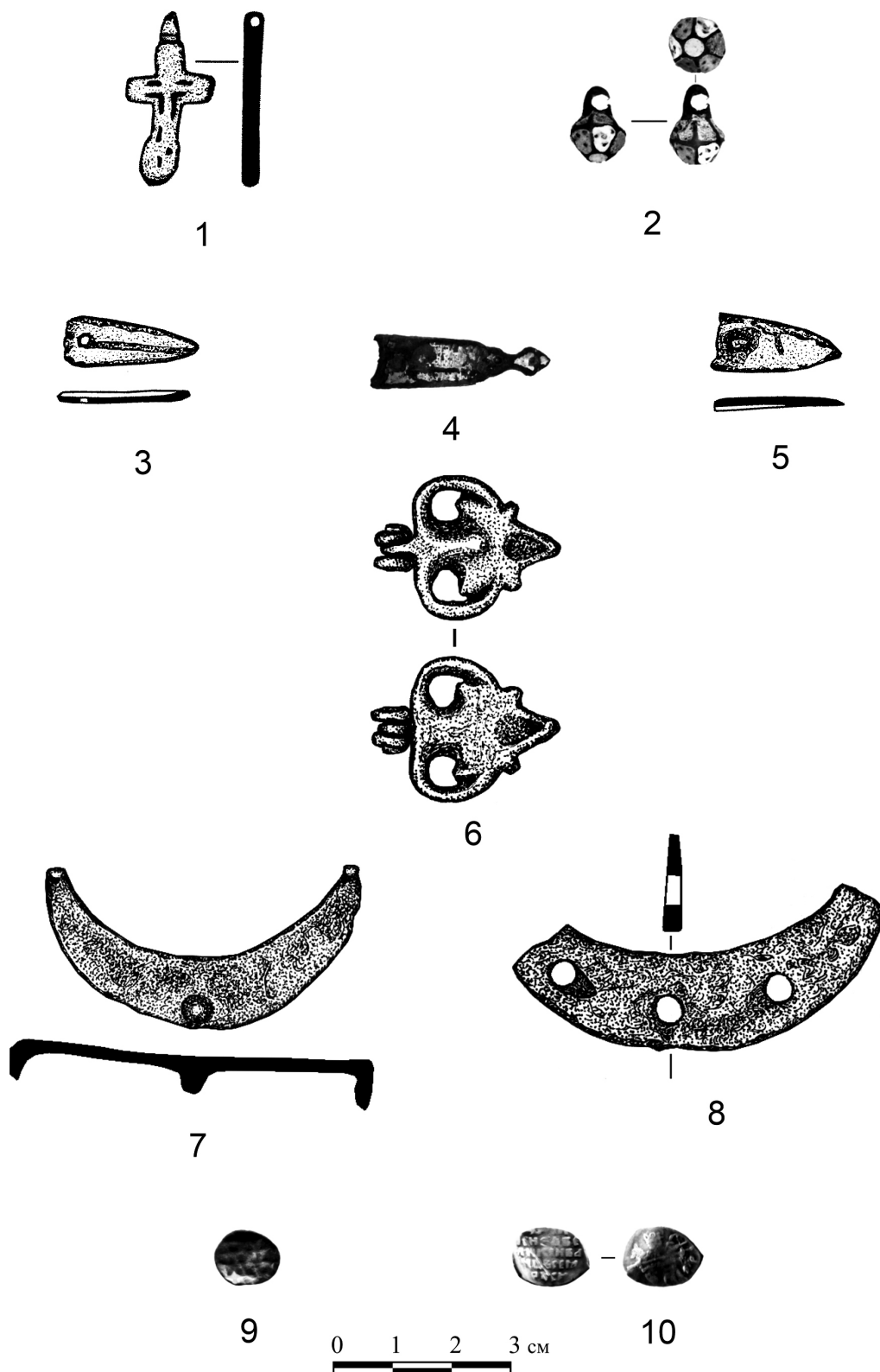

Рис. 9. 1 — планшет 25; 2–5, 7–10 — планшет 28; 6 — участок свободного поиска к западу от планшета 28. 1 — крест нательный; 2 — пуговица; 3–6 — детали поясного набора; 7 — подкова обувная врезная; 8 — подкова обувная набивная; 9, 10 — монеты времени правления Ивана IV

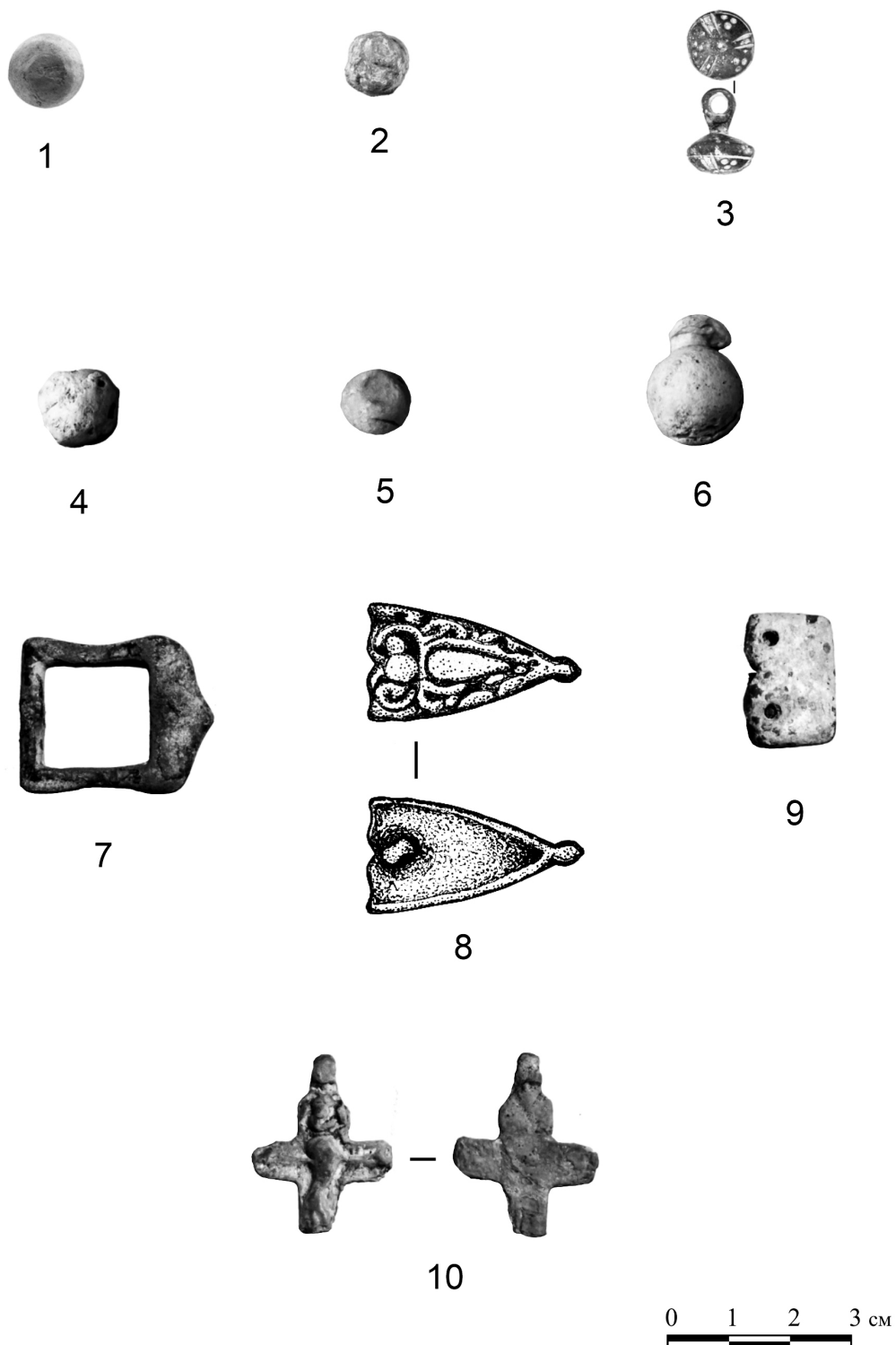

Рис. 10. 1, 2 — планшет 32; 3 — планшет 33; 4–10 — участок свободного поиска на территории СНТ
 1, 2, 4–6 — пули свинцовые; 3 — пуговица-гирька; 7–9 — детали поясного набора;
 10 — фрагмент нательного креста

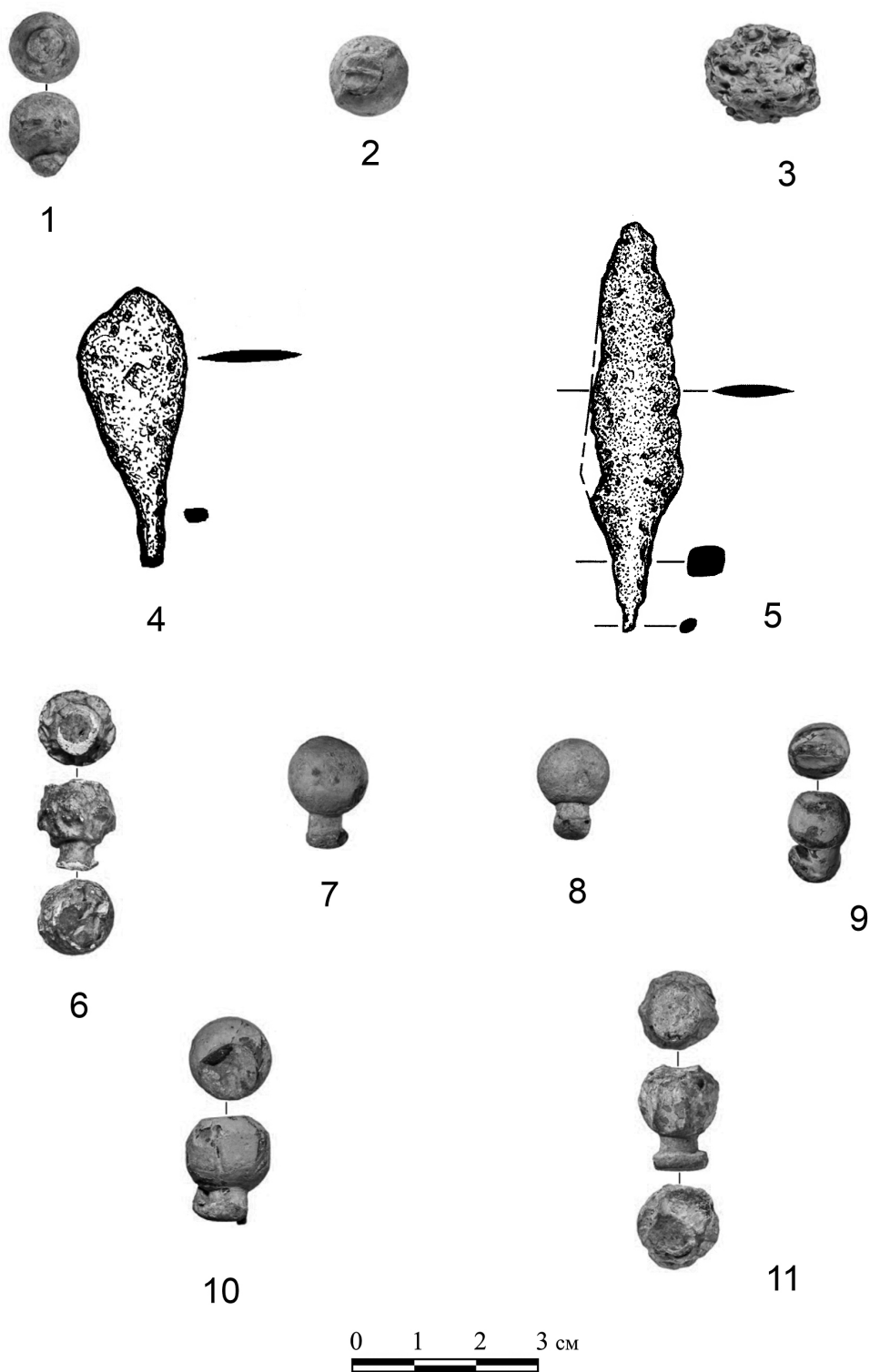

Рис. 11. 1-4 — планшет 30; 5-9 — участок свободного поиска к западу от планшета 30;
10-11 — планшет 26. 1-3, 6-11 — пули свинцовые;
4, 5 — универсальные железные наконечники стрел

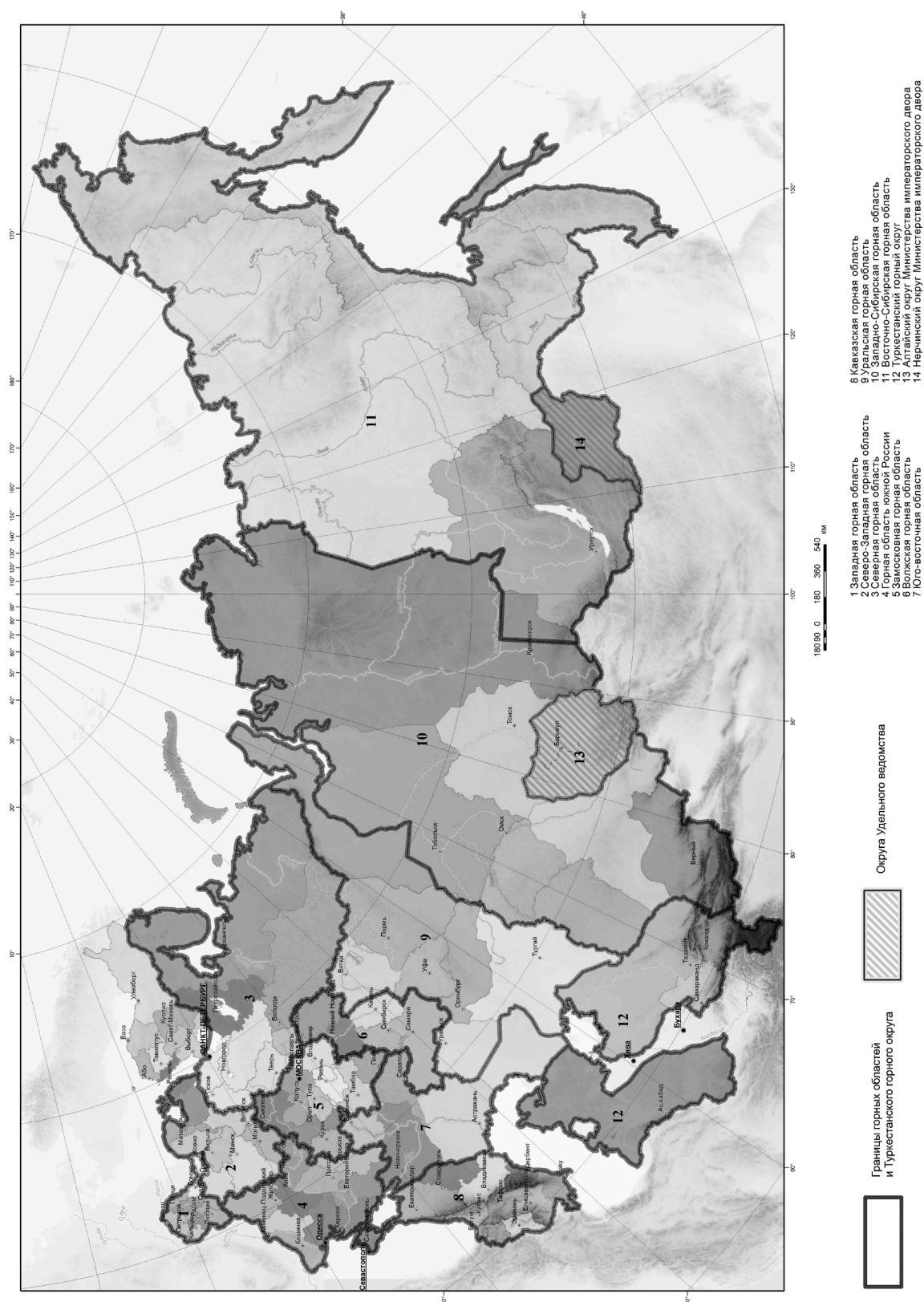

Рис. 12. Горные области Российской Империи в 1900 г.